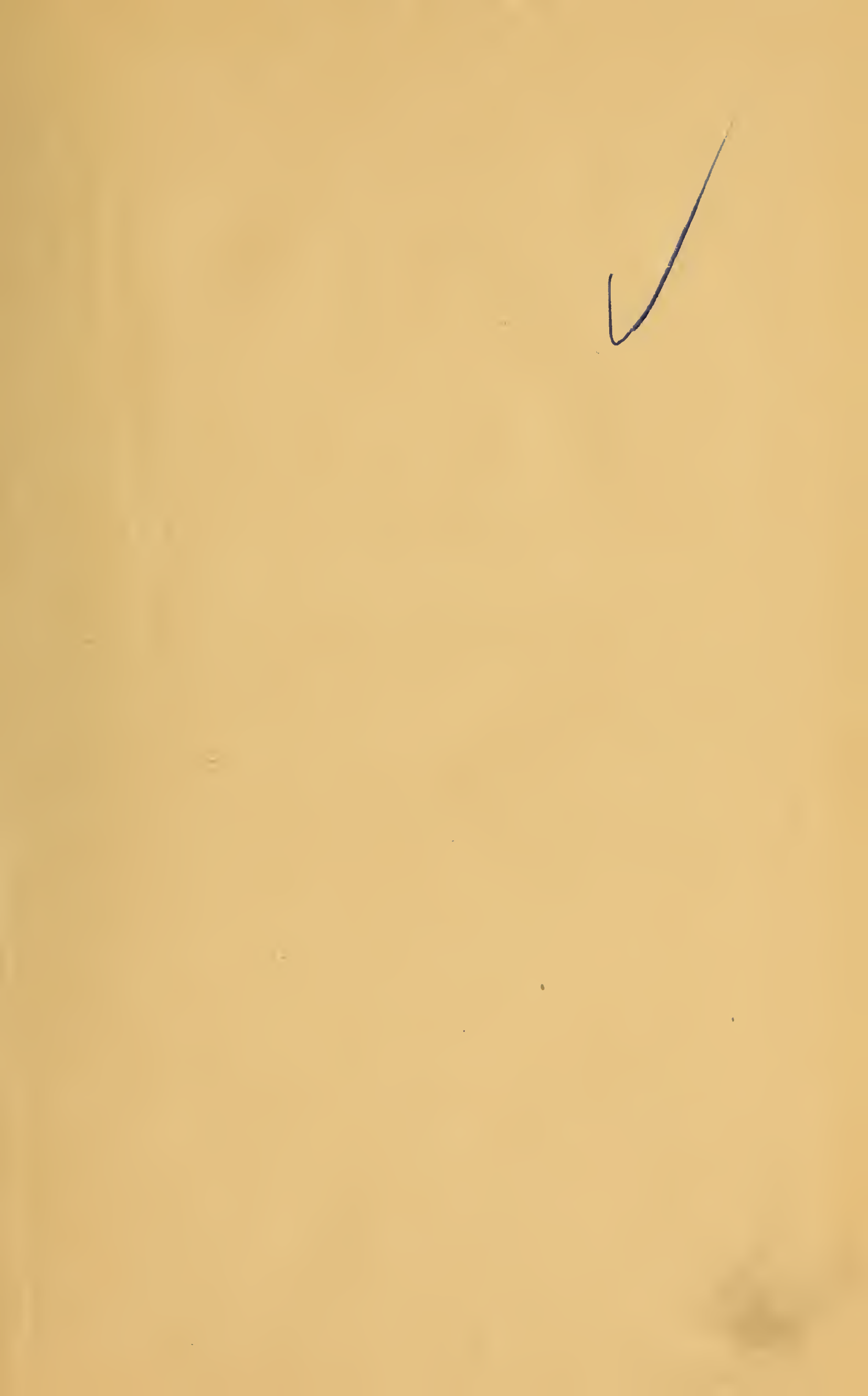

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ПОЧЕРПНУТЫЯ

ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО

ВОСПИТАННИЦА САРА.

А. Вельтмана.

МОСКВА

Въ Типографіи Каткова и К°.

1862.

ВОСПИТАННИЦА САРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ

ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО

ВОСПИТАННИЦА САРА.

А. Вельтмана.

МОСКВА
Въ типографіи Каткова и К°.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 25-го марта 1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*
Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

I.

Было уже темно. Въ одномъ изъ довольно-длинныхъ переулковъ обширной, бѣлокаменной столицы, обрѣтались также фонари, но вѣроятно только для дневнаго украшенія: иной цѣли они не имѣли, потому что никогда не зажигались. И къ чему въ самомъ дѣлѣ было зажигать ихъ и напрасно терять, по латинской пословицѣ, трудъ и масло,—oleum et operam perdere,—если весь переулокъ состоялъ изъ заборовъ, и только одна запертая калитка вела къ дому, находившемуся на обширномъ пустынномъ пространствѣ двора. Переулокъ однакоже былъ не тупикъ, и сверхъ того, надъ калиткой, по одному любимому выраженію, *виднѣлась*, а по другому *красовалась* небольшая вывѣска съ надписью: „Превилегированная, повивальная бабка Викторина. Также принимаетъ дѣтей на попеченіе.“

Было уже темно, какъ мы сказали выше, въ переулкѣ, хоть глазъ выколи. Слышно, что дребезжатъ дрожки; раздался чей-то голосъ: стой!.. Къ счастію, проходящій будочникъ съ лѣстницей и съ фонаремъ, озарилъ мгновенно

противоположный заборъ. Къ калиткѣ подъѣхалъ, на ванькѣ, сѣдокъ въ длиннополомъ сюртукѣ, съ корзиной въ рукахъ.

— Насилу добрелъ! сказалъ онъ, соскочивъ съ дрожекъ и дергая за веревку.

— Добрелъ! отозвался извощикъ,—чай на мнѣ прiѣхалъ, а не на своихъ добрелъ!.. Деньги-то давай.

— Чортъ знаетъ, тутъ не дозвонишься!

— Да ты напередъ деньги-то давай; а тамъ звони себѣ хоть до свѣта! повторилъ извощикъ.

— Тебя какъ я нанималъ? сюда и назадъ; такъ и жди; я сейчасъ же ворочусь.

— Сюда и назадъ? на пустырь-то? врешь, уйдешь, такъ поди ищи хвосты-то твои!..

— Дурачина! думаетъ, что его обмануть!

— Дурачина намъ не по чину, величай себя, отвѣчалъ извощикъ.

Сѣдокъ дернулъ еще разъ за веревку, и вынулъ изъ кармана какую-то монету.

— На!

— Это что жь такое?

— Полтинникъ.

— Полтинникъ? ой ли? проговорилъ извощикъ, ощупывая монету:—врешь, береги гроши-то про себя! давай бумажку, я сдачи сдамъ.

— Ахъ, проклятые! крикнулъ съ досады сѣдокъ, дернувъ снова за веревку.

— Кто тамъ? раздался женскiй голосъ за заборомъ.

— Отопри, голубушка.

— Да ты кто таковъ, сударикъ? кого тебѣ надо?

— Тутъ живетъ госпожа Викторина Ивановна.

— Какая тутъ госпожа? никакой госпожи нѣтъ; а переѣхала къ намъ недавно частная бабушка, кажись, что Катерина Ивановна.

— Она и должна быть.

— Такъ бы и сказалъ; а то барыня; ну, годи, я скажу.

— Да ты отопри, моя милая!

— Нѣтъ, милая-то не отопретъ, не ея дѣло! Богъ васъ знаетъ, кто вы тамъ по ночи-то пришли.

— Ахъ, вы проклятые!

— Ишь ты, всѣ у него проклятые... Да ты плати прежде за провозъ-то... Вѣдь и отопрутъ, я не пущу; слышишь, караулъ закричу! сказалъ извощикъ, ухватясь за корзину.

— Не тронь! крикнулъ сѣдокъ: — на! вотъ тебѣ рубль серебромъ.

Извощикъ ощупалъ бумажку, и удовольствовался.

— Сдачи, что ль, аль поѣдешь назадъ?

Въ это время калитка отворилась.

— Кого вамъ? Викторину Ивановну?

— Викторину Ивановну. Посылка къ ней.

— Пожалуйте, сказала женщина, провожая неизвѣстнаго чрезъ дворъ къ дому и потомъ по темной лѣстницѣ.

Между тѣмъ, въ окнахъ верхняго этажа украшенныхъ ситцевыми занавѣсками, показался свѣтъ. Въ комнаткѣ убранной мебелью подъ орѣхъ, надъ однимъ столикомъ висѣло зеркало, надъ другимъ портретъ вывѣсочной живописи, изображавшій улыбающуюся даму въ чепцѣ и локонахъ. Оригиналъ портрета ходилъ взадъ и впередъ въ томъ же чепцѣ и локонахъ, въ томъ же накинутомъ на плеча платкѣ съ набивными турецкими цвѣтами посреди арабскихъ вавилоновъ и англійскихъ узоровъ; съ тѣмъ же носовымъ платкомъ въ сложенныхъ рукахъ. Не доставало только прежней улыбки, румяныхъ ланитъ на лицѣ, и присоединенной живописцемъ великолѣпной вазы въ комнатѣ. Это была женщина среднихъ лѣтъ, но пріятной и доброй наружности. Съ нетерпѣніемъ посматривала она въ переднюю, подходила къ зеркалу, и въ ожиданіи поправляла съ улыбкой локоны, какъ будто желая снова походить на свой потретъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ въ комнату довольно уже пожилой человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ, что-то въ родѣ стариннаго управляющаго домомъ и довѣреннаго человѣка. Въ рукахъ его была кордонка въ родѣ корзины съ крышей.

— Вы сударыня, Викторина Ивановна? спросилъ онъ.

— Я, мой милый.

— Такъ вотъ приказано вамъ отдать.

— Ахъ, это дѣтское приданое!

— Не знаю сударыня съ чѣмъ; въ магазинѣ сказали, что тутъ есть реестръ всему.

— Ну да, да, да, я и сказала, что въ магазинѣ дѣтскаго бѣлья есть все готовое.

— Да вотъ пакетецъ со вложеніемъ; извольте пересчитать.

— Хорошо, мой милый, проговорила Викторина, взявъ пакетъ.

— Это, сударыня, по условію за полгода: не угодно ли пересчитать, да выдать мнѣ записочку, что изволили получить.

Викторина подошла къ свѣчѣ и стала считать бумажки; но качество, или количество ихъ ее взволновало; глаза, непривычные къ значительнымъ суммамъ денегъ, какъ будто заволокло куриною слѣпотой, а руки дрожали.

— Точно такъ, сказала она наконецъ, совершенно сбившись съ толку и положивъ пакетъ въ столъ.—Сейчасъ напишу росписку... Какъ же мнѣ писать? пожалуста говорите мнѣ... Сего числа... получила... отъ кого?

— Просто извольте написать: получено мною тысяча рублей ассигнаціями.

Руки Викторины тряслись; но кое-какъ она написала эти слова, и подписалась. Когда человѣкъ вышелъ, она принялась снова пересчитывать деньги. На первый разъ она не досчиталась цѣлыхъ трехъ сотъ рублей. Холодный потъ выступилъ на лицѣ.

— Ахъ, Боже мой, онъ обсчиталъ меня! вскричала Викторина, принимаясь снова считать. На второй разъ недостало только ста рублей; а наконецъ вся тысяча оказалась сполна.

Лицо ея пылало, какъ на портретѣ. Успокоясь отъ волненія, она вошла въ свою спальню, тихонько отперла комодъ и положила пакетъ въ ларчикъ; потомъ прислушалась у пріотворенныхъ дверей въ другую комнатку.

— Спитъ спокойно, милочка! прибавила Викторина, и во-

ротясь къ комоду, на которомъ стояло зеркальце, она скинула парадный чепчикъ, потомъ зачесала волосы подъ гребенку и надѣла ночной чепецъ. Вдругъ раздался какой-то дикій звукъ съ продолжительнымъ свистомъ.

— Она испугаетъ ребенка! проговорила Викторина, всплеснувъ руками , и бросилась въ боковую отъ спальни комнатку, гдѣ подлѣ приставленныхъ другъ къ другу креселъ, накрытыхъ кисейною занавѣской, лежала раскинувшись на разостланномъ войлокѣ, на полу, тучная деревенская баба.

— Кормилица!.. Господи, буря какая! Что ты, матушка, храпишь и сопишь! ты испугаешь дитя!

Кормилица очнулась, вскочила и начала поправлять съ просонковъ платокъ на головѣ и почесывать виски.

Прошептавъ ей строгій выговоръ, Викторина возвратилась въ спальню, сѣла въ мягкія кресла, опустила голову на спинку, протянула ноги, сложила руки, и смотря въ потолокъ, проговорила: „теперь я, слава Богу, обезпечена надолго; а если это дитя останется на моемъ попеченіи нѣсколько лѣтъ“... она не договорила, сердце ея забилось передъ фресками роскошной будущности, которая представлялась ей на безпредѣльномъ пространствѣ потолка. Пріятныя мечты стали однакоже клонить ее ко сну. Она встала и позвала тихонько свою Матрену, у которой, какъ у *Ямантаги* было безчисленное множество рукъ и ногъ, на безукоризненное исполненіе обязанностей горничной, кухарки, прачки, посыльной и временной няньки дѣтей, которыхъ Викторина брала на попеченіе, и даже погребальницы. Матрена раздѣла ее, уложила въ постель, и сложивъ руки, ожидала приказаній.

— Что жь ты стоишь, ступай себѣ.

— А про кушанье-то забыли?

— Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ забыла!.. Завтра ты, Матрена, встань пораньше , да достань сѣнной трухи... на обѣдъ купи фунта три парной говядины перваго сорта на супъ, да хорошую филейную часть на жаркое...

— Эва ! филею! Филей-то меньше пяти фунтовъ не отрѣжутъ.

— Ну что жь такое!.. Кореньевъ побольше... не забудь

взять пырею... я пырей люблю... Да купи теста на пирожки; мѣрку картофелю, только хорошаго. Ахъ, да! пары три сосисокъ...

— Чай къ Нѣмцу бѣжать?

— Конечно... Масла купи фунта три, дополнила Викторина въ заключеніе, вынувъ изъ комода деньги.

— Господи, да куда жь это три фунта! Чтобъ прогоркло?

— Я сама буду дѣлать марципаны... Ахъ, и забыла: зайди въ кондитерскую да купи фунтъ шеколаду.

— Господи, да что у васъ завтра праздникъ, что ли, какой нѣмецкой? Именинъ своихъ не празднуете; а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, словно сорóка; гостей сзывать!.. Чу, звонитъ кто-то опять.

— Нѣтъ ужь я никуда, ни за что; я такъ утомилась эти дни.

— Волей-неволей, а пойдешь, какъ родильница въ части. Служба—кабала.

— Я служить больше не намѣрена! Скажи, что я больна.

Звонокъ снова звякнулъ. Матрена выбѣжала.

— Служить я больше не намѣрена, повторила Викторина,— завтра же буду просить увольненія.

— Одѣвайтесь-ко, сказала, возвратясь, Матрена.

— И не думаю; никуда и ни къ кому! Кто бы тамъ ни былъ, скажи что не могу.

— Что тутъ не могу! Къ мадамъ Бертѣ-то не можете? къ закадычному другу? Вѣрно съ дочкой-то ея что-нибудь приключилось.

— Неужели? отъ Берты?

— Стало-быть дочка-то, Диночка, повѣнчалась съ тѣмъ иностраннымъ банкерскимъ прикащикомъ? Ну, счастлива!..

— Мнѣ же на руки... нѣтъ, благодарна, проговорила Викторина.

— Что жь, одѣваться, чтоль? извощика прислали.

— Не поѣду; скажи, что изъ части прислали за мной; въ части работа, никакъ не могу; пусть за другой пошлютъ.

Матрена покачала головой и вышла.

— Нѣтъ, благодарна! пусть извинитъ Берта! продолжала Викторина разговаривать сама съ собой.—Она ужь намекала,

и приговаривалась къ тому, чтобъ отдать ребенка на мое попеченіе... Большая прибыль! Знаю я этихъ... тароватыхъ господъ!.. Наобѣщаютъ горы!.. Да и мѣста у меня нѣтъ, гдѣ жь я помѣщу двухъ? да еще и другую кормилицу держи. Ни за что̀!

Съ этими рѣшительными мыслями Викторина стала засыпать. Но снова раздался звонокъ, и вскорѣ вслѣдъ за Матреной, вошедшей со свѣчой, вошла женщина пожилыхъ лѣтъ, въ родѣ муттерхенъ ходящей на рынокъ, въ мантильѣ и въ шляпкѣ съ неизмѣримыми полями. Вбѣжавъ въ спальню съ аханьемъ, она бросилась на лежавшую въ постелѣ Викторину, облобызала ее и заговорила въ полголоса по-нѣмецки.

Матрена, не понимая ничего, поняла однакоже, что просьбы на нѣмецкомъ языкѣ гораздо убѣдительнѣе. Викторина, хотя не охотно, но стала одѣваться, и вскорѣ исчезла съ Бертой.

II.

Несмотря на рѣшимость Викторины удовольствоваться материнскимъ попеченіемъ только объ одномъ младенцѣ, котораго, какъ она выражалась, послалъ ей самъ Богъ, на другой же день, въ маленькой комнаткѣ между спальней и кухней, стояла еще пара сдвинутыхъ креселъ, полузакрытыхъ старымъ саржевымъ платкомъ. Дебелая и тучная кормилица не затруднилась, взяла на свое продовольствіе двухъ питомицъ. То лелѣяла и кормила Бѣляночку; то кормила и убаюкивала Чернаву. Бѣляночкой называла она первую дѣвочку, которая поступила на ея кормы. Это была Вѣрочка, крохотное слабенькое существо; капельки двѣ молока удовлетворяли ее, и она тотчасъ же засыпала у груди.

— Ужь какой это жилецъ! говорила кормилица, качая головою.

— Полно каркать ворона, типунъ тебѣ на языкъ! сердито вскрикивала на нее Викторина, заботливо и боязливо ухаживая за Вѣрочкой.

Другая дѣвочка, навязанная ей внучка Берты, проявляла внутреннія силы. Еще молочные, но уже зоркіе глазенки, таращились на всѣ окружающіе предметы, ручонки цѣплялись за все, и она молчала, когда жажда ея была удовлетворена; но едва кормилица, занятая другимъ ребенкомъ,

промедлила и тотчасъ же, по деревенскому ея выраженію, не заткнула глотки, тѣ же глазенки грозно хмурились и ротикъ, съ невыносимымъ крикомъ, ухвативъ грудь, долго тормошилъ ее, прежде чѣмъ, впившись въ нее, начиналъ сосать съ гнѣвнымъ ропотомъ и захлебываясь.

— Экая прорва, прости Господи! ворчала часто кормилица:—добро бы впрокъ!

Викторина также не жаловала внучку Берты. Безпокойный ребенокъ надоѣдалъ ей крикомъ своимъ, а Матрена допросами, какъ звать его.

— Что она безыменная, что ли, некрещеная, повторяла Матрена,—или ужь такъ и останется Чернавой, какъ прозвала ее кормилица?

Не прежде какъ чрезъ мѣсяцъ Викторина получила записку отъ Берты, съ извѣщеніемъ, что имя младенца Sarah. Это имя встревожило ее. Она сама побѣжала къ пріятельницѣ своей и объявила ей, что она не можетъ держать у себя дѣвочки, которая носитъ имя Сара.

— А почему же это? проговорила въ свою очередь встревоженная Берта.

— Вопервыхъ потому, что я служу, и меня спросятъ, что у меня за дѣвочка на воспитаніи съ некрещенымъ именемъ; а вовторыхъ это лишитъ меня практики: скажутъ, что я принимаю на глѣбовскомъ подворьѣ.

— Помилуйте, Викторина, какое же некрещеное имя? это американское имя; зять изъ Америки родомъ... Онъ теперь поѣхалъ въ Америку, а по возвращеніи его, Дина возьметъ дочь къ себѣ.

— Да, это другое дѣло, сказала успокоенная Викторина.— И я очень буду рада! прибавила она, возвратясь домой.— Мнѣ надоѣла эта рёва!.. Ты поминутно кормишь ее, кормилица, а Вѣрочка голодная.

— А кто жь ей виноватъ, дитя не проситъ, мать не разумѣетъ; вотъ эта, заорётъ, такъ и вѣдомо, что ѣсть хотитъ.

— Не давай часто.

— Да для чявожь не давать-то? то и телятко, что двѣ матки сосетъ; а эта что? ненадежная.

— Ахъ ты бурая корова! что мычитъ!

Викторинѣ и безъ напоминаній поминутно приходила страшная мысль въ голову, что того и гляди, слабенькая Вѣрочка умретъ, и она лишится дохода, который можетъ обезпечить всю ея будущность.

— Господи, пошли ей хоть три годка жизни! повторяла она мысленно, смотря на Вѣрочку.

Но кормилица, какъ будто сглазила бѣдную дѣвочку; она вдругъ заболѣла. Викторина перепугалась. Во всякомъ другомъ случаѣ она употребила бы въ дѣло собственныя свои познанія въ медицинѣ; напоила бы ромашкой, дала бы магнезіи, намазала бы животикъ маслицемъ, употребила бы даже промывальное; но Вѣрочка пуще роднаго дитя, надъ которымъ не пробуютъ домашней аптеки и универсальныхъ средствъ. Надо ѣхать за докторомъ; но вправо ѣхать или влѣво? За аллопатомъ или гомеопатомъ? На *малыя толики* она однакоже не понадѣялась, и какъ будто убѣжденная, что на русскую натуру не подѣйствуетъ и нѣмецкая молитва, она заѣхала къ Иверской. Докторъ, котораго Викторина привезла съ собою, любилъ свое призваніе, любилъ науку, но не вѣрилъ въ нее какъ въ Бога. Помогать ея дѣло, а воскрешать не ея дѣло, говорилъ онъ.

— Помогите! повторяла и Викторина, подводя его къ больной Вѣрочкѣ.

— А вотъ, увидимъ, чему помогать... Ну-у, есть чему! сказалъ онъ, садясь подлѣ колыбелки, и приложивъ руку къ пылающей головкѣ ребенка.—Это откуда ты взяла такую хорошенькую дѣвочку?

— Это дочь моего друга.

— Твоего друга?.. стало быть собственная.

— Ахъ, полноте!.. скажите, что?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Ты чѣмъ ее кормишь?

— Вотъ кормилица.

— Ого! покажись-ко сюда, голубушка... Покажи вымя-то... Да, изрядное. Ступай!

— Молоко у нея очень хорошее.

— Сливки?.. Ахъ ты повитушка! а еще Викторина! нешто можно кормить такую мозгляненькую дѣвочку коровьимъ молокомъ?.. Навараксай животикъ чѣмъ-нибудь, да дашь порошечки...

Докторъ написалъ рецептъ, всталъ и пошелъ. Викторина бросилась къ нему съ благодарностію за визитъ.

— Что еще?.. Кормилицу-то перемѣни! сказалъ онъ, оттолкнувъ ея руку.

Пославъ рецептъ въ аптеку, она сѣла подлѣ Вѣрочки, успокоенная надеждой на ея выздоровленіе; но горевала, что надо взять другую кормилицу. Медлить нельзя было. На другой же день явилась другая, и Вѣрочкѣ стало лучше.

Дебелая кормилица предоставлена была въ полное распоряженіе Сары.

Викторина надѣялась, что отъ этой обузы скоро ее избавятъ; но прошло нѣсколько недѣль, никто и не думалъ брать ребенка. Прошелъ еще мѣсяцъ; Викторина хотѣла уже напомнить Бертѣ; но, легкая на поминѣ, Берта явилась сама, и только что вошла въ комнату, сѣла и залилась горькими слезами.

Матрена подслушивала по обычаю разговоръ; но опять ничего не поняла, кромѣ того, что мадамъ Берта о чемъ-то просила, молила, убѣждала, уговаривала Викторину и въ заключеніе начала лобызать.

Дѣло состояло въ томъ, что зять ея Американецъ, вмѣсто Москвы, внезапно уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Индію, что на кораблѣ сдѣлался пожаръ и неизвѣстно спасся онъ, или погибъ.

— Что жь мнѣ дѣлать съ вашимъ ребенкомъ? вскричала Викторина:—я не могу его на свой счетъ содержать.

— Для чего же на свой счетъ: Дина, до возвращенія мужа поступила въ гувернантки, и будетъ присылать на содержаніе ребенка.

— Дина поступила въ гувернантки? сказала съ усмѣшкой Викторина:—до возвращенія мужа?

— Я увѣрена, что онъ живъ; потому что въ конторѣ извѣстій объ его смерти нѣтъ.

— Ужь хоть бы говорила просто, Берта, и что-нибудь одно; то поѣхалъ въ Америку, то въ Индію, то погибъ, то живъ! Право, я этимъ Американцамъ не вѣрю!.. На свадьбѣ вашей Дины, я могла бы быть не лишнимъ гостемъ.

— Ужь конечно, вы Викторина заняли бы первое почетное мѣсто, еслибы можно было объявить свадьбу; но до смерти отца онъ не можетъ этого сдѣлать, онъ женился безъ согласія его... отецъ проклянетъ и лишитъ всего наслѣдства...

— Слышала я; кто жь не знаетъ, что онъ къ вамъ ѣздилъ, устроилъ васъ... У Дины платье не платье, шляпка не шляпка, кружевныя мантильи; куда жь все это дѣлось?

— Да! въ какомъ довольствіи жили мы! какая квартира была! уборка какая!.. кофей, шеколадъ, шампанское пили!.. а теперь?.. проговорила, залившись слезами, Берта.—Дина неблагодарная дочь, уѣхала; деньги, вещи,—все съ собою забрала; да еще ребенка бросила мнѣ на руки... вздумала меня же попрекать!..

— Давно бы такъ, сказала Берта.

Хотя Викторина наслушалась отъ одного знакомаго ей гезеля, что сердце есть не что иное какъ сосудъ, изъ котораго, при сильномъ давленіи внутреннихъ мѣховъ, истекаетъ морскаго свойства вода, называемая слезами, но она не утратила сочувствія къ этой водѣ; а потому и согласилась оставить Сару на нѣкоторое время на своемъ попеченіи.

Это время тянулось годъ, два и три, въ продолженіи которыхъ не только не было извѣстія объ отцѣ Сары; но, по сознанію Берты, и о матери не было ни слуху, ни духу. Берта надоѣдала Викторинѣ слезами и о себѣ бѣдной и о бѣдной внучкѣ, особенно когда смотрѣла на Вѣрочку, которую обкладывали игрушками и защищали отъ насилій Сары.

— Бѣдная Сара, говорила она заунывно,—о тебѣ некому позаботиться.

— Какъ некому, возражала Викторина,—а вы, а мать ея?

Берта покачала головой.

— Вольно же... впрочемъ она такой ребенокъ, который

самъ о себѣ прекрасно заботится: все что угодно выкричитъ! посмотрите, какъ загробастала у Вѣрочки всѣ игрушки; а та добрушка и голосу не подаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такая худашка, смотрѣть жалко!

— Ну, восхищайтесь вашею Сарой; а эту оставьте въ покоѣ!

— Вы, Викторина, все обижаетесь моими словами, а я вѣдь такъ говорю; нельзя же мнѣ не горевать, что такая прекрасная дѣвочка должна будетъ вести несчастную жизнь!.. Что я въ состояніи для нее теперь сдѣлать? не могу куклы купить для нее; а выростетъ—придется можетъ-быть вмѣстѣ съ ней добывать кусокъ хлѣба на улицѣ.

— Можно честнымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, сказала сурово Викторина.

Эти слова затронули Берту.

— На бѣдность всегда бѣда валится, проговорила она сквозь слезы,—я знаю, что Сара тяготитъ васъ; но когда она еще немного подростетъ, я буду хлопотать, чтобъ ее взяли въ какое-нибудь достаточное семейство на воспитаніе.

— Да, конечно, объ этомъ не худо позаботиться; это было бы лучше всего.

III.

Вѣрочкѣ минуло четыре года. Это было такое милое, чудное дитя, что ни одно женское сердце не отказалось бы отъ такой дочери. Молитвы Викторины были услышаны. Она успѣла уже скопить изрядный капиталъ, и отъ денегъ получаемыхъ на содержаніе ребенка и отъ частыхъ подарковъ, присылаемыхъ ей, то съ бѣльемъ для дитяти, то съ куклами и конфетами. Но все еще чего-то не доставало, для круглаго счета; при томъ же она пристрастилась къ Вѣрочкѣ, какъ родная мать. Но предѣлъ благостыни вѣрно наступилъ. Вѣрочка вдругъ опасно заболѣла. Докторъ велѣлъ отдѣлить ее отъ другаго ребенка. Чрезъ нѣсколько дней болѣзнь развилась, и почти уже не было надежды на ея жизнь.

Викторина впала въ страшное отчаяніе. Ей казалось, что все кончено. Она не могла отдать себѣ отчета, чего ей было жаль: питомицы ли своей, или блаженныхъ грезъ, навѣваемыхъ обѣщаннымъ значительнымъ вознагражденіемъ за ея воспитаніе.

Сара, какъ нарочно истязала ее своимъ неугомоннымъ крикомъ. Въ ней родилась вдругъ новая причуда: не смѣй никто называть ее Сарой.

— Я хочу быть также Вѣрочкой! вопила она, топая ногами и швыряя все что ни попало въ руки.

Это очень забавляло Матрену; но неумолкаемый крикъ наконецъ вывелъ Викторину изъ терпѣнія. Она написала

къ Бертѣ, чтобъ пришла и взяла ее къ себѣ, по крайней мѣрѣ на время болѣзни Вѣрочки.

Въ это самое время явился къ ней тотъ же самый повѣренный съ кардонкой и запиской.

— Хорошо, мой милый, проговорила она ему дрожа всѣмъ тѣломъ, принимая записку и кардонку. Онъ ушелъ. Но когда Викторина пробѣжала глазами записку, ее бросило въ жаръ; ломая себѣ руки, она, какъ безумная пробѣжала по комнатѣ; но изнемогла и сѣла.

— Что̀ я буду дѣлать?.. что̀ мнѣ дѣлать? повторила она, развернувъ записку и снова пробѣгая слова: „завтра, передъ вечеромъ, прiѣдетъ за вами карета. Одѣньте дитя въ посылаемое платьице и поѣзжайте въ Кремлевскiй садъ.“

— Что̀ мнѣ дѣлать!.. Она не доживетъ до завтра!.. Одѣть въ новое платьеце, уложить въ гробикъ и везти въ присланной каретѣ на кладбище?..

Эта мысль такъ ужаснула Викторину, что она вскочила съ мѣста; но ноги ея подкосились, и она упала на колѣни.

— Бѣдная мать! она надѣялась взглянуть въ первый разъ на дитя свое; а я привезу ее, чтобы насмотрѣлась въ послѣднiй разъ!..

Смотря неподвижными глазами на затворенныя двери комнатки, гдѣ лежала больная Вѣрочка, она привстала, хотѣла идти къ ней; но раздался снова звонокъ. Викторина съ боязнью прислушалась.

Это была Берта.

— Викторина! сказала она умоляющимъ голосомъ:—какъ же я возьму Сару къ себѣ, если мнѣ самой изъ милости даютъ уголокъ?

— Что жь мнѣ дѣлать, Берта: Вѣрочка при смерти, а отъ крика и капризовъ Сары нѣтъ никому покою.

— А я то, какъ же я, ни съ того ни съ сего, вдругъ принесу крикливаго ребенка въ чужую семью? Меня съ нимъ выгонятъ изъ дому!

— Опять крикъ! Ну послушай, Берта, что жь это такое!

И Викторина бросилась унимать Сару.

— Не смѣй называть меня Сарой! кричала, топая, раздра-

женная дѣвочка:—я не хочу быть Сарой, я хочу быть Вѣрочкой!..

— Это что такое?.. Тсс., молчи!

— Вишь не называй ее по имени! сказала Матрена:—какъ же называть-то тебя? Сарушка, такъ Сарушка и есть.

— Не хочу! крикнула снова Сара:—я хочу быть Вѣрочкой! И мнѣ шляпку пришлютъ, и платьице новое!.. И куклу пришлютъ!..

— Подикось! сказала няня:—увидала новую шляпку, что̀ прислали Вѣрочкѣ; подай и ей!

— Не дразните ее! проговорила тихо Викторина, выходя за перегородку, гдѣ метался въ жару больной ребенокъ; а потомъ въ залу, гдѣ сидѣла Берта, закрывъ рукой глаза. Викторина сѣла и молчала, также убитая грустною думой.

— Еслибъ я могла куда-нибудь отдать ее къ добрымъ людямъ... да къ кому я пойду... и кто возьметъ?..

— Берта, сказала вдругъ Викторина,—можетъ-быть я найду случай.

— Ахъ, какъ бы я была рада!

— Завтра я ее возьму съ собой... Если понравится... можно будетъ ее пристроить надежнымъ образомъ... но, тутъ условія...

— Какія условія? Я на все согласна.

— Одни бездѣтные, мужъ съ женой... желаютъ взять хорошенькую дѣвочку къ себѣ въ домъ, и воспитать какъ свою родную дочь. Черезъ доктора просили меня, не найду ли я полной сиротки...

— Такъ что же? вотъ бы и прекрасно? Какія же условія?

— Тѣ и условія, что надо навсегда отказаться отъ Сары.

— Ахъ Боже мой, да что жь такое, если только Сара будетъ счастлива! Вѣдь отдаютъ же дѣтей въ воспитательный домъ. Я ужь и объ этомъ думала.

— А если Дина вдругъ вздумаетъ ее взять?

— И не подумаетъ! Въ этомъ я увѣрена! Да я ей скажу, что малютка умерла; вотъ и все.

— Если такъ, сказала не спокойно Викторина,—то, можетъ-быть завтра же я повезу ее на показъ.

— Сдѣлай одолженіе, Викторина. Да этому нельзя не радо-

ваться. Это благодѣяніе. Вѣдь мы родимъ дѣтей не на то чтобы смотрѣть на нихъ. И Богъ съ ней! это уже ея счастіе!.. А кто такіе эти родители?

— Какіе же родители, когда у нихъ нѣтъ дѣтей, и они хотятъ взять дѣвочку на воспитаніе. Я слышала только, что они очень богаты.

— Это такое счастіе будетъ для Сары, обезпечитъ ея будущность. Нѣтъ сомнѣнія, что позаботятся и выдать ее замужъ за какого-нибудь значительнаго человѣка; потому что хорошее приданое—большая приманка; да притомъ же вѣдь она будетъ красавица.

Разговоръ былъ прерванъ снова вскрикиваніями Сары.

— Ахъ, этотъ ребенокъ! сказала Викторина вставая:—поминутно унимай его!

Но Сара предупредила ее, выбѣжавъ въ залу и бросясь къ Викторинѣ.

— Ахъ, ты неугомонная! прикрикнула на нее Берта:—зачѣмъ ты кричишь?

— Матрена и няня меня дразнятъ! проговорила сердито Сара.

— Чѣмъ тебя дразнятъ?

— Говорятъ, что я не Вѣрочка, такъ мнѣ ничего не дадутъ...

— Что жь, это правда; разумѣется, что ты не Вѣрочка, сказала Берта.

— Неправда! вскричала Сара, топнувъ ногой и замахнувшись сжатымъ кулачкомъ.

— Ахъ ты глупая, глупая Сара!

— Неправда! повторила Сара, сердито косясь на Берту.

— Господи, она какъ будто предчувствуетъ!.. Ужь это вѣрно Божья воля! произнесла взволнованная Викторина, взявъ Сару за руку.

— Если ты будешь умна, сказала она ей на ухо, то и ты будешь Вѣрочкой, и тебѣ подарятъ куколъ. Сошьютъ новое платьеце, слышишь?

— Когда буду Вѣрочкой, и я, какъ Вѣрочка, не буду плакать и кричать, отвѣчала Сара,—буду смирно лежать, какъ Вѣрочка.

— Ну, молчи же.

— Я хочу также розовую шляпку, продолжала Сара отдувъ губки и прилегая на колѣни Викторины,—только Вѣрочка отдаетъ конфеты нянѣ и Матренѣ, а я не отдамъ, я спрячу въ ящичекъ.

— А бабушкѣ своей дашь?

— Нѣтъ, не дамъ.

— Ахъ, ты скупая! сказала Берта, взявъ Сару за руку и притягивая къ себѣ.

— Подите вы прочь!... Я васъ не люблю.

— Ну и я тебя не люблю!

— У васъ подолъ зашлюпанъ.

— Молчи! сказала Викторина, уводя Сару въ спальню.

— Мерзкая какая дѣвчонка! проговорила съ сердцемъ Берта:—вотъ ужь подлинно, что яблоко отъ дерева не далеко падаетъ. Признаюсь, я радехонька буду, хоть куда-нибудь сбыть съ рукъ это нещечко.

Викторина вышла въ залу. Ей тягостно было присутствіе Берты, и она молчала, взявъ въ руки работу.

— Я предоставляю ее въ полную твою волю, сказала Берта, вставая съ мѣста и прощаясь.—Богъ съ ней!..

Викторина осталась одна, въ страшномъ раздумьѣ. Ночь провела она какъ въ бреду, и нѣсколько разъ вскакивала посмотрѣть на больную Вѣрочку, которая лежала въ забытьи.

Къ утру бродящія мысли ея успокоились.

— Ну, чему быть, тому не миновать!.. произнесла она, качая головой:—и что жь это за родители которые бросаютъ дѣтей на чужія руки!.. Какая-нибудь собаченка дороже собственной крови, ближе къ сердцу, обласкана и убаюкана лежитъ на колѣняхъ... а свой-то младенецъ?.. У собаки есть чувство къ щенятамъ, у курицы забота о птенцахъ... весело взглянуть, какъ она охраняетъ ихъ подъ крыломъ, какъ учитъ искать зерно... а эти, тайные родители! народятъ дѣтей и не рады... бросятъ въ грязь и чуждаются, чтобы не замарали ихъ имени... Какой любви ожидать Вѣрочкѣ, и она отчужденная!.. Посмотрятъ на нее издали, дадутъ какое-нибудь награжденіе, вотъ и все... Нѣтъ, я не

отдамъ имъ Вѣрочки, если она будетъ жива... я не мать ей, а буду любить ее какъ родную дочь... пусть лучше тѣшатся надъ чужою...

Сара, какъ легкая на поминѣ, подала голосъ пронзительнымъ визгомъ. Викторина невольно содрогнулась; но нерѣшительность въ ней уже исчезла.

— Поди сюда, сказала она Сарѣ,—ты опять кричишь?..

— Это не я кричала, это кричала Сара, отвѣчала дѣвочка, нахмуривъ брови.

— Оборотень какой!.. я тебѣ говорила, что если будешь умна, у тебя все будетъ новое, и я возьму тебя съ собой, гулять.

— У Сары прескверная была шляпка; я ее бросила въ лохань, а Матрена разсердилась.

Викторина вынула изъ шкапа кардонку, а изъ нея розовую шляпку съ перомъ, новенькое кисейное платьице и весь дѣтскій нарядъ.

— Вотъ видишь что̀ у тебя будетъ?

Сара не проявила ни ма́лѣйшей дѣтской радости. Молча стала она разсматривать шляпку, платьеце обшитое кружевомъ, панталончики... и, вдругъ вскочивъ на диванъ, торопливо сбросила старые свои башмаки, и стала обуваться въ новенькія шелковыя ботиночки.

— Погоди, погоди, еще рано! Когда ѣхать, тогда я сама наряжу тебя.

— Нѣтъ не рано, отвѣчала Сара, нетерпѣливо срывая съ себя замаранную кофточку изъ пике.

— Ну, хорошо, мы теперь примѣряемъ; но прежде надо причесать голову.

И Викторина принялась расчесывать головку Сары, завила локоны, и потомъ начала одѣвать.

Сара сидѣла спокойно и молча, какъ взрослая дѣвушка передъ трюмо когда ее причесываетъ парикмахеръ, а горничныя облачаютъ въ бальное платье.

— Это удивительно, повторяла Викторина, — все, какъ будто по мѣркѣ на нее шито!...

Когда Сара была совершенно одѣта, и хорошенькая шляпка, въ родѣ берета, накрыла ей голо̀ву, первымъ заботливымъ

ея движенiемъ было осмотрѣть себя. Она выбрала мѣсто посреди залы, откуда бы былъ виденъ, въ наклоненное надъ столикомъ зеркало, весь нарядъ. Прищурила глазки, посмотрѣла прямо, повернулась бокомъ, какъ обыкновенно дѣлала это ея воспитательница, и въ дополненiе выставила очень грацiозно ножку и сложила ручки.

Викторина невольно изумилась смотря на нее; въ ней нельзя уже было узнать Сары. Всѣ порывистыя движенiя ребенка она какъ будто сбросила съ старымъ своимъ платьемъ. Прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, и потомъ сѣла на кресла, какъ маленькая гостья. Румянецъ игралъ во всю щеку; рѣзкiй, быстрый взглядъ, успокоился, остылъ, и не двигался иначе, какъ съ движенiемъ всей головы.

— Ну, налюбовалась довольно, теперь скинемъ.

Сара отрицательно покачала головой.

— Когда поѣдемъ гулять, послѣ обѣда, тогда опять одѣнемся.

Сара молча повторила то же движенiе; но глаза заблистали, и взоръ устремленный на Викторину испугалъ ее. Уговорить было невозможно. Викторина боялась не одного уже крику, но боялась раздражить ребенка.

„Она теперь скорѣе изорветъ на себѣ все, чѣмъ сниметъ,“ думала Викторина, и предупредила няньку Вѣрочки и Матрену, чтобы не дразнили и не сердили ребенка. Онѣ дивились на Сару только изъ-за двери.

— Смотри пожалуй, сорока-то въ чужихъ перьяхъ! барышня да и только!

Не обращая вниманiя на изумленiе ихъ и слова, Сара молча отклонила отъ нихъ взоръ; она сурово смотрѣла въ сторону и не шла въ свою комнату.

Викторину опять взволновало раздумье. Боязливо считала она часы, и каждый часъ казался ей то цѣлымъ вѣкомъ, то однимъ мгновенiемъ. Чтобы разсѣять себя, она спозаранку принялась одѣваться. Сара, сложивъ ручки, ходила вокругъ нее и пристально осматривала со всѣхъ сторонъ.

Одѣвшись совершенно, она было сѣла, задумалась и вдругъ вскочила, бросилась къ Вѣрочкѣ; долго смотрѣла

на нее, сердце начало колотить, на глазахъ выступили слезы. Нянька стояла подлѣ нее и вздыхала.

— Ангелъ-то какой!... Голубушка ты моя! ужь вѣрно ты не жилецъ!... И платьице-то твое, словно послѣ покойницы, другимъ отдали!... Что ужь смотрѣть-то на нее? Ступайте барыня, гуляйте...

— Какая гульба! Мнѣ надо ѣхать, необходимо ѣхать!

— Ступайте, ужь ступайте, продолжала нянька,—а я ужь шагу не отойду... приму душку на руки...

Викторина бросилась въ кресла и залилась слезами.

— Это что такое? неужели плохо дѣло? спросилъ вошедшій докторъ, взглянувъ на отчаяніе Викторины и на няньку, стоявшую безмолвно у кроватки. уставя глаза на дитя.

Онъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, взглянулъ на нее, подержалъ руку надъ головой, пощупалъ пульсъ.

— О чемъ расплакались? а? живую отпѣваете? Бабы, бабы, да еще и глупыя!

— Ахъ, еслибъ она ожила! проговорила сквозь слезы Викторина.

— Да ты, матушка, куда разрядилась? на крестины, что ли? такъ ступай!

— А вы даете надежду?

— Надежду Богъ даетъ, а не я. Да это въ самомъ дѣлѣ что, явто ли?

— Моя, не моя, а я ее родной матери не отдамъ!... Родная мать не въ состояніи такъ любить ее. какъ я люблю!

— Не отдавай, не отдавай; а вотъ ту, другую-то, отдай!

Викторинѣ какъ будто легче стало послѣ этого приказанія доктора. Она нетерпѣливо уже ждала кареты. Наконецъ карета пріѣхала. Набросивъ на Сару хорошенькій бурнусикъ, Викторина взяла ее за руку и отправилась по назначенію.

Викторина увѣрена была, что въ саду будетъ первое свиданіе матери съ дочерью. Ей живо представилось материнское трепетное чувство ожиданія, первая радостная слеза.

„Боже мой, кого жь я везу къ ней? чужое дитя! Обманываю можетъ-быть несчастное, любящее сердце!.. Вмѣсто

ангела, она обниметъ эту дикую дѣвчонку!... Нѣтъ, это невозможно, это страшно!“

Раскаяніе стѣснило духъ Викторины, она готова была уже остановить карету, ѣхать назадъ, но вопросъ Сары перевернулъ ей душу, и рука, взявшаяся за тесьму, опала.

— Мы въ рай ѣдемъ? спросила вдругъ Сара:—няня сказала, что въ немъ и Вѣрочка будетъ жить; тамъ, говорила она, много дѣточекъ ангельчиковъ... правда это?

У Викторины облилось сердце кровію.

Карета подъѣхала къ саду; знакомый уже Викторинѣ человѣкъ, стоялъ у воротъ. Онъ подошелъ, отворилъ дверцы, высадилъ ее и Сару. Безсознательно, вся взволнованная, Викторина взяла ребенка за руку и пошла по боковой аллеѣ. Противъ грота, на лужайкѣ, было обычное сборище дѣтей разныхъ возрастовъ, съ няньками, кормилицами и гувернантками. Дѣти катали кольца, играли въ мячики, въ воланы, въ горѣлки.

Для Сары все это было новостью. Глаза ея блистали, лицо горѣло. Викторина сѣла на скамью, Сара прислонилась къ ея колѣнамъ и безмолвно смотрѣла на роившихся дѣтей.

Между тѣмъ Викторина была на сторожѣ; она пристально всматривалась въ проходившихъ дамъ: не обратитъ ли которая-нибудь вниманія на Сару, не узнаетъ ли ея наряда, не подойдетъ ли къ ней?

Но не встрѣчала ни ищущихъ кого-то взоровъ, ни особеннаго вниманія, и никто не подходилъ къ Сарѣ. Только одна довольно объемистая барыня. сопровождаемая издали ливрейнымъ лакеемъ, сѣла на скамью подлѣ Викторины, осмотрѣла съ ногъ до головы и ее и Сару, посидѣла немного, и поднялась на продолженіе прогулки.

На любопытныя глаза мущинъ, Викторина не обращала никакого вниманія, изъ скромности ли въ отношеніи къ себѣ, или изъ увѣренности, что отцы таинственныхъ дѣтей предоставляютъ всегда заботу о нихъ самимъ матерямъ. Но и мущины на этотъ разъ, какъ нарочно, не интересовались ни ея томною наружностію, ни оживленнымъ личикомъ Сары. Только въ сторонѣ, подлѣ грота, сидѣлъ какой-то господинъ въ англійскомъ длинномъ сюртукѣ, въ круглой

съ большими полями шляпѣ. Синіе очки съ зонтикомъ скрывали его наружность. Держа обѣими руками трость, онъ склонилъ на нее подбородокъ, и избралъ Сару какъ будто точкой опоры на рисовавшейся предъ нимъ перспективѣ, или исходною точкой всѣхъ своихъ мыслей.

Стало уже смеркаться; гуляющіе расходились, разъѣзжались; дѣтей увели или унесли на рукахъ.

— Пора и намъ, сказала Викторина Сарѣ.

— Для чего жь это, всѣ эти дѣточки и ангельчики, бѣгаютъ, ахаютъ, кричатъ? спросила она, вспомнивъ что Викторина наставляла ее не ахать, не указывать пальцемъ, не разѣвать рта, не тянуться, быть скромною, говорить тихо, а не вскрикивать.

Викторина не обратила вниманія на вопросъ Сары.

— Тутъ нѣтъ такой Матрены, какъ у насъ, продолжала Сара,—она бы ихъ прибила.

Стоявшій у воротъ, тотъ же человѣкъ, подалъ знакъ, и карета подъѣхала.

— Неужели это ея мать? спросила сама себя Викторина, когда дверцы захлопнулись и колеса застучали по мостовой.—Плюхнула подлѣ меня, почтила насъ взглядомъ искоса, и кончено: видѣла, нарадовалась на свое дитя!.. нѣтъ, я ни за что̀ не отдамъ ее такой матери!

IV.

Домъ Лиговскихъ пользовался особеннымъ почетомъ въ высшемъ кругу столицы. Не по знаменитому роду хозяина, Ивана Артемьевича, не по заслугамъ его, не по званію, не по красному мундиру, не по преклоннымъ лѣтамъ, и даже не по богатству; но по особенной любезности хозяйки, Марьи Ивановны. Нѣжная по сердцу, игривая по уму, очаровательная во всѣхъ движеніяхъ чувствъ, она долго забавлялась пристальнымъ искательствомъ всѣхъ раскидывавшихъ львиныя космы по плечамъ, и всѣхъ готовившихся въ министры; но этотъ grand-choix изысканныхъ пріемовъ и отборныхъ фразъ надоѣлъ, подражательная сценическая ловкость и однообразные *шики* наскучили. Она надѣялась на одно какое-то особенное счастье; но счастье измѣнило, и la ravissante Marie, волей-неволей, вышла замужъ за степеннаго и почтеннаго Ивана Артемьевича Лиговскаго. По природѣ своей онъ былъ добрая душа. Отецъ его хотя былъ простой кошель съ деньгами; но какъ нельзя лучше способствовалъ сыну къ заслугамъ, и отличіямъ, и даже ко всеобщей любви въ полку. Послѣ смерти отца, получивъ огромное наслѣдіе, Иванъ Артемьевичъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полкъ. Нашли, что онъ въ состояніи поставить какой угодно полкъ на отличную ногу. И дѣйствительно въ полку его была роскошь, въ штабной квартирѣ офицерамъ житье, провіянтская и ком-

миссаріатская часть въ совершенствѣ. Иванъ Артемьевичъ вѣкъ бы жилъ въ своей веселой полковой семьѣ, безъ заботъ, безъ хлопотъ: есть кому дѣло дѣлать и содержать всѣ порядки, знай себѣ подписывай только рапорты, отношенія да приказы. А между тѣмъ пиры, балы, катанья, карты и шампанское дюжинами, раздолье и разливанное море. И вдругъ несчастіе: производятъ Ивана Артемьевича въ генералъ-майоры, съ отчисленіемъ по арміи. Представьте сего почтеннаго, разлѣнившагося богача, окруженнаго огромнымъ семействомъ, которому и дѣти и дѣти дѣтей, и всѣ степени и званія родства, смотрятъ въ глаза, умиленно тѣшатъ слухъ нѣжною покорностію; у котораго все въ домѣ двигается само-собой, исполняется безпрекословно цѣлымъ штатомъ управляющихъ и управителей... Это Иванъ Артемьевичъ съ своимъ штабомъ и полковымъ семействомъ. И вдругъ приказъ, и всего семейства не стало. Угодливый адьютантъ не является за приказомъ, привычные деньщики: любимый камердинеръ, отличный поваръ, славный кучеръ—пришли, стали во фрунтъ, грянули въ одинъ голосъ: „счастливо оставаться вашему превосходительству!“ повернули налѣво кругомъ, и исчезли.

Внезапное одиночество подѣйствовало на Ивана Артемьевича, какъ сильный и продолжительный недугъ. Въ нѣсколько дней онъ похудѣлъ и какъ будто состарѣлся. Полковой докторъ занялся старымъ своимъ командиромъ, но наконецъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Москву на Остоженскія воды.

— Потомъ не худо бы, ваше превосходительство, завестись собственнымъ семействомъ. Жена, а наконецъ дѣти и дѣти дѣтей, замѣнятъ вамъ не только полкъ, но и цѣлую армію.

Иванъ Артемьевичъ послушался совѣта и отправился въ Москву. Доктора не вникли въ его болѣзнь, и прописали Маріенбадскія воды, потомъ попробовали Эмскія, потомъ Егерскія; хотѣли уже испытывать всѣ прочія, холодныя и горячія, съ прибавленіемъ молока и пр. Но паціентки Остоженскихъ водъ, тотчасъ же поняли, что онъ страждетъ одиночествомъ, исхитили его изъ рукъ докторовъ и переда-

ли на руки Марьи Ивановны. Не имѣя уже надежды взлелѣять собственное счастіе, она рѣшилась замѣнить его заботой о домѣ, о хозяйствѣ, обо всемъ состояніи мужа и о немъ самомъ. Этого только и нужно было для него; онъ снова началъ благоденствовать. Полная безпечность, безъ боязни отвѣтственности и безъ малѣйшаго утомленія, навела было на него новую болѣзнь—безсонницу; но къ новому счастію, его облекли въ почесть присутствующаго. Записки о дѣлахъ дѣйствовали на него благодѣтельно и въ постелѣ и за великолѣпнымъ письменнымъ столомъ, котораго сафьянная поверхность уставлена была, кромѣ образцовыхъ письменныхъ принадлежностей, драгоцѣнными бездѣлками, и миніатюрными портретами Марьи Ивановны и двухъ маленькихъ дочерей.

Какъ присутствіе, такъ равно и отсутствіе Ивана Артемьевича, и въ залѣ собранія, и въ залѣ гдѣ предсѣдательствовала Марья Ивановна, не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ онъ въ маленькой гостиной раскидывалъ въ лѣвой рукѣ павлиньимъ хвостомъ карты, и выщипывалъ изъ него по перу, въ большой гостиной всѣ тщательно исполняли свою обязанность быть милыми и любезными по типу современной моды. Это было время, когда рыцарская порода кавалеровъ, гордясь своими побѣдами надъ великимъ полководцемъ, внесла свой побѣдоносный тонъ и въ гостиныя. Самолюбіе прекраснаго пола было затронуто глубоко. На сценѣ появились амазонки, торжественно вызывавшія на поединокъ, по очереди, всѣхъ героевъ бала; но существа болѣе нѣжныя и мирныя, не облекаясь во всеоружіе, вызвали благосклонными взглядами на помощь себѣ породу цивильную, ведущую свое знаменитое происхожденіе отъ древнихъ дьяковъ борзописцевъ. Облизанный фракъ, даже министерскій, составлялъ страшное однакоже препятствіе для честолюбиваго самолюбія. Новая порода кавалеровъ, съ перваго же вступленія въ свѣтъ, возгордилась отданнымъ ей предпочтеніемъ, и костюмируясь, безъ сомнѣнія въ угоду прекрасному полу, по *Journal des Dames*, въ которомъ сообщались и мужскія моды, типировалась въ то же время по гравированнымъ на-

ружностямъ и выражала собою какое-то безмолвное самодовольствіе. И вотъ, на балахъ и на вечерахъ, ни одного пріятнаго сердцу звука, ни одной щекотящей фразы, ни одного остраго какъ сабля слова, ни одного милаго сравненія съ пери, съ граціей, или съ чѣмъ-нибудь подобнымъ. И любезности, и фразы, и остроты были тупы, какъ исписанное перо. Новое горе. Надо было избавить себя, если не отъ кавалеровъ, безъ которыхъ балъ обратился бы въ амазонскую пляску, то по крайней мѣрѣ отъ любви. На томъ дѣло и остановилось. Любовь стала исключеніемъ изъ общаго правила. Вдругъ нельзя было рѣшить къ чему это поведетъ; но можно было предвидѣть, что безъ матрикулъ состоянія какъ жениховъ, такъ и невѣстъ, дѣло не обойдется. Такимъ образомъ и Иванъ Артемьевичъ, предъявивъ матрикулу, женился на Марьѣ Коринской. Но онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, и мужа, безъ любви къ мужу, нельзя было лучше избрать. Марьѣ Ивановнѣ досадно было только смотрѣть на неловкость подражанія его вельможамъ. Желаніе проявить себя знатокомъ и покровителемъ художествъ, породило въ немъ страсть къ коллекціямъ. Началось съ коллекціи табакерокъ съ музыкой и пѣніемъ колибри.

— Ты измучилъ всѣхъ этимъ пѣніемъ колибри, сказала ему Марья Ивановна,—вѣдь ужь это обратилось въ пошлость!

Отбитая охота къ табакеркамъ, перешла въ страсть къ тростямъ и палкамъ съ замѣчательными набалдашниками.

— Помилуй Иванъ Артемьевичъ, замѣтила ему Авдотья Петровна, тетушка Марьи Ивановны,—у тебя въ кабинетѣ точно палочный караулъ!

Иванъ Артемьевичъ пристрастился къ собиранію диковинныхъ часовъ, съ курантами, съ восхожденіемъ солнца и съ движеніемъ планетъ, съ пляшущими пастухами и пастушками, съ мальчикомъ наигрывающимъ на колокольчикахъ, съ боемъ какъ на Спасской башнѣ.

— Помилосердуй, Иванъ Артемьевичъ, сказала Марья Ивановна,— тебѣ остается только сдѣлать вывѣску часоваго мастер

Пришлось обратиться къ художественнымъ произведеніямъ, не производящимъ ни малѣйшаго шума. Счастливый во всѣхъ страстяхъ своихъ, онъ тотчасъ же пріобрѣлъ по выраженію любителей художествъ *почти за ничто*, *рѣдкостную вещь*. Всю римскую исторію въ числѣ пятидесяти картинъ величиной и извѣстные московскія Рафаэлевы картоны. Продавецъ Итальянецъ за тайну передалъ ему, что эти картины найдены были въ Помпеѣ, хранились въ Ватиканѣ, вывезены изъ Рима Наполеономъ, украшали Тюльерійскій дворецъ; изъ Тюльерійскаго дворца выкрадены во время революціи, и привезены въ Россію. Волчица кормящая Ромула и Рема, гуси спасающіе Римъ, Марій возсѣдающій на развалинахъ Карѳагена, все тутъ было, даже своего рода Послѣдній день Помпеи.

— Иванъ Артемьичъ! куда жь мы поставимъ эти декораціи? спросила съ ужасомъ Марья Ивановна.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Иванъ Артемьевичъ, съ сожалѣніемъ покачивая головой. — Сложить покуда въ сарай. А какъ дешево достались!

Страсть къ живописи не удалась; а безъ страсти жить нельзя. Иванъ Артемьевичъ задумался и не зналъ что̀ предпочесть: этрусскія ли урны, или заняться коллекціей мраморныхъ статуй и бюстовъ?

Въ одно утро, въ раздумьѣ, отправился онъ въ засѣданіе; а изъ засѣданія намѣренъ былъ съѣздить въ магазинъ древностей и тамъ рѣшить дѣло. Марья Ивановна сидѣла въ маленькомъ своемъ кабинетѣ. На этотъ день не было никакихъ предположеній; а подобная неизвѣстность наводитъ скуку, нерѣшительность, задумчивость. Вдругъ дверь въ ея пріемную передъ маленькимъ кабинетомъ комнату пріотворилась, и постоянный дежурный, карликъ Митя, заглянувъ осторожно за драпировку, вошелъ къ ней и подалъ записку, запечатанную сургучомъ.

— Отъ кого это?.. проговорила она по обычной привычкѣ.

— Нашъ Наумычъ привезъ; вызвалъ меня и велѣлъ отдать вамъ въ руки, отвѣчалъ карликъ тихо, какъ будто объявляя это за тайну.

— Какой Наумычъ? спросила опять Марья Ивановна спокойно, и не торопясь распечатывая и развертывая записку.

— Управляющій подмосковной его сіятельства... началъ карликъ Митя, не сводя глазъ съ Марьи Ивановны.

Но лицо ея мгновенно вспыхнуло, какъ отъ испуга и потомъ вдругъ покрылось блѣдностью.

— Боже мой, онъ здѣсь! произнесла она, и руки ея опустились на колѣни.

— Матушка, Марья Ивановна, проговорилъ карликъ дрожащимъ голосомъ, бросясь къ ней въ ноги,—простите моей дерзости!

— Что тебѣ, Митя? чего ты хочешь отъ меня? спросила смущенная Марья Ивановна.

— Скажите, сударыня, матушка, не отъ князя ли это?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Митя; это не отъ него, это не отъ князя.., Поди, ступай, мнѣ надо отвѣчать...

Бросивъ пытательный и жалобный взглядъ на Марью Ивановну, карликъ, казалось, не вѣрилъ словамъ ея; но немедленно исполнилъ приказаніе.

— Боже милосердый! чего онъ хочетъ отъ меня теперь? зачѣмъ это свиданіе?.. оно можетъ нарушить всю мою жизнь, погубитъ меня!.. Нѣтъ! я не могу, не должна видѣть его!..

И Марья Ивановна разорвала записку, смяла и бросила на полъ. Но долго-блуждавшій взоръ ея, отяжелѣвъ, опустился, и мысли приковали его къ лежавшимъ врозь двумъ половинкамъ записки.

— Графиня Анна Петровна! проговорилъ въ дверяхъ докладчикъ басомъ.

Марья Ивановна вздрогнула и очнулась отъ забывчивости.

— Скажи, что я не принимаю, не могу принять, я не здорова!... И никого не принимать.

Она торопливо встала, подняла смятыя половинки записки, вышла въ спальню и заперлась.

Передъ самымъ обѣдомъ, Иванъ Артемьевичъ возвратился домой и направилъ стопы прямо къ интимной пріемной жены. Человѣкъ несъ за нимъ два искусственныхъ деревца, усаженныхъ полною коллекціей райскихъ птичекъ.

Издали можно было принять ихъ за два чудовищныхъ букета.

Въ комнатѣ никого не было. Иванъ Артемьевичъ былъ очень доволенъ отсутствіемъ Марьи Ивановны.

— Тсс! тише! проговорилъ онъ, остановивъ человѣка въ дверяхъ, и собственными руками перенесъ одно и другое деревцо, и поставилъ на окна. Полюбовался на нихъ, перевернулъ на другую сторону, и наконецъ потеръ руки, вышелъ, улыбаясь отъ мысли, какою пріятною неожиданностію будетъ поражена Марья Ивановна, принявъ не виданные летающіе цвѣты за цвѣты простые.

Всѣ часы, которыми украшены были комнаты, пробили три. Англійскіе куранты въ кабинетѣ Ивана Артемьевича проиграли *God save the king*, двое, трое, изъ обычныхъ прихожанъ къ обѣду были уже тутъ, на столъ подали.

— А Марья Ивановна?

— Не будутъ кушать, не здоровы.

Иванъ Артемьевичъ побѣжалъ въ ея комнаты, но дверь заперта.

Послѣ обѣда онъ занялся съ своими подставными игроками въ вистъ, по маленькой.

Когда смерклось, горничная выбѣжала сказать, чтобы запрягали барынѣ маленькую карету.

— А куда барыня ѣдетъ? спросилъ Митя.

— А много будешь знать, малъ выростешь! отвѣчала горничная и ушла.

— Вѣдь еще рано, куда теперь въ гости? сказалъ Митя про себя.

Походивъ по залѣ, какъ озабоченный, онъ взялъ свой картузикъ, вышелъ за ворота, сѣлъ на прилавочку. Только что карету подали, онъ сталъ за тумбой и не видать его.

Только что карета, выѣхавъ изъ воротъ, стала поварачивать вправо по улицѣ, Митя вскочилъ какъ кошка на заднюю ось, уцѣпился за ресору, и повисъ. Карета остановилась на Кузнецкомъ мосту, подлѣ кондитерской. Марья Ивановна вышла, пріостановилась на крыльцѣ, нерѣшительно поднялась на нѣсколько ступеней. Снова пріостановилась, но дверь уже была отворена человѣкомъ. Въ ма-

газинѣ никого не было, кромѣ Француженки съ античною наружностію, которая обратилась къ ней съ почтительнымъ вопросомъ, что̀ она прикажетъ?

— Приготовьте мнѣ двѣ хорошенькія бонбоньерки съ конфетами, для подарка дѣтямъ...

Медленными шагами прошла она въ другую комнату. Сидѣвшій на диванѣ, высокій статный среднихъ лѣтъ мущина, въ синихъ очкахъ, всталъ съ мѣста, подошелъ къ ней и сказалъ тихо:

— Я васъ узналъ по голосу... узнаете ли вы меня?

Онъ снялъ очки. Пріятное блѣдное лицо его оживилось, устремленныя на Марью Ивановну глаза горѣли.

Марья Ивановна вздрогнула, подала ему дрожащую руку, и едва слышно произнесла:

— Это вы, князь?

— Не князь, а просто Лукцій... но не мѣсто и не время разказывать вамъ что̀ со мной случилось... Судьба разлучила насъ...

— Ахъ, не напоминайте, ради Бога! произнесла Марья Ивановна, тихимъ, умоляющимъ голосомъ...

— Да! зачѣмъ напоминать!.. Не для того я и просилъ свиданія съ вами... Но у меня есть просьба до васъ...

— Просьба?

— У меня есть малютка дочь...

При этомъ словѣ изъ стѣсненной груди Марьи Ивановны вылетѣлъ свободный вздохъ, пугливое чувство исчезло, чувство горькаго воспоминанія мгновенно разсѣялось.

— Скажите, чѣмъ же я могу быть полезною для вашей дочери? произнесла она съ непринужденнымъ, дружескимъ участіемъ.

— Дочери моей пятый годъ... я не могу никому ввѣрить ее, никому кромѣ васъ!.. Возьмите ее къ себѣ на воспитаніе, какъ сироту, у которой нѣтъ матери... Я хочу, чтобъ она была образована... покуда обстоятельства мои не перемѣнятся, я не могу ни признать ее за дочь, ни быть ей полезнымъ... Ничего лучше не въ состояніи я сдѣлать для нея теперь, какъ просить васъ замѣнить ей мать... а если меня не будетъ, распорядитесь ея судьбой... Теперь... Вѣ-

рочка дитя безъ имени, но, рано или поздно, она получитъ по крайней мѣрѣ свою долю наслѣдія.

— Боже мой, я готова все для васъ сдѣлать! произнесла съ чувствомъ и совершенно забывшись Марья Ивановна.

Луцкій взглянулъ страстно на появившіяся въ глазахъ ея слезы, и схватилъ ея руку.

— Вы воротили хоть на мигъ счастливое мое время!..

Болѣзненное чувство воспоминанія снова коснулось до сердца Лиговской; но она подавила его.

— Какимъ же образомъ вы мнѣ ее передадите?.. сказала она:—впрочемъ, это кажется не трудно... Гдѣ она?.. Я сегодня же скажу мужу, что беру сиротку въ подружки къ моимъ дочерямъ...

— О, благодаренъ вамъ тѣми чувствами, которымъ вы нѣкогда вѣрили!..

Въ это время въ первой комнатѣ послышался шумный говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

Марья Ивановна тревожно взглянула на Луцкаго; онъ надѣлъ свои синіе очки.

— Благодарю васъ! проговорилъ онъ грустно:—не знаю когда увидимся... я далеко отсюда, живу у своихъ престарѣлыхъ отца и матери...

— Положитесь на мое сердце! сказала Марья Ивановна, подавая ему руку:—прощайте!

И она вышла.

Вслѣдъ за нею вышелъ и Луцкій. На крыльцѣ, при выходѣ, что-то закопошилось у его ногъ, и раздался голосъ: „ваше сіятельство!"

Онъ остановился съ изумленіемъ.

Карликъ Митя обнималъ его колѣна.

— Митя! произнесъ онъ съ чувствомъ, и взявъ карлика на руки, поцѣловалъ его, какъ ласковое дитя.

Митя обвилъ ручонками его шею. Луцкій почувствовалъ на щекахъ своихъ горячія его слезы.

Экипажъ стоялъ уже у подъѣзда. Онъ вскочилъ въ коляску, посадилъ Митю подлѣ себя и крикнулъ кучеру: „домой!"

V.

На другой день поутру, Иванъ Артемьевичъ, въ полномъ убѣжденіи, что доставилъ Марьѣ Ивановнѣ необычайное удовольствіе неожиданнымъ появленіемъ въ ея кабинетѣ коллекціи райскихъ птицъ, долго мучалъ ее восклицаніями, указывая пальцемъ то на ту, то на другую:—Посмотри, душа моя, вотъ на эту; какой переливъ цвѣтовъ въ перьяхъ... удивительно!.. Посмотри, вотъ отсюда... золотисто голубой; а вотъ съ этой стороны оранжевый... совершенное волшебство!.. живыя, только что не поютъ. Постой, я принесу свои табакерки съ поющими колибри и заведу ихъ...

И Иванъ Артемьевичъ побѣжалъ за табакерками, принесъ, завелъ, и поставилъ за деревца. Искусственныя птички подняли ужасный свистъ, трескъ, щебетъ, перекрикивая одна другую и поворачиваясь на поршнѣ.

— А? повторялъ Иванъ Артемьичъ, уставивъ указательные пальцы и прислушиваясь.

— Безподобно! Благодарна за сюрпризъ. И я въ свою очередь сдѣлаю тебѣ сюрпризъ.

— А! это пріятно. Какой же? можно отгадать?

— Не отгадаешь.

— Неужели? что жь это такое? постой... какую-нибудь механическую штучку?

— Нѣтъ, живое существо.

— Живое?

— Да, не какую-нибудь чучелу, а маленькое живое существо.

— Маленькое живое существо?.. ха, ха, ха, я отгадалъ! Да неужели, душа моя... ты не шутишь?

Марья Ивановна невольно захохотала отъ нелѣпой догадки мужа.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ?

— Все-таки не отгадалъ.

— Ну, никакъ не могу понять!.. пора однакоже мнѣ.

Поцѣловавъ у жены ручку, Иванъ Артемьевичъ отправился въ засѣданіе, а вскорѣ и Марья Ивановна къ своей теткѣ, безъ вѣдома которой она ничего не дѣлала.

Авдотья Петровна была московская старая барыня и особа въ родѣ пиѳіи и колдуньи большаго свѣта. Она завѣдывали судьбами всѣхъ своихъ родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Знала, что̀ гдѣ дѣлается и что̀ гдѣ думается. Она женила, выдавала замужъ, разводила, сводила снова, и рѣшала чему быть и чему не быть. Она держала всѣхъ въ рукахъ, всѣ ея боялись, всѣ съ ней совѣтовались, и кого Авдотья Петровна называла дуракомъ, тотъ и слылъ дуракомъ. А потому имя Авдотьи Петровны было важнѣе сіятельныхъ и превосходительныхъ титуловъ, даже у подъѣздовъ: когда крикнутъ карету Авдотьи Петровны—всѣ прочія отъѣзжай.

Она любила племянницу свою Марью Ивановну, сочувствовала ея страсти къ князю Луцкому, горевала, что по какимъ-то особымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, свадьба не состоялась; но назвала ее умницей только съ того дня, когда она пожертвовала памятью о первой своей любви и согласилась выдти замужъ за Ивана Артемьевича. Съ этого времени Марья Ивановна пріобрѣла самостоятельность въ своихъ распоряженіяхъ; но все-таки ея намѣренія подвергались ревизіи тетушки.

Давъ слово взять къ себѣ сироту, Марья Ивановна вспомнила, что объ этомъ необходимо хоть предувѣдомить ее.

Пріѣхавъ къ ней, она сперва разказала о сюрпризѣ, который сдѣлалъ ей мужъ, заставила ее похохотать и войдти въ доброе расположеніе духа; потомъ заговорила о добрыхъ

дѣлахъ, и наконецъ сказала, что она беретъ къ себѣ въ домъ бѣдную сиротку, сверстницу ея дочерямъ.

Авдотья Петровна молчала.

— Вы, тетушка, не сердитесь на меня, что я растроганная судьбой несчастнаго ребенка, дала слово взять дѣвочку на воспитаніе.

— Да что, матушка, это за дѣвочка, кто она такая? Дала слово, надо исполнять; но вѣдь все-таки прежде надо подумать, кого ты берешь воспитывать съ своими дочерьми.

— У васъ, тетушка, также есть воспитанницы.

— Какія, матушка? Ѳеклуша и Даша? онѣ воспитывались у меня на полу, съ чулкомъ въ рукахъ.

— Эта дѣвочка хорошихъ родителей. Вчера вдругъ получаю я записку отъ какой-то женщины, которая пишетъ, что она знала моихъ родителей и меня; что маленькое ея имѣнье было въ тяжбѣ, а наконецъ, что ее выгнали изъ имѣнья съ малюткой дочерью... что она въ чужомъ дому лежитъ при смерти... и молитъ меня сжалиться надъ сироткой... я поѣхала, застала эту бѣдную женщину при концѣ... и дала ей слово. Дѣвочка мнѣ очень понравилась... я велѣла ее привезти къ себѣ.

— Что жь ты такъ конфузно разказываешь, моя милая? Я вѣдь слѣдствія наводить не буду. Кого взяла на воспитаніе, того и воспитывай.

— Нельзя же, чтобъ это нѣсколько не тревожило... Въ отношеніи чужаго ребенка, болѣе отвѣтственности...

— Э! и за своими теперь не смотрятъ. За границей есть много нищихъ; отчего жь имъ нейдти на святую Русь въ приставы къ дѣтямъ, благо даютъ шальныя деньги. Пользы отъ нихъ мало, какъ и отъ твоей миссъ Лови, которая дѣлать ничего не дѣлаетъ, а только хрюкаетъ себѣ подъ носъ. Ну, да вѣдь объ этомъ не имъ же и разсуждать. Онѣ знаютъ свои пользы; а мы своихъ не знаемъ. Въ наше время, бывало выѣдешь въ свѣтъ, все-таки увидишь Русскихъ, и пріемы... то-есть манеры-то все-таки, какія ни есть, да свои; а теперь, матушка, посмотришь, все чужеземцы да иностранцы; тотъ корчитъ Француза, тотъ Англичанина, тотъ нѣмецкаго фона-философа; а старичье туда же бонтон-

ничаетъ. О русскихъ барыняхъ и барышняхъ и говорить нечего: ихъ ужь нѣтъ; а что̀ съ ними сталось, про то одинъ Богъ вѣдаетъ. Куда ни повернись, вездѣ Парижанки; та madame, другая demoiselle; и что за внутренній жаръ во всѣхъ—удивительное дѣло: морозъ не беретъ.

Марья Ивановна знала, что ей придется выслушать рацею о прошломъ въ сравненіи съ настоящимъ; но она рада была, что тетушка не изъявила гнѣва̀ за сиротку; иначе была бы бѣда ей съ сироткой.

Было уже около часу. Авдотья Петровна вышла въ гостиную, и присутствіе открылось. Ломберный столъ уже былъ готовъ, карты и марки на мѣстѣ, члены прибыли, Авдотья Петровна съ дивана перемѣстилась въ предсѣдательскія креслы; а Марья Ивановна, поцѣловавъ ее, поѣхала домой.

Послѣ обѣда, когда Иванъ Артемьевичъ пошелъ въ свой кабинетъ заняться дѣлами и по обычаю заснулъ, карликъ Митя вбѣжалъ въ кабинетъ Марьи Ивановны, и какъ обрадованный чѣмъ-то, крикнулъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Пріѣхали, сударыня!

— Кто пріѣхалъ?..

— Привезли, сударыня!

— Что̀ такое привезли?

— Какую-то маленькую барышню...

— Кто привезъ?

— Какая-то барыня.

— Какая барыня? проси!.. Это вѣрно привезли Вѣрочку. „Какая же барыня? подумала Марья Ивановна.—Я не спросила у кого она воспитывалась до сихъ поръ...“

Митя отворилъ двери. Викторина, замѣтно смущенная, вошла, держа за руку Сару, которой смѣлый взоръ останавливался то на томъ, то на другомъ предметѣ, а чаще всего на карликѣ.

— Мнѣ поручено, ваше превосходительство, передать вамъ это дитя, проговорила Викторина, присѣдая.

Марья Ивановна окинула ее глазами, и не рѣшалась ни посадить, ни допрашивать ее. Она обратилась прямо къ Сарѣ.

— Какое миленькое дитя; поди ко мнѣ, душенька, поцѣлуй меня. Но Сара успѣла уже разсмотрѣть райскихъ птичекъ.

— Сколько пестренькихъ чижиковъ! вскрикнула она, не обращая вниманія на слова Марьи Ивановны, и подбѣжала къ окну:—пшъ!.. что жь они не летаютъ?..

— Поцѣлуй меня, Вѣрочка, повторила Марья Ивановна, вставъ съ мѣста и обнимая Сару, — я тебѣ подарю этихъ птичекъ... Митя, позови миссъ Лови съ Лиденькой и Соней.

Но двѣ дѣвочки, одна милѣе другой, прибѣжали сами къ матери.

— Вотъ вамъ подружка, Вѣрочка. Ведите ее къ себѣ въ комнату, подарите ей по куклѣ и играйте вмѣстѣ. Миссъ Лови, это дитя поступаетъ также на ваши руки.

Высокая, худощавая миссъ Лови посмотрѣла на Сару и кивнула головой.

Лиденька и Сонечка устремили на гостью веселые глазки. Сара съ своей стороны осматривала то ту, то другую.

— Пойдемте къ намъ, сказала Лиденька, взявъ ее за руку.

— Пойдемте къ намъ, повторила и Сонечка, взявъ ее за другую руку.

— Постойте, я возьму птичекъ, сказала Сара, вырываясь отъ нихъ.

— Это папеньнины птички; крикнула Лидія.

— Нѣтъ, это мои птички! сказала Сара, съ утвердительнымъ наклоненіемъ головы.

— Это ея птички; Митя, отнеси ихъ въ дѣтскую.

И снова Лидія и Сонечка взяли Сару за руки и повели въ дѣтскую. Она оглядывалась на райскихъ птичекъ, которыхъ несъ Митя.

— Я могу ѣхать? спросила Викторина.

— Благодарна вамъ, прощайте, милая, отвѣчала Марья Ивановна.

Викторина присѣла и вышла.

Марья Ивановна преслѣдовала глазами дѣтей, и потомъ пошла вслѣдъ за ними въ дѣтскую.

„Она нисколько на него не похожа, продолжала она про себя,—не дурна собою... но какія-то рѣзкія, вырази-

тельныя черты, какіе глаза... мать ея должно-быть Черкешенка...

На этотъ вечеръ общій пріемъ былъ отказанъ. Но Иванъ Артемьевичъ распорядился своею обычною партіей виста. Изъ дѣтской Марья Ивановна прошла въ гостиную, гдѣ происходила уже битва, и гдѣ тучный баринъ съ звѣздой на фракѣ упрекалъ Ивана Артемьевича, что онъ убилъ даму.

— Марья Ивановна, возгласилъ тучный баринъ, обратясь къ ней,—сдѣлайте одолженіе защитите моихъ дамъ, отъ преслѣдованія вашего мужа.

— Жена вамъ кланяется, Марья Ивановна, проговорилъ протяжно другой господинъ.

— Марья Ивановна! рекъ и третій басомъ:—мои поѣхали въ театръ.

Въ заключеніе Иванъ Артемьевичъ поцѣловалъ у Марьи Ивановны руку, не сводя однакоже глазъ съ картъ своихъ, и произнося: — въ сюрахъ!

— Я тебѣ обѣщала сюрпризъ, сказала она.

— Ахъ да, да, да! сейчасъ, позволь...

Покуда Иванъ Артемьевичъ думалъ съ чего ходить, брался то за ту, то за другую карту, то морщилъ лобъ, то щурилъ глаза, Марья Ивановна велѣла позвать дѣтей.

Лидія и Сонечка прилетѣли какъ на крыльяхъ; но Сара шла тихо подлѣ миссъ Лови, и только глаза ея перебѣгали по новымъ предметамъ, которые представились ей въ гостиной.

— Смотри на мой сюрпризъ.

— Сейчасъ, матушка... что, новыя шляпки дѣтямъ?

Сара взяла миссъ Лови за руку, прижалась къ ней и смотрѣла то на толстаго господина съ отвислымъ подбородкомъ, то на долгаго и худощаваго, который сходивъ съ козыря, положилъ карты, поднялъ на лобъ очки и взялся за свою богатую табакерку, не обращая ни на что вниманія; то на баса, и наконецъ на Ивана Артемьевича, къ которому Марья Ивановна подвела Сару.

— Какое прекрасное дитя, проговорилъ сосѣдъ басъ, взглянувъ на ребенка,—ну что жь Петръ Андреевичъ задумались?.. Чья это, матушка, Марья Ивановна?..

— Это сиротка, которую я взяла на воспитаніе.

Иванъ Артемьевичъ вытаращилъ глаза на Сару и занятый своимъ дѣломъ, произнесъ только:—сиротка?

Отъ дальнѣйшихъ вопросовъ и отвѣтовъ на счетъ сиротки, избавилъ всѣхъ комикъ большаго свѣта, антрепренеръ всѣхъ домашнихъ театровъ и повсемѣстный домашній человѣкъ Потапъ Савичъ, говорящій протяжно и съ сознаніемъ своего достоинства.

Пріостановясь въ дверяхъ, онъ снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ, надѣлъ снова, обвелъ глазами по комнатѣ, и зашаркалъ какъ на лыжахъ прямо къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ваше превосходительство! проговорилъ онъ, остановясь передъ ней и вскинувъ руки съ растопыренными пальцами,—васъ ли я вижу? послѣ столь долговременнаго отсутствія, по прошествіи почти цѣлыхъ сутокъ, ровно сутокъ... позвольте...

И Потапъ Савичъ вынулъ изъ жилета огромные часы и поднесъ ихъ къ самому глазу.—Ровно двадцати четырехъ часовъ!.. Благодаря Бога въ томъ же благоденственномъ состояніи, на томъ же диванѣ, подлѣ счастливаго супруга, съ тою же привѣтливою, ласковою. внимательною улыбкой... позвольте поцѣловать ручку... еще разъ...

— Довольно съ васъ, Потапъ Савичъ.

— Не возможно!.. послѣ столь продолжительнаго отсутствія, прибывъ съ Таганки, и встрѣчая все въ томъ же утѣшительномъ, неизмѣнномъ положеніи, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ вчера, и его превосходительство Ивана Артемьевича, и его превосходительство Петра Андреевича... ба! новая черезъ плечо! позвольте принести мое искреннѣйшее поздравленіе:

Награды юношу питаютъ,
Отраду въ старости даютъ!

Продолжая игру, прохохоталъ его превосходительство, прохохотали и прочіе.

— Да-съ! дѣйствительно, ваше сіятельство, и ваше превосходительство: вотъ, когда и такъ и такъ, и тутъ и

здѣсь, грудь украшена отличіями, истинное спасеніе отъ недуговъ. Напримѣръ, безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, какъ Григорій Ивановичъ страдалъ болью въ поясницѣ? въ три дуги свело; но только что прицѣпили ключъ, все прошло, выпрямился, выровнялся, ожилъ, пошелъ заново... какъ угодно, а тутъ дѣйствуетъ галванизмъ, явный галванизмъ!..

Потапъ Савичъ однакоже отвлекалъ партнеровъ Ивана Артемьевича отъ игры.

— Садись-ко, садись, или ступай къ женѣ, Потапъ Савичъ, сказалъ онъ ему.

— Не безпокойтесь, почтеннѣйшій Иванъ Артемьевичъ, все сидѣлъ, и дома сидѣлъ, и ѣхалъ сидя,—совершенно засидѣлся. Сидячая жизнь вредна, говорятъ всѣ преданія, Иппократъ и всѣ лѣчебники. Въ языческія уже времена...

— Пойдемте ко мнѣ пить чай, сказала Марья Ивановна, желая отвлечь отъ стола нарушителя глубокихъ соображеній своего мужа и всѣхъ вистующихъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, я китайскіе обычаи уважаю!.. ah! mademoiselle, виноватъ... Миссъ Лови, I have the honour... I have the honour... и такъ далѣе.

Миссъ Лови, не улыбнувшись, кивнула головой; Сара отворотилась отъ гостя и прижалась къ ней.

— Лидія Ивановна, Софья Ивановна... а это? это новорожденная?

— Пойдемте, пойдемте въ мой уголъ, сказала Марья Ивановна.

— Честь имѣю поздравить! я право не зналъ...—Потапъ Савичъ почтительно подалъ ей руку и повелъ къ чайному столу, приготовленному на другомъ концѣ огромной гостиной.

— Гдѣ жь вы были сегодня, разкажите? спросила Марья Ивановна, усадивъ Потапа Савича подлѣ себя въ креслахъ.

— Сегодня? дай Богъ память... кажется, вопервыхъ, я былъ въ Москвѣ... потомъ... не помню еще гдѣ-то... а надо сказать, что удивительный городъ, замѣчательный городъ во всѣхъ отношеніяхъ...

— Какой городъ? спросила Марья Ивановна, разсѣянно.

— Москва. Вопервыхъ, на семи холмахъ...

— На какихъ же холмахъ?

— Вопервыхъ Кремль, нешто не на холмѣ? цѣлая гора; потомъ Красный холмъ, потомъ Вшивая горка, потомъ громовой колодезь на Трехъ горахъ; потомъ Кузнецкій мостъ— развѣ не гора? съ Лубянки къ Варварскимъ воротамъ, развѣ не подъ гору? Москвичи, а не знаютъ Москвы!.. Вы бывали когда-нибудь на Толкучемъ рынкѣ?

— Никогда.

— А въ Ветошномъ ряду?

— Никогда.

— Напрасно. Вельможный городъ! городъ тузовъ, напримѣръ, его превосходительство Петръ Андреевичъ, — тузъ самъ-пятъ.

— Къ чему ты тамъ приплелъ мое имя? отозвался Петръ Андреевичъ.

— Любопытство не ведетъ къ добру: скоро состарѣетесь, ваше превосходительство.

Прибѣжали Лидія и Сонечка и потащили Марью Ивановну въ дѣтскую на балъ къ кукламъ.

Потапъ Савичъ остался одинъ. Онъ подошелъ было къ карточному столу; но Петръ Андреевичъ, положивъ карты, разказывалъ какое-то казусное дѣло, поступившее въ сенатъ, и спрашивалъ мнѣнія у засѣдавшихъ, какъ надлежитъ рѣшать его, по совѣсти, или по закону. Возгорѣвшійся споръ былъ не по части Потапа Савича. Онъ взялъ шляпу и ретировался.

VI.

Нельзя было бы сомнѣваться, что маленькой Сарѣ, такъ внезапно переселенной на роскошное новоселье, хотя на первое время будетъ казаться, что она въ гостяхъ, и утомясь угощеніями, захочется наконецъ забрать въ охапку всѣ подаренныя куклы и проситься домой. Ничего не бывало: съ перваго же дня она была уже какъ дома, и не подала ни малѣйшаго знака чувства разлуки, ни съ привычною обстановкой, ни съ воспитательницей своею Викториной, ни съ няней, ни съ Матреной.

Лиденька и Сонечка подѣлились съ ней игрушками, показали все кукольное хозяйство, гардеробъ и буфетъ, разказали какъ каждую куклу зовутъ по имени, и тотчасъ же начали наряжать куколъ на балъ. Карликъ Митя былъ тутъ же и принималъ участіе въ игрѣ. Онъ устроилъ въ углу танцовальную залу, уставилъ мебелью; потомъ, когда куклы были готовы и надѣли салопы, онъ подалъ экипажи, и онѣ отправились изо всѣхъ прочихъ угловъ на балъ. Такъ какъ для бала необходима была музыка, то Митя принесъ свою балалайку, заигралъ „барыню" и танцы начались. Сара все молчала и смотрѣла; иногда только поправляла куколъ, когда онѣ криво сидѣли или совсѣмъ сваливались со стульевъ. Наконецъ зѣвота миссъ Лови заразила, и ее, какъ новую личность не привыкшую еще къ климату края. Англичанка напомнила Лидіи и Сонечкѣ, что кукламъ пора спать. И вотъ начался разъѣздъ по угламъ, торопливое раз-

облаченье, укладыванье въ постели, и въ заключенiе хрипота, въ доказательство, что куклы спятъ уже крѣпкимъ сномъ, какъ миссъ Лови. Между тѣмъ Сара взобралась на кроватку Лидiи и заснула.

Трудно описывать дѣтскую жизнь; она покажется по наружности слишкомъ однообразною. Въ чемъ проходитъ время? Дѣти встанутъ, ихъ умоютъ, одѣнутъ, накормятъ, и они начинаютъ играть. Снова накормятъ, снова игра, до тѣхъ поръ пока не слипнутся глаза.

Но сколько въ этой игрѣ и шалостяхъ, въ крикѣ, слезахъ, хохотѣ и надутомъ молчанiи, проявленiй ихъ будущности! Каждое дѣтское движенiе, каждое слово, носятъ въ себѣ не развившiйся еще и не разгаданный смыслъ самобытности или подражанiя, зачатокъ ума или глупости, очеркъ доброй или нарушенной природы. Чтобъ изучить тайну младенческой жизни, надо вести дневникъ малютокъ-личностей, и наблюденiя надъ ними можетъ-быть будутъ и любопытнѣе, и полезнѣе наблюденiй въ мiрѣ микроскопическомъ. Но это трудъ не нянекъ, не мамокъ, не выписныхъ и наемныхъ сторожей и наставниковъ дѣтства; не постороннихъ людей на чьи руки сложена тягота воспитанiя, по повѣрью, что чужiе люди лучше научутъ и проучатъ. Какiя наблюденiя въ толпѣ? Кто ихъ знаетъ какой величины звѣзды въ группахъ млечнаго пути?

Кромѣ русской няни и дѣвушекъ, при Лидiи и Сонѣ была, какъ уже мы упомянули, миссъ Лови. Надо же было имѣть при нихъ довѣренную и приличную женщину; свѣтская жизнь не даетъ ни минуты матери самой наблюдать за дѣтьми и руководить ими. Русь не хочетъ быть Русью, а хочетъ быть или Францiей, или Англiей или Германiей, или даже смѣшенiемъ западныхъ языковъ; но только не Русью. Слово Русскiй, по какому-то особенному случаю, или можетъ-быть также по подражанiю, обратилось въ большомъ свѣтѣ въ синонимъ другаго слова: слѣдовательно дама высшаго круга, за обязанность считала приставить въ правительницы къ дѣтямъ, если счастiе не пошлетъ Француженку, то хоть Англичанку, а за неимѣнiемъ таковой, хоть Нѣмку. Тутъ прививаются къ русскому все-

питающему корню, провинціяльные нравы и обычаи Франціи; здѣсь—custom и холодное courtesy Англіи, тамъ протяжное Liebenswürdigkeit Германіи.

Если вопросить прошедшее, то миссъ Лови была собственно не miss, a mistress, довольно простой и грубой складки. За сварливость, мужъ не взлюбилъ ее, и она, разставшись съ нимъ, прибыла въ Петербургъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, ежегодно прибывающихъ моремъ и сухимъ путемъ иностранокъ, исчезающихъ въ магазинахъ, ресторацiяхъ, въ степяхъ, болотахъ и дебряхъ неизмѣримой Россіи. Марья Ивановна выписала ее, чрезъ одно депо нянекъ и гувернантокъ, и была очень довольна ей на первый случай, покуда дѣти малы; потому что она умѣла превосходно заставлять дѣтей сидѣть смирно, не ссориться, ѣсть кровавый бифстексъ, до котораго сама была охотница, и котораго онѣ терпѣть не могли. Еслибы Марья Ивановна знала дѣтей своихъ, то безъ сомнѣнія не учредила бы надъ ними систематически строгой и черезчуръ взыскательной полиціи миссъ Лови. Къ счастію, ихъ охраняла, отъ постоянной грозы и отъ нашествія костлявой руки, няня Василиса. Она съ перваго же времени окрысилась на нее за дѣтей по-русски, и надавала ей сгоряча множество именъ: и Бабы-яги, и чухонки, и обглоданной кости, et cetera.

— Попробуй только дотронуться до дѣтей, на судѣ Божіемъ буду отвѣчать, а ужь сдеру съ тебя парикъ-то!

Такимъ образомъ дѣти росли подъ защитой няни; при ней миссъ Лови не смѣла шикнуть на нихъ. Лидія была нѣжный ребенокъ, и по русскому выраженію вполнѣ *добрушка*, у которой при строгомъ взглядѣ, тотчасъ же выступали слезы. Сонечка, напротивъ, была беззаботная, милая хохотушка. Миссъ Лови не довольствовалась характеромъ ни той, ни другой, и безъ няни привела бы ихъ къ одному, собственному знаменателю. Сара ей вполнѣ понравилась. „Это хорошій ребенокъ, говорила она по своему, смотря на нее,—эту дѣвочку не стыдно было бы имѣть даже въ англійскомъ семействѣ.“ Няня, напротивъ, не взлю-

била Сару, называла про себя *неулыбой*, и смотрѣла на нее искоса.

— Скажи пожалуста, Митя, спросила она карлика,—чутье-то у тебя хорошее: изъ какой норы добыла этого звѣрка барыня?

— Не знаю, Василиса Ивановна, отвѣчалъ хитрый Митя, которому не нравилось, что не только няня, но и вся дворня, косилась на его барышню.—А ужь я вижу, что это не простая сиротка, а какого-нибудь знатнаго рода, богатая наслѣдница. Ты присмотрись-ко къ ней хорошенько.

— Ужь что̀ говорить, мала-мала, а взглядъ-то у нея какой старый! Что наши противъ нее—простота, дѣти какъ дѣти. Не даромъ же и у барыни такая забота объ ней. Я правду сказать и подивилась: откуда Богъ послалъ такое нещечько?

— Я думаю такъ, что у этой сироты будетъ милліонъ приданаго, сказалъ Митя, кивнувъ головой, — а какъ объявится, такъ всей прислугѣ будетъ большая награда да пенсія.

— Ой ли?

— Да какъ же! ужь неиначе. Вотъ, примѣромъ, какъ я былъ у старыхъ господъ своихъ, выдали не то что дочь, а сиротку племянницу, и тутъ нянькамъ волю дали, дома построили, снарядили всѣмъ, да по тысячѣ награды.

Няня покачала головой отъ удивленія.

— Мнѣ ужь куда съ волей; а вотъ за всю семью-то свою я бы поклонилась въ ножки.

— Будь надежна, Василиса Ивановна, по всѣмъ примѣтамъ будетъ такъ.

— Ой ли? правду сказать, ты всю подноготную знаешь. Малъ золотникъ да дорогъ. Не даромъ вся дворня къ тебѣ да къ тебѣ: какъ молъ ты думаешь, Дмитрій Аѳанасьичъ. Что̀ скажешь, на дѣлѣ правдой оказывается.

Эта бесѣда няни съ Митей имѣла вліяніе не только на нее, но и на всю домашнюю прислугу. Горничныя, лакеи, выѣздные, стали смотрѣть на Сару, какъ на дѣйствительную наслѣдницу милліона и ухаживать за ней въ надеждѣ будущихъ благъ.

Настало время ученія. Какъ интродукція явилась гувернантка изъ самаго центра Парижа. Вслѣдъ за ней профессоръ французскаго языка, учительница музыки, и корифей балетовъ Московскаго императорскаго театра, для преподаванія танцевъ.

У Сары память была необыкновенная. Она легко переняла всю тонкость механизма французскаго языка. Прекрасно писала, и современныя свѣтскія фразы легко ложились у нея подъ перо. Въ танцахъ изъ всѣхъ сверстницъ не было ей равной. Вся форменность античныхъ грацій какъ будто возродилась въ ней, и зала Марьи Ивановны, по вторникамъ и субботамъ, обращалась въ партеръ зрителей, передъ маленькою сценой, посреди которой рисовалась Сара, поражая всѣхъ, то нѣгой прищуренныхъ глазокъ, то химическимъ блескомъ открытыхъ и плавающихъ взоровъ. Она подавляла собой Лидію и Сонечку, на долю которыхъ оставалась только милая, безхитростная простота и естественность движеній. Онѣ не понимали чувства зависти; напротивъ, радовались успѣхамъ Сары, и обнимали ее послѣ рукоплесканій, когда она, разгорѣвшаяся, выходила въ другую комнату. Изъ всѣхъ посѣтителей танцовальнаго класса неизмѣнно-постояннымъ былъ князь Иванъ Юрьевичъ, старый бездѣтный вдовецъ, но вѣчноюный и страстный любитель балетовъ. Онъ былъ богатый и щедрый меценатъ всѣхъ живописно-порхающихъ по сценѣ созданій; онѣ постоянно роились въ его мысляхъ, и иногда, забывшись, онъ становился въ позу летящаго, и напѣвая арію изъ *Сильфиды*, приподнималъ ногу и раскидывалъ руки какъ крылья.

Сара плѣнила его; глаза ея, гибкій станъ и ножка очаровали. Смотря на нее, онъ злился на очки свои, которыя заволокало паромъ отъ горячаго его дыханія. Онъ забылъ и древнихъ русалокъ, сильфидъ и ундинъ, и новыхъ пери, одалисокъ и баядерокъ, и желалъ смотрѣть только на Сару, и наблюдать какъ въ ней развивается и созрѣваетъ великолѣпіе дѣвственной красоты. Изъ всѣхъ восхищавшихся глазами и ловкостью Сары, она была внимательна только къ Владиміру Петровичу Ранѣеву, строгому критику и

цѣнителю талантовъ, всегда важному, всегда скупому на восторги, не пророняющему даромъ слова. Онъ былъ нѣсколько сродни Марьѣ Ивановнѣ, изрѣдка навѣщалъ домъ, и пользуясь правомъ цѣловать изящныя головки Лидіи и Сонечки, любилъ цѣловать и головку Сары, и называлъ ее своею харитой, своею Аглаей.

— А что жь вы не возьмете меня къ себѣ, если я ваша?— спрашивала его Сара, будучи еще ребенкомъ.

— Ты моя, да не совсѣмъ моя, отвѣчалъ онъ ей.

— Ну, сдѣлайте такъ, чтобъ я была совсѣмъ ваша.

— Прежде вырости, а потомъ посмотримъ.

Торжество Сары были танцы; въ музыкѣ, напротивъ, первенство склонялось на сторону Лидіи и Сонечки. Сонечка проявляла очаровательный голосокъ; но Лидіи предсказывали необыкновенный талантъ къ игрѣ на фортепіяно. Но въ этихъ успѣхахъ не было ничего сценическаго. Маленькіе домашніе концерты не производили такого фурора, какъ глазки и ножки Сары. Зрѣніе всегда на первомъ планѣ,и его легче удовлетворить нежели слухъ. Для плохаго зрѣнія есть очки и лупы, а для плохаго слуха нѣтъ помощи.

Въ чемъ же заключалось дальнѣйшее образованіе? Въ занятіи чтеніемъ дозволенныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ находились и нравственные романы англійскихъ и французскихъ писательницъ. Гувернантка, M[lle] Аделаида, любила читать полунравственные романы. По ея понятіямъ, дѣвушка должна была все знать, изучить всю теорію жизни, и выступить изъ семьи на поприще свѣта вооруженною противъ всякаго обаянія мущинъ. Изъ magasin de lecture, она получала всѣ новости современной литературы, и не прятала отъ подвѣдомственныхъ ей юныхъ существъ. Лидія любила читать, но не любила читать страшныхъ и анатомическихъ романовъ; Сонечка любила только забавное, и читала мало; но Сара читала все, кромѣ чувствительнаго.

Послѣ чтенія началось наглядное образованіе по manières d'être и manières de parler окружающаго общества. Все это заключалось строгимъ изученіемъ условныхъ свѣтскихъ

приличій и законовъ моды. Тутъ уже занялась дѣтьми, при руководствѣ изящнаго вкуса Mlle Аделаиды, и сама Марья Ивановна. И это образованіе приходило къ концу; оставалось ждать того возраста, когда дѣвушку дозволяется уже вывозить въ свѣтъ, на усердную ретивую работу посреди вечеровъ и баловъ; когда и собственно ей дозволяется уже приступать къ началу карьеры, трудиться въ неистощимыхъ матеріяльныхъ заботахъ о нарядѣ, о прическѣ, о визитахъ, о выборѣ кавалеровъ, и въ то же время развивать въ самой себѣ нравственную сторону: соревнованіе, самолюбіе, честолюбіе, жажду апоѳеоза и потребность въ поклонникахъ и жертвахъ.

Но вотъ насталъ этотъ переходный возрастъ. Дѣтскость и всѣ безотчетныя чувства мгновенно исчезли съ перваго же намека матери о необходимости шить для дѣтей бальныя платья. Слово *дѣти* отозвалось въ первый разъ непріятно, невыносимо для слуха. Оно затронуло самолюбіе Сары, у Лидіи опало сердце отъ какой-то боязни; только Сонечка захлопала отъ радости своими ручками-пышками.

Въ одинъ вечеръ, когда были все *свои*, Марья Ивановна усадила всѣхъ около себя, и повела рѣчь о томъ, что наступило время вывозить дѣтей въ свѣтъ.

— Какихъ дѣтей, мать моя? спросила тетушка Авдотья Петровна.—Давно ли Сонечкѣ минуло пятнадцать лѣтъ, не ужь-то ты и ее повезешь на балы? Помилуй, Маша!

— Слава Богу, пятнадцать лѣтъ! возразила Марья Ивановна,—несмотря на то, что Соня почти двумя годами моложе Лидіи, она гораздо болѣе развита, и всякій принимаетъ ее за старшую мою дочь.

— Кто жь это принимаетъ? умницы, которыя судятъ обо всемъ по одной наружности?

— Я сужу не по одной наружности, тетушка. Кто жь виноватъ, что она созрѣла прежде сестры.

— Положимъ, что это яблочко скороспѣлка, что его можно уже съѣсть; да вѣдь прежде Спаса не будешь ѣсть.

— Какія странныя сравненія, тетушка, проговорила съ затронутымъ чувствомъ Марья Ивановна.

— Какъ же судить и рядить, моя милая, безъ сравненія? Родись Соня въ крестьянскомъ быту, дѣло другое; я бы можетъ-быть ни слова тебѣ не сказала; тамъ пожалуй и дѣвушка въ двѣнадцать лѣтъ невѣста, когда понадобится лишнее тягло. Впрочемъ, какъ знаешь, такъ и дѣлай; мое слово сказано.

— Для чего жь сердиться, тетушка?

— Съ чего ты взяла, Маша, что я сержусь? На чужія глупости сердиться, на свои сердца не достанетъ.

— Лидія будетъ выѣзжать, а Соня сидѣть дома, одна; странно, когда до сихъ поръ я ихъ равно вела.

— Отчего жъ одна? возразила снова Автотья Петровна,— а твоя воспитанница, Вѣра?

— Она ровесница Лидіи, и кажется даже старше ее.

— Такъ что̀ жь?

— Я ее также буду вывозить.

— Это съ какой же стати?

— Я дала слово вести ее наравнѣ съ своими дочерьми.

— А! это дѣло другое. Стало-быть ты намѣрена обезпечить и будущность ея для большаго свѣта, къ которому она привыкнетъ на балахъ окончательно.

На этотъ неожиданный вопросъ Марья Ивановна не была готова.

— Стало быть ты подумаешь и о приданомъ ей, продолжала безпощадная Авдотья Петровна, — подѣлишь свой ящикъ съ брилліантами на три части, а потомъ и наслѣдство на столько же частей?

— Нѣтъ, ужь это покорно благодарю, Авдотья Петровна! сказалъ кланяясь Иванъ Артемьевичъ:—всѣхъ бѣдныхъ сиротокъ я не въ состояніи озолотить.

— Я на свои прихоти и не подумала бы просить твоего золота, сказала вспыльчиво Марья Ивановна, — но кто же сказалъ тебѣ, что Вѣрочка бѣдная сиротка?

— Отъ кого же мнѣ знать, Марья Ивановна, кромѣ какъ отъ тебя? ты же мнѣ сказала, что берешь бѣдную сиротку.

— То же ты говорила и мнѣ, прибавила тетушка.

— Да... въ то время дѣйствительно у нея не было ни-

какихъ надеждъ; но теперь, сколько мнѣ извѣстно, она будетъ имѣть состояніе.

— Да еще какое! проговорилъ карликъ Митя, стоявшій за креслами старой тетушки, какъ пажъ. Она слышала слова его и приняла ихъ за насмѣшку надъ словами Марьи Ивановны. Хоть это сомнѣніе было ей и по нутру, но она взглянула гнѣвно на Митю, что онъ осмѣливается вмѣшиваться въ разговоры.

— Это иное дѣло, Маша, сказала она, — и новое подтвержденіе что дѣти тайны и таинственные сироты, въ концѣ романа, всегда пріобрѣтаютъ неожиданное богатство. Я вычитала это изъ Дюкре дю-Мениля.

Марья Ивановна закусила губы.

— Во всякомъ случаѣ, Иванъ Артемьевичъ, сказала она чтобъ скрыть свое неудовольствіе,—необходимо подумать о томъ, что намъ слѣдуетъ передъ вывозомъ дѣтей въ свѣтъ дать парадный балъ.

— Балъ, да еще и парадный! Для чего же это, матушка?

— Для того, что не представлять же мнѣ дѣтей всей Москвѣ въ чужомъ домѣ.

— Прежде однакоже, я думаю, надо сдѣлать съ ними визиты ко всѣмъ, сказала Авдотья Петровна.

— Конечно, нѣкоторые до бала, другіе послѣ бала.

— Ваше превосходительство! раздался голосъ вошедшаго Потапа Савича.—Авдотья Петровна!

— Испугалъ, батюшка! сказала Авдотья Петровна,

— Почтеннѣйшую ручку вашу!

— На, батюшка!

— Кажется, я попалъ въ собраніе семейнаго парламента? Рѣшается какой-нибудь важный вопросъ?

— Да, батюшка.

— Не знаю, какую сторону поддерживать: правую, лѣвую, или середину?

— Да вотъ, рѣши, Потапъ Савичъ, какой слѣдуетъ давать балъ предъ вывозомъ дѣтей въ свѣтъ: парадный ли, на весь міръ, или обыкновенный, безъ большихъ претензій?

— Если почтеннѣйшіе члены парламента предоставляютъ и на мое сужденіе этотъ жизненный вопросъ, касающійся

не только до ихъ превосходительствъ, но и до всего блистательнаго общества первопрестольной столицы; то я, прося снисходительнаго вниманія, считаю долгомъ изложить мое мнѣніе предварительно въ экономическомъ значеніи баловъ... Балы познаются, вопервыхъ, по количеству сожигаемаго на нихъ воску, и потребляемыхъ конфетъ, плодовъ и тому подобныхъ вещей, неизбѣжно необходимыхъ. Парадный балъ, или такъ сказать торжественный, соображая мѣстность, требуетъ безъ сомнѣнія двадцать пудъ свѣчъ и по крайней мѣрѣ десять пудъ конфетъ, не говоря о десяти фунтахъ чаю, на который впрочемъ киваютъ только головой, не говоря о плодахъ и прохладительныхъ, не говоря даже объ ужинѣ въ пять сотъ кувертовъ. Обыкновенный балъ требуетъ на половину, или даже на треть, всего этого матеріяла пожираемаго огнемъ и лакомыми устами. Я конечно не говорю здѣсь о тѣхъ балахъ, на которые не требуется издержекъ, на которые гости съѣзжаются съ собственнымъ свѣтомъ въ глазахъ, и сыты и довольны тѣмъ, что, мочи нѣтъ какъ устали... Сердечно радуюсь, что высоко оцѣняя собственное достоинство, ихъ превосходительство изволили похохотать... Теперь скажемъ слово о экономіи, въ отношеніи посѣтителей народнаго бала. Дамы неизбѣжно *декольте*, кавалеры во всей *теню*. Для обыкновенныхъ баловъ расходъ на обнаженіе рукъ и плечъ, до крайнихъ предѣловъ возможности, не такъ великъ. На парадныхъ балахъ кавалеры обращаютъ особенное вниманіе на нарядъ дамъ; въ глазахъ ихъ проявляется какая-то пожирающая жадность. Это ужасно вредитъ мужскому зрѣнію, отчего мы и видимъ теперь такое множество очей вооружающихся очками и лорнетами, безъ которыхъ они не въ состояніи отличить *новь* отъ почвы воздѣланной и удобренной румянами и бѣлилами. Я не буду, милостивые государи и государыни, говорить о благотворномъ нашемъ климатѣ, по истинѣ бальномъ. Не буду говорить о пріятномъ вѣяніи зефировъ въ жаркую зиму, на раскаленныя головки, шейки et cetera, нашего прекраснаго пола. Я только скажу, что балъ есть верхъ очарованія и высшая цѣль жизни человѣчества. Благодѣтель-

ное просвѣщеніе и стремится къ распространенію и совершенствованію баловъ. Теперь мы пользуемся не болѣе какъ двадцатью балами въ продолженіи года... Только двадцать счастливыхъ дней изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти! только восьмнадцать процентовъ, не болѣе, со всего капитала! Но настанетъ время, когда все человѣчество обратится въ дамъ и кавалеровъ, вся жизнь сольется въ одинъ парадный балъ, всѣ танцы, не исключая и французской кадрили, сосредоточатся въ безконечномъ котильйонѣ, и каждая пара будетъ шептать другъ другу безъ предварительныхъ комплиментовъ: я вѣчно твой! твоя на вѣки!

Кончивъ рѣчь, Потапъ Савичъ почтительно поклонился собранію.

Все захлопало. Карликъ Митя, сочувствовавшій больше всѣхъ Потапу Савичу, забывшись, также захлопалъ.

Послѣ убѣдительной рѣчи, рѣшено было дать парадный балъ. Собраніе заключилось чаемъ, послѣ котораго Потапъ Савичъ сдѣлалъ репетицію будущему балу, распредѣлилъ какъ всему быть, представилъ всѣхъ замѣчательныхъ особъ, настроилъ всѣ инструменты оркестра, прошелся съ Иваномъ Артемьевичемъ, который долженъ былъ открыть балъ польскимъ съ одною изъ бывшихъ фрейлинъ императрицы Екатерины, и, въ заключеніе, протанцовалъ французскую кадриль въ четыре пары.

Слухъ о конференціи на счетъ бала и состоявшагося рѣшенія дошелъ до дѣтской, частію отъ Мити, частію отъ горничныхъ. Лидія вспыхнула, Сонечка затанцовала; а Сара не подала и виду, что балъ касается сколько-нибудь и до нея.

VII.

Насталъ и день бала. По настоятельному совѣту тетушки Авдотьи Петровны, и въ угоду ей, только Лидію снарядили въ полное облаченіе дѣвушки вступающей въ свѣтъ. Сонечка была одѣта проще. Она понимала причину, любовалась не на свой нарядъ, а на нарядъ сестры, и радовалась смотря на нее. Нарядъ Сары былъ очень милъ; но только, какъ говорится, приличенъ. Въ сергахъ ея не свѣтились брилліанты, въ уборѣ волосъ не было нитокъ жемчугу. Но она какъ будто была равнодушна къ этому; иногда только, при взглядѣ на Лидію, проявлялось въ глазахъ ея то же выраженіе, какое было въ нихъ въ то время, когда она, еще пятилѣтній ребенокъ, топала ногой и кричала: „я не хочу быть Сарой, я хочу быть Вѣрочкой!“

Нѣтъ необходимости описывать какой бы то ни было балъ. Балы всѣ однообразны, начиная хоть съ бала даннаго царемъ Сиракузъ, на которомъ, говорятъ, Платонъ, какъ ученый, былъ очень не ловокъ въ танцахъ. Въ современныхъ парадныхъ балахъ, на всемъ пространствѣ отъ Западнаго океана, до восточныхъ предѣловъ Россіи, разницы нѣтъ даже и въ костюмахъ. Всѣ лица,—въ неестественномъ своемъ выраженіи, выглядывающія изъ кратера пышныхъ нарядовъ, какъ будто одни и тѣ же. Несчастные волоса, со временъ древнихъ Римлянъ, перенявшихъ еги-

петскія прически на балахъ Митридата, обращаются въ парики.

Если французскій водевиль, передѣланный на русскіе нравы, имѣетъ смыслъ, то балъ и подавно. Балъ еще ближе къ своему оригиналу. Въ передѣланномъ водевилѣ измѣняетъ языкъ; здѣсь нѣтъ перевода. Парижскія ходячія фразы и любезности, цѣликомъ, слово въ слово, звучатъ во всѣхъ устахъ, до полученія новаго, безпошлиннаго „великаго выбора", grand-choix. Чисто русская—только зима на дворѣ.

Вотъ домъ освѣщенъ такъ что надъ нимъ стоитъ зарево, и будочникъ на каланчѣ съ просонокъ выкинулъ было пожарные шары. Пріѣздъ начался съ девяти часовъ; но это только *свои*, и то торопыги. До вожделѣннаго открытія было еще далеко; съ причесанною головой съ утра можно еще изныть и измаяться отъ нетерпѣнія, предать проклятію не уставъ моды, а виноватое во всемъ время.

Наконецъ экипажъ поданъ; счастливицы, съ вѣнчикомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на головкахъ, съ едва наброшенными на плеча несносными шубами, которыя могутъ измять платья и гирлянды, торопливо выбѣгаютъ, садятся, двери захлопнулись—пошелъ! Заскрипѣли колесы по морозу, утопаютъ въ сугробахъ нанесенныхъ вьюгой и мятелью. На кучерахъ и лакеяхъ заскорузла одежда—цѣлая станція пути по улицамъ и переулкамъ. Фонари заиндевѣли, обвѣшены клочьями снѣга. Но объ этихъ невзгодьяхъ некогда уже думать: впереди чудный климатъ великолѣпныхъ залъ, роскошная аллея померанцевыхъ деревьевъ, движущійся цвѣтникъ .. и вдругъ карета останавливается.— Слава Богу пріѣхали! — ждутъ отворятся дверцы. Дверцы не отворяются.—что такое?

— Да ну, двигайся!—кричатъ лакеи и кучера.

— Что такое?

Впереди безконечный рядъ экипажей.

— Боже мой, да это никогда не доѣдешь!

Между тѣмъ пріѣздъ давно уже начался; окоченѣлые лакеи успѣли нанести уже въ сѣни снѣгу. Для воздушныхъ существъ, выпархивающихъ изъ каретъ и возковъ, какъ изъ клѣтокъ, предстоитъ опасная переправа. Ножки ихъ

чувствуютъ мокроту. Онѣ ахаютъ, хватаются за бѣдныя платья и идутъ какъ въ бродъ чрезъ рѣку.

За упомянутою померанцевою аллеей по легкому склону, Иванъ Артемьевичъ, въ парадномъ мундирѣ, встрѣчаетъ гостей. Далѣе, вереница ихъ тянется по другой, густой и тѣсной аллеѣ стоячихъ кавалеровъ, какъ военныхъ, *такъ равно* и статскихъ. Далѣе, въ дверяхъ, непроходимая тѣснина пробивающихся туда и сюда. За толпой, Марья Ивановна съ дочерьми принимаетъ гостей. Тутъ, новая движущаяся, кишащая толпа, окаймленная сидячими кавалерами, кавалерами различныхъ орденовъ, удрученными лѣтами и тяжкими окладами мундировъ исшитыхъ золотомъ и серебромъ. Всѣ они нетерпѣливо ждутъ, когда кончится свѣтопредставленіе и можно будетъ сѣсть за работу въ боковой залѣ, уставленной ломберными столами.

Сара уклонилась отъ свиты Марьи Ивановны, то привѣтливо кланяющейся, то пожимающей руки входящимъ. Она отошла отъ потока въ сторону и допрашивала Потапа Савича о замѣчательныхъ лицахъ, являющихся въ дверяхъ.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, руководствуясь вновь вышедшимъ каталогомъ, — вотъ это толстое in folio, въ бархатномъ переплетѣ съ золотою каймой, есть дневникъ событій исхода прошедшаго столѣтія...

— Вы мнѣ не отвѣчаете на мой вопросъ, перервала его Сара,—я спрашиваю васъ, кто эта дама?

— Хмъ! это счастливая мать семейства, живущая въ себя; а слѣдующая за ней, худенькая дама, несчастная мать семейства, живущая въ дѣтей...

— Какъ это скучно, вы все шутите!

— Опять не попалъ въ тонъ!... Вѣра Михайловна, вы право немножко разстроены!

— Я и не думаю настраивать себя, отвѣчала Сара отвернувшись отъ Потапа Савича, и бросивъ взглядъ на толпу астрономовъ, созерцавшихъ ее какъ новое, появившееся на горизонтѣ бала свѣтило. Отъ ея электрическаго взора они встрепенулись и опустили вооруженныя стеклами руки.

— Моя харита, моя Аглая, какъ радъ, какъ радъ, я видѣть васъ! проговорилъ Ранѣевъ на распѣвъ обычный свой привѣтъ Сарѣ, приклонясь къ ея головкѣ.

— Ахъ это вы, Владимиръ Петровичъ?

— Непремѣнно я.

— А вы будете танцовать съ своею Аглаей?

— Это какъ же? Вы задаете мнѣ роль интродуктора къ счастію другихъ?

— Хоть польское; балъ начнется непремѣнно польскимъ; такъ желаетъ Авдотья Петровна.

— Извольте. Я васъ найду здѣсь? сказалъ Ранѣевъ, кивая головой одному знакомому, пожавъ мимоходомъ руку другаго, и продолжая пробиваться въ слѣдующую комнату, гдѣ столпились дамы.

Только что раздались первые аккорды польскаго, толпа кавалеровъ бросилась къ Сарѣ. Прищурясь смотрѣла она на нихъ, не подавая никому руки, какъ будто уже выбравъ изъ приближавшихся не столь порывисто. Подошелъ красавецъ лейбъ-гусаръ, нѣсколько съ самонадѣянною улыбкой; но также получилъ отказъ.

Напомнимъ, что мы описываемъ событія прошедшихъ лѣтъ, преданья старины глубокой: время до изобрѣтенія кринолиновъ. Въ ту пору ментики и доломаны обѣднѣли, роскошнаго узорчатаго шитья золотомъ и серебромъ, отъ пояса до колѣнъ, какъ будто не существовало никогда; гусарскихъ зеркальныхъ сапожковъ, со шпорами, съ выпуклою икрой и съ золотыми кистями, не осталось даже для образца, въ воспоминаніе живописныхъ мазурокъ, безъ которыхъ балъ не въ балъ, танцы не въ танцы. Впрочемъ лейбъ-гусаръ Лонскій если не блестѣлъ великолѣпіемъ прошедшихъ временъ, то имѣлъ всю возможность не только обшить, но и оковать себя золотомъ. Онъ былъ статенъ, хорошъ собою, съ усиками, которые можно было бы принять за образецъ форменныхъ усовъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Зато его уже и успѣли избаловать въ Москвѣ, и истинно материнскими ласками, и истинно влюбленными глазками. Чувствуя свое достоинство и первенство между московскими кавалерами, онъ

ловко предупреждалъ взорами избранную имъ на предстоявшую кадриль, и она, въ свою очередь, ловко отказывала предупреждавшимъ его приближеніе кавалерамъ.

Точно также предупредилъ онъ и Сару. Замѣтила ли она въ немъ эту высокую оцѣнку собственнаго достоинства, или нѣтъ; но досадное „engagée!“ повторилось и на приглашеніе на кадриль. Она подала руку усамъ въ отставкѣ, которые ей случалось видѣть на вечерахъ у Авдотьи Петровны и гдѣ-то на живыхъ картинахъ. Затронутое самолюбіе лейбъ-гусара напомнило ему рыцарскую обязанность покорять непокорныхъ.

Но гордая сила, преслѣдуя увертливую слабость, принуждена часто употреблять кошачьи уловки. Послѣ трехъ неудачныхъ предложеній, Лонскій вспыхнулъ, и скрывая досаду, произнесъ голосомъ страстнаго желанія:

— Могу ли я надѣяться по крайней мѣрѣ, что вы не откажете мнѣ на слѣдующую кадриль?

Сара изъявила согласіе.

Получивъ согласіе, Лонскій собирался по-гусарски наговорить страстей Сарѣ и рѣзнуть ея сердце.

— Наконецъ, я танцую! сказалъ Лонскій, взявъ руку Сары и становясь на мѣсто.

— Вы стало-быть не танцовали двухъ первыхъ кадрилей? Это должно-быть непріятно для того кто страстно любитъ танцовать?

Лонскій не предвидѣлъ, что его восклицаніе даетъ промахъ, и ему придется защищаться отъ двухъ колкихъ вопросовъ.

— Я ни сколько не страстный охотникъ до танцевъ... началъ онъ.

— Такъ о чемъ же и жалѣть? прервала его Сара.

— Я хотѣлъ сказать, что первыя двѣ кадрили я танцовалъ безъ желанія танцовать... или лучше сказать онѣ были для меня скучны, не по сердцу!

— Я этого не понимаю; какая же неволя принуждать себя?

— О, большая! Приглашенный на балъ, я невольникъ, я обязанъ плясать. Хозяйка можетъ спросить меня очень мило:

что жь вы не танцуете? — а это значитъ: танцуйте, васъ пригласили не въ зрители. Всѣ знакомыя маменьки назовутъ меня невѣжей, если я по крайней мѣрѣ не провальсирую съ каждой изъ дюжины ихъ дочекъ.

Лонскій былъ очень доволенъ своимъ монологомъ.

— Какая страшная обязанность! сказала Сара; — я бы на вашемъ мѣстѣ отказалась отъ приглашеній на балъ.

— Я бы и отказался, еслибы не былъ увѣренъ, что эта постоянная тоска не выкупится наконецъ неожиданною встрѣчей со счастіемъ...

Лейбъ-гусаръ успѣлъ уже смириться передъ Сарой, и ангажировалъ ее на мазурку. Она знала, что Лонскій первый мазуристъ. Сонечка также много наслышалась о немъ, и передъ баломъ, любуясь красотой и нарядомъ Лидіи, тысячу разъ повторяла, что хорошенькій лейбъ-гусаръ непремѣнно ангажируетъ ее на мазурку.

— Ахъ, перестань, Сонечка, что ты это говоришь!

— Божусь тебѣ! восклицала Сонечка, танцуя передъ туалетомъ сестры.

Вѣроятно Сара вспомнила объ этомъ несбывшемся предсказаніи. Тонкая усмѣшка на постоянно-спокойномъ лицѣ нѣсколько измѣнила ей, когда она приняла приглашеніе.

Кончивъ кадриль, Лонскій вышелъ изъ сферы танцующихъ въ другую комнату, обмахивая свое горячее дыханіе платкомъ. Начался продолжительный вальсъ; онъ не возвращался въ залу, предоставляя этотъ нѣмецкій танецъ бальной черни и сберегая себя для болѣе благородныхъ танцевъ, въ которыхъ не приходится взвѣшивать на рукѣ тяжесть дамы и измѣривать объемъ ея стана.

Бродя въ толпѣ, онъ подговорилъ бывшихъ на балѣ товарищей, гусаръ армейскихъ, чтобъ составить вполнѣ гусарскую мазурку, и не портить національности танца и эффекта вмѣшательствомъ фрака.

Между тѣмъ Сара сѣла подлѣ Лидіи, и обѣ отказались отъ новой кадрили.

— Ахъ, какъ надоѣли эти кадрили! сказала Лидія.

— Да, подтвердила Сара.

— Я думаю, что послѣ этой начнутъ мазурку?

— Не знаю.

— Мнѣ хочется видѣть, какъ танцуетъ мазурку Лонскій.

— Какой Лонскій?

— А вотъ что̀ танцовалъ съ тобой кадриль?

— Но вѣдь я не спрашиваю фамиліи у тѣхъ, съ которыми танцую.

— Ахъ, Боже мой, лейбъ-гусаръ!.. О чемъ онъ съ тобой разговаривалъ?

— Кто?

— Ахъ, Вѣрочка, какая ты разсѣяннная! все тотъ же лейбъ-гусаръ?

— Какой же разговоръ посреди этого шума и грома музыки.

— Но вѣдь я видѣла, что вы о чемъ-то разговаривали.

— Право я ужь забыла эти пріятные разговоры. Который-то изъ моихъ кавалеровъ говорилъ мнѣ, какъ термометръ, что на дворѣ тридцать градусовъ холода, а здѣсь тридцать градусовъ тепла. Я отвѣчала, что вѣрю. Кто-то изъ нихъ спросилъ: давно ли я въ Москвѣ, нравится ли мнѣ Москва, и объявилъ, что Москва деревня.

— Ай, ай, ай! ты что̀ жь сказала на это?

— Я сказала, что я въ деревнѣ родилась; городовъ съ роду не видывала, но что деревенская жизнь мнѣ нравится.

— А онъ что̀ жь?

— А онъ спросилъ: гдѣ ваша деревня? а я отвѣчала: Московской губерніи, на Москвѣ рѣкѣ, въ 600 верстахъ отъ Петербурга.

— Ахъ, какой дуракъ попался тебѣ! Но ужь это вѣрно фрачникъ, а не лейбъ-гусаръ, который танцовалъ съ тобою послѣднюю кадриль.

— Да, этотъ говорилъ, что ему танцовать тоска, что онъ танцуетъ потому только, что его приглашаютъ и чтобъ его не спрашивали, почему онъ не танцуетъ.

— Что̀ жь онъ хотѣлъ этимъ сказать тебѣ?

— Не понимаю.

— Ахъ, какой онъ!.. Я бы этимъ обидѣлась.

Слова Лидіи прервались прыжками рѣзкихъ аккордовъ любимой ея мазурки. Молодежь засуетилась въ залѣ, натя-

нула перчатки, глаза забѣгали туда и сюда, сабли брякнули по угламъ около оконъ. Тюль-иллюзьйонъ, какъ пѣна на волнахъ, заколебался на груди Лидіи, взоры пугливо смотрѣли на проходящихъ мимо. Сара сидѣла спокойно, опустивъ глаза.

Вдругъ, съ той и другой стороны, подлетѣли мазуристы во фракахъ. Та и другая отказали форменнымъ словомъ. Другіе, запоздавшіе, замѣтивъ этотъ отказъ, поняли, что и имъ будетъ тотъ же отвѣтъ, и бросились въ сторону.

— Вѣрочка, я обманула этого кавалера, сказала Лидія,— мнѣ не хочется танцовать мазурку съ этими жуками... а ты?..

Лидія не договорила; лейбъ-гусаръ уже былъ близко, и шелъ по направленію къ ней. Она смутилась, вспыхнула, головка ея уже готова была наклониться въ знакъ согласія; но Лонскій, поднявъ платокъ упавшій изъ рукъ ея, отдалъ ей и подошелъ къ Сарѣ.

На глазахъ Лидіи, какъ у ребенка, который не смѣетъ заплакать, заблистали алмазныя слезки; но никто не замѣтилъ бы ихъ посреди переливавшагося свѣта крупныхъ брилліантовъ на діадимѣ, на серьгахъ и на шейкѣ.

Желая скрыть взволнованныя чувства, она, склонивъ глаза, пробѣжала мимо толпы любопытныхъ зрителей, образовавшейся уже вокругъ гусарской мазурки, и исчезла изъ залы. Никто и не замѣтилъ ея удаленія; только Сонечка не забывала сестры и слѣдила за ней. Но она танцовала мазурку въ другой комнатѣ. Мазурка фраковъ продолжалась недолго, и только что кончилась, Сонечка ходила уже вокругъ густой толпы окружавшей гусаръ. Нѣтъ доступу; ни малѣйшей возможности взглянуть на танцующихъ.

— Да! молодецъ! говорилъ въ восторгѣ какой-то высокій, пожилой усачъ, сосѣду своему, привставшему на цыпочки и вытянувшему шею. Вылитая Еврейка!.. помнишь, въ Шкловѣ, мы откалывали мазурку въ корчмѣ у Эстерки? а?

— Лидіи здѣсь нѣтъ! проговорила Сонечка, всмотрѣвшись сквозь случайный разрывъ толпы. Съ нимъ танцуетъ Вѣрочка!

И она торопливо бросилась отъ мазурки въ другую залу

потомъ въ гостиную, во всѣ прочія комнаты. Лидіи нѣтъ! Пробѣжала уборную, внутреннія комнаты.

— Лидія! вскрикнула она наконецъ, откинувъ занавѣсъ въ спальнѣ матери,—что̀ съ тобой?

— Ничего, Сонечка, такъ!

— Тебѣ дурно? ты вся взволнована!..

— Ахъ, я не знаю...

— Когда жь тебѣ сдѣлалось дурно?.. Я видѣла, какъ къ тебѣ подходилъ Лонскій ангажировать на мазурку... какимъ же образомъ танцуетъ съ нимъ Вѣра?.. Стало-быть ты отказалась?..

— Ахъ нѣтъ, я не отказывалась... онъ подошелъ ко мнѣ... смотрю... Вѣрочка подаетъ ему руку... а я осталась на мѣстѣ, какъ дура!..

Лидія залилась слезами и припала на грудь Сонечки.

— Боже мой, что жь это такое? какимъ же это образомъ?.. Да нѣтъ, не можетъ быть, онъ тебя вѣрно не понялъ...

— Я не знаю, какъ понимаютъ... когда ожидаешь предложенія и молчишь ..

— Ну, вотъ, прекрасно молчать; ни да ,ни нѣтъ; да кто жь пойметъ? Ты пожалуй скажешь, что молчаніе есть знакъ согласія.

— Я этихъ знаковъ не учила!.. Я не умѣю кивать головой какъ миссъ Лови, въ значеніи *да*, и не мотала головой вмѣсто *нѣтъ*!..

— Ну да сто̀итъ ли объ этомъ говорить. Пойдемъ, Лидія, насъ хватятся... это не ловко...

— Нѣтъ, я не могу выйдти, я ни за что̀ не пойду!

И Лидія вскочила и побѣжала въ свою комнатку. Сонечка за ней. Но всѣ уговоры ея были напрасны.

Между тѣмъ гусарская мазурка продолжалась. Лонскій съ Сарой танцовалъ въ первой парѣ и выдумывалъ фигуру за фигурой. Собравшіеся вокругъ мазурки зрители долго восхищались ловкими, порывистыми движеніями гусара, и то плавающей, то вспархивающей, то падающей на руки его Сары. Но все наконецъ утомляетъ. Толпа понемногу разошлась, и зрительницами остались сидящія вокругъ стѣнъ старушки и матери ревнующія за своихъ дочерей, которыя отъ нечего

дѣлать, давно уже разошлись парами по другимъ комнатамъ и въ уборную. На всѣхъ окружающихъ лицахъ выражалось уже явное негодованіе.

Авдотья Петровна первая отозвалась громко:

— Помилуй, Маша, сказала она, вызвавъ Марью Ивановну, которая съ нѣсколькими дамами и messieurs, не принимавшими участія въ танцахъ, сидѣла преспокойно и предовольно въ гостиной.—Ты насъ созвала сюда смотрѣть на плясуновъ, что ли, да восхищаться твоею милою воспитанницей?.. Я увѣрена, что всѣ поднимутся по домамъ, да я первая.

— Что̀ такое, тетушка? спросила удивленная Марья Ивановна.

— Посмотри, моя милая, какъ тамъ работаютъ четыре пары, а всѣ прочія часа ужь съ два сидятъ да зѣваютъ.

— Я думала, что̀ Лидія танцуетъ мазурку, сказала Марья Ивановна, выходя въ залу.—Гдѣ жь Лидія и Сонечка?.. ихъ здѣсь нѣтъ!

Пройдя всѣ комнаты, она вошла въ уборную, гдѣ встрѣтила Сонечку, окруженную подругами.

— Сонечка, душа моя, поди сюда... поди шепни Вѣрѣ, что пора кончить мазурку, что всѣмъ непріятно ждать и смотрѣть на ея восторги! Гдѣ Лидія?

— У ней разболѣлась голова.

Марья Ивановна пошла къ Лидіи, а Сонечка между тѣмъ успѣла передать Сарѣ слова матери, въ сокращеніи.

— Я устала, я не могу болѣе танцовать; пожалуста кончите, сказала Сара своему кавалеру.

Когда кончилась мазурка, Сонечка взяла Сару подъ руку.

— Скажи, Вѣрочка, что̀ сдѣлалось съ Лидіей, когда Лонскій подошелъ къ ней?

— Что̀ такое съ ней сдѣлалось, когда подошелъ къ ней Лонскій? спросила и Сара.

— Но ты была подлѣ нея, и при тебѣ все это было.

— Что̀ такое было при мнѣ?

— Она ужасно разстроена, ушла въ свою комнату... говоритъ, что Лонскій подошелъ къ ней, и не дождавшись отвѣта, ангажировалъ тебя.

— Неужели? Это въ самомъ дѣлѣ было бы очень непріятно; и она имѣла бы полное право претендовать и на него, и на меня. Но это случилось проще. Онъ ангажировалъ меня во время кадрили.

— Какъ же это Лидіи показалось?..

— Этого ужъ я не знаю; но знаю только, что для избѣжанія недоразумѣній, я съ нимъ болѣе не танцую.

— Странная рѣшимость, Вѣрочка! Разумѣется, что я этихъ словъ твоихъ не передамъ Лидіи. Они слишкомъ будутъ непріятны для нея... она не воображаетъ и не воображала, что этотъ лейбъ-гусаръ созданъ быть только ея кавалеромъ!

— Вѣра Михайловна! сказалъ, подходя къ Сарѣ, князь Иванъ Юрьичъ:—какъ вы танцовали мазурку! какъ вы танцовали—просто чудеса!..

— Безподобно, невообразимо, поразительно, неописанному диву подобно! живопись, истинная живопись! раздался и голосъ Потапа Савича съ другой стороны.

Сонечка оставила Сару между этихъ двухъ кавалеровъ.

— Мнѣ досадно на себя, если вы замѣтили, что я рисуюсь; впередъ я буду осторожнѣе, сказала она на похвалы.

— Ахъ, нѣтъ, это природа! проговорилъ князь:—неподражаемая природа!

Сара ловко увернулась и пошла. Но Лидіи нѣтъ, Сонечку увлекли подруги. Всѣ знакомыя сверстницы, всегда предупредительныя и привѣтливыя, проходили мимо; встрѣчаясь, не замѣчали ее. Сара почувствовала это одиночество, и, казалось, затруднялась куда ей идти, и гдѣ остановиться. Въ уборной передъ трюмо, цѣлая толпа дѣвушекъ; говоръ, шепотъ, хохотъ, поцѣлуи. Сара вошла, сѣла на диванчикъ въ углубленіи комнаты. Все смолкло, всѣ исчезли одна за другой. Сара и здѣсь одна. Но она не задумалась на диванѣ, вскочила и вышла вслѣдъ за всѣми. Рядъ кавалеровъ стоялъ уже какъ будто на сторожѣ, и, слѣдуя послѣдней, она первая понеслась въ вальсъ; но ловко отклонила всѣ новыя предложенія Лонскаго.

VIII.

Послѣ этого перваго дебюта въ свѣтѣ, положеніе Сары въ семействѣ Марьи Ивановны видимо измѣнилось. Она сама предупредила всѣхъ холодностью отношеній, и оградила себя отъ всѣхъ движеній и порывовъ сердца, отъ всѣхъ нѣжныхъ ласкъ, угрюмыхъ взглядовъ, надутыхъ губокъ и невниманія.

Эту перемѣну тотчасъ же замѣтилъ карликъ Митя, и не могъ понять что̀ такое сдѣлала, въ чемъ провинилась его барышня, какъ онъ называлъ про себя Сару. Послѣ бала все пошло не такъ, а причины, кажется, нѣтъ никакой.

— Нѣтъ, есть причина! сказалъ Митя, послѣ долгихъ соображеній.—Старая корга, тетушка Марьи Ивановны, терпѣть ее не можетъ; а все изъ зависти, что Вѣра Михайловна получше да и поумнѣе ея внучекъ; ведетъ себя гордо и пристойно, точно какъ будто чувствуетъ, что познатнѣе ихъ всѣхъ... а на балу-то—королева!.. вотъ и надулись всѣ, обидно стало; какъ дескать какой-нибудь пріемышъ затеръ всѣхъ... Ахъ ты Господи!.. Да за что жь это слыветъ она, голубушка моя барышня, какимъ-то пріемышемъ, круглою сиротой?.. За что̀ отецъ-то откачнулся отъ нея, затаилъ отъ всѣхъ, что она дочь его родная? живетъ себѣ въ имѣньи у батюшки, стараго князя, какъ въ могилѣ, и голосу не подаетъ?.. Что̀ это съ нимъ дѣлается, только Господу Богу извѣстно; а добрѣйшая душа какая!

Долго ворчалъ такимъ образомъ карликъ, сидя на кроваткѣ, въ маленькой своей коморкѣ на антресоляхъ; наконецъ, вдругъ соскочилъ на полъ, побѣжалъ къ Марьѣ Ивановнѣ и отпросился сходить въ городъ. Бѣгомъ пустился онъ по бульвару, прямо къ биржѣ. Здѣсь былъ у него знакомый извощикъ; влѣзая въ сани, Митя велѣлъ ему ѣхать скорѣе за заставу, въ подмосковную.

— Что жь это, Дмитрій Аѳанасьичъ, ты ничего не ростешь? спросилъ извощикъ, подсаживая своего сѣдока, и закидывая санную полость.

— Выросъ до Дмитрія Аѳанасьича, куда жь больше рости, отвѣчалъ Митя,—ступай, ступай скорѣй!

Послѣ ухабистаго пути по городу, сани плавно покатились по гладкой загородной дорогѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ заставы, за посѣдѣвшею рощей, потянулась рѣшетка сада, котораго огромныя деревья, покрыты были клочками снѣга и гнѣздами воронъ, улетѣвшихъ на покормку. За садомъ, на дворѣ, открылся деревянный одноэтажный домъ, съ запертыми ставнями. По всѣмъ признакамъ онъ давнымъ-давно уже опустѣлъ, хотя управляющій, жившій во флигелѣ, по привычному ожиданію внезапнаго пріѣзда хозяина, постоянно заботился поддерживать его и предохранять отъ разрушенія.

Прослышавъ лай жучки, заметавшейся на цѣпи, онъ вышелъ на крыльцо, и съ удивленіемъ встрѣтилъ карлика.

— Къ тебѣ, Наумычъ, сказалъ Митя,—поговорить надо.

— Милости просимъ, Дмитрій Аѳанасьичъ, если по дѣлу такъ пойдемъ ко мнѣ въ контору; а тамъ и самоварчикъ кипитъ.

— Нѣтъ не могу.

— Что жь такъ? не захлебнешься нашею чашкой чаю.

— Не время; а вотъ что, Наумычъ: нѣтъ ли отъ барина какой вѣсти?

— Есть.

— Ой ли?

— Княгиня, матушка его умерла, дай Господи ей царство небесное; между нами сказать, и старый-то князь совсѣмъ уже плохъ; а его сіятельство Михайло Васильичъ прислалъ

мнѣ довѣренность, взять изъ опекунскаго совѣта подъ залогъ этого имѣнья деньги, уплатить долги, да все здѣсь исправить.

— Стало-быть онъ самъ пріѣдетъ? Слава тебѣ Господи! воскликнулъ Митя, перекрестясь.

— Стало-быть. Это имѣнье покойница княгиня передала ему.

— Ой ли? да скоро ли пріѣдетъ самъ-то?

— Поправлять велѣлъ, а когда пріѣдетъ Богъ вѣдаетъ.

— Что это съ нимъ дѣлается, Наумычъ, только Господу Богу извѣстно. Да во всю жизнь, съ самаго того времени, какъ посватался на Марьѣ Ивановнѣ. Сегодня быть сговору, а въ ночь отдалъ мнѣ письмо, доставить ей, поѣхалъ куда-то да и пропалъ. Ни слуху, ни духу. Одни говорили, что умеръ, а другіе вишь сосланъ на Кавказъ. Потомъ появился было на бѣлый свѣтъ, какъ покойникъ изъ могилы, привезъ дочку, отдалъ на руки Марьѣ Ивановнѣ, какъ круглую сироту безъ имени... Помнишь, Наумычъ, какой изморенный явился-то онъ... какъ крѣпко поцѣловалъ-то меня, какъ увидалъ! словно роднаго!..

Митя прослезился.

— Смотри, говоритъ, Митя,—у Марьи Ивановны будетъ воспитываться моя малютка Вѣрочка, послужи ей, оберегай ее, забавляй; но до пріѣзда моего никому ни слова, чтобы никто не зналъ то, что я тебѣ повѣряю... Поѣхалъ, да опять какъ въ могилу. Барышня-то ужь невѣста, а все на счету сироты. Сначала, нигдѣ бы ей лучше не было, какъ у Марьи Ивановны: вела ее наравнѣ съ своими дѣтьми...

— А теперь отчего же хуже? спросилъ Наумычъ.

— Притѣснять стали. Зависть, что она получше, да и поумнѣе всѣхъ; да теперь же не то ужь что маленькая барышня: тоже расхода требуетъ на наряды, на выѣзды; то шляпка нужна, то платье бальное. Одѣвать-то одѣваютъ, а съ своими ровнять перестали, и куда! такъ-себѣ, опрятно, и видно что сирота въ дому... а ей-то, чай, тоже обидно... Вотъ, отцу-то и грѣхъ отдалъ на чужія руки, да и знать

не хочетъ. По крайней мѣрѣ присылалъ бы что-нибудь, или жалованье положилъ...

— Изъ чего, откуда? возразилъ Наумычъ, ужь онъ бы не далъ, еслибы могъ! Еще хорошо что у меня были деньги, да призанялъ.

— Господи! при такомъ богатствѣ!

— А гдѣ жь оно, это богатство? у стараго князя въ сундукахъ? Сыну-то не воровать стать. А вздумай я порадѣть князю Михайлѣ Васильичу, покривить душой противъ стараго барина, такъ ты думаешь онъ сказалъ бы мнѣ спасибо?

— Обидно, Наумычъ, что нашу барышню такъ обижаютъ. Я бы отдалъ ей свою тысчнягу; да какъ? Отъ себя ей отдать? посмотрѣлъ бы ты, какая гордая, у насъ и въ роду такой не было. Дѣло другое, еслибъ она знала, что князь ей отецъ, такъ отдалъ бы отъ его имени. Ума не приберу, для чего и отъ родной дочери-то онъ себя скрываетъ?

— Причина стало-быть есть.

— А ты, Наумычъ, знаешь?

— А мнѣ какъ знать? Будетъ, небось, разказывать мнѣ князь, что за душой схоронено?

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Чай, женился безъ воли родительской, вотъ и горюй вѣкъ.

— А можетъ-статься и такъ, сказалъ Наумычъ,—а гдѣ и какъ женился, не вѣдомо; жены живой не довезъ, да и младенца-то привезъ еле-еле живъ.

— Знатная барышня вышла, а ужь не знать, въ чей родъ. И Господи какая недоступная! А ужь я такъ думаю, Наумычъ, что надо писать тебѣ къ князю, что вотъ такъ и такъ, обидныя дѣла дѣлаются съ Вѣрой Михайловной. Такъ какъ прикажетъ: можетъ-статься, положитъ ей жалованье. Теперь деньги будутъ.

— Нѣтъ, Дмитрій Аѳанасьичъ, писать къ князю не буду. Писать къ себѣ онъ крѣпко-накрѣпко запретилъ.

— Вотъ ужь подлинно, что куда ни кинь, вездѣ клинъ!

— Сказалъ, Богъ дастъ самъ буду, ну и будемъ ждать. А если какая крайняя будетъ необходимость Вѣрѣ Ми-

хайловнѣ, такъ я ужь на свой страхъ возьму, а сколько ей потребно будетъ, выдамъ.

— Ну, ладно. Я бы Марьѣ Ивановнѣ сказалъ, что не прикажетъ ли, молъ, что на расходы для бырышни, да и на мнѣ вѣдь запретъ лежитъ. А самой-то ей какъ отдашь?

— Не приходится. Чего добраго, по мысли-то вдоль, а на дѣлѣ-то выйдетъ—поперекъ. Самъ лучше знаетъ, что̀ дѣлаетъ.

— И то правда; такъ прощай, Наумычъ. А ужь мнѣ горькая обида, какъ всѣ тучами смотрятъ: того и гляди гроза.

— А чайку, Дмитрій Аѳанасьичъ? самоваръ готовъ.

— Не могу, Наумычъ, во мнѣ теперь словно свой самоваръ кипитъ; да и запоздаю.

Митя сѣлъ на извощика и велѣлъ погонять въ обратный путь.

Возвратясь въ домъ, онъ засталъ уже сборы въ театръ, а изъ театра прямо на вечеръ къ Кириковымъ.

Митя, по обычаю, шлялся по комнатамъ, въ ожиданіи какихъ-нибудь приказаній, которыя обыкновенно передавались черезъ него и въ дѣвичью, и въ переднюю. То постоитъ у однѣхъ дверей, то у другихъ, то взлѣзетъ въ залѣ на стулъ и посидитъ, если тутъ нѣтъ господъ.

Сара, одѣтая, вышла прежде всѣхъ, и стала ходить по пустымъ комнатамъ; въ выраженіи лица ея однакоже проявлялось не торопливое желаніе скорѣе ѣхать, но напротивъ, угрюмое нежеланіе ѣхать.

Митя наблюдалъ за ней.

„Платьице-то простенькое, голову-то сама вѣрно причесывала; и украшеній-то никакихъ, кромѣ бѣлаго вѣночка... поневолѣ грустно,“ ворчалъ онъ про себя.

Когда Марья Ивановна показалась въ дверяхъ, Сара подошла къ ней.

— Мнѣ бы не хотѣлосъ ѣхать на балъ; позвольте мнѣ воротиться изъ театра домой, сказала она ей.

— Это неловко, моя милая, отвѣчала Марья Ивановна.— Тобой такъ интересуются, а ты будешь сидѣть дома; подумаютъ, что я не намѣрена тебя вывозить въ свѣтъ.

— Что̀ жь такое что подумаютъ.

— Для тебя можетъ-быть ничего, а для меня очень много.

— Я не могу этого понять.

— Ты еще не опытна, не знаешь свѣта; отъ того и не понимаешь; а я очень понимаю, что могутъ подумать, что я боюсь тебя вывозить...

Сара пожала плечами.

— А это было бы непріятно и для меня, и для моихъ дочерей.

— Теперь я понимаю; но я и сама сознаю, что не могу равняться съ ними; а потому и прошу васъ...

Марья Ивановна почувствовала неосторожность свою.

— Ты все-таки не поняла меня, Вѣрочка, сказала она нѣжно и мягко,—я хотѣла сказать, что мнѣ бы непріятно было, чтобы на тебя смотрѣли, какъ на несчастную, призрѣнную какую-нибудь сиротку, тогда какъ я дала отцу твоему слово замѣнить тебѣ родную мать.

— Моему отцу? Гдѣ жь мой отецъ? спросила вдругъ Сара.

Присѣвшій въ залѣ около дверей Митя встрепенулся и соскочилъ со стула.

— До сихъ поръ, продолжала Сара,—я слышала только о бѣдной моей матери, которая, умирая, просила васъ взять меня.

Марья Ивановна проговорилась и едва могла скрыть свое смущеніе.

— Я хотѣлъ сказать: матери твоей, Вѣрочка, и ошиблась, произнесла она довольно твердымъ и спокойнымъ голосомъ.—Однакожь, что̀ жь это Лидія и Сонечка? пора ѣхать... осьмой часъ.

Сара посмотрѣла на нее недовѣрчивымъ, пытающимъ взглядомъ и снова пожала плечами.

Изъ всего тихаго разговора, который вели между собою Марья Ивановна и Сара, рѣзкій вопросъ: моему отцу? долетѣлъ ясно до слуха Мити.

— Къ отцу?.. Господи, стало-быть...

Не досказавъ своей мысли, онъ подкрался ближе къ дверямъ. Но разговоръ кончился, Марья Ивановна вышла торопливо, и, какъ показалось Митѣ, вышла въ сердцахъ.

А Сара осталась неподвижною подлѣ стола, на который оперлась рукою, и смотрѣла, задумавшись, въ землю.

— Къ отцу! повторилъ Митя.—Вотъ оно! рѣшено дѣло и объявлено! Слава тебѣ Господи! прибавилъ онъ крестясь.

— Подали карету? спросила Марья Ивановна, выходя съ дочерьми.

Митя побѣжалъ справиться.

Проводивъ господъ до сѣней, онъ воротился въ залу, заложивъ руки назадъ, и началъ ходить взадъ и впередъ въ раздумьѣ.

— Да я тутъ ни за что̀ не останусь! Я буду просить барышню, чтобы взяла меня съ собою!..

— Ступай-ко, Дмитрій Аѳанасьичъ въ дѣвичью, тамъ ждутъ тебя играть въ карты, сказалъ лакей, вошедшій тушить лампы.—Ступай!

— Небось, не останусь, отвѣчалъ карликъ, выходя въ корридоръ.

Между тѣмъ морозъ былъ въ надлежащемъ градусѣ. Противъ театра, на площади, въ круглой, обитой желѣзомъ загородкѣ, разложенъ былъ огонь, для кучеровъ и выѣздныхъ лакеевъ, желающихъ шутя погрѣть изъ-за загородки руки, и посмотрѣть, какъ посреди этого цирка тлѣетъ гнилое полѣно. Нѣтъ сомнѣнія, что эту воздушную топку, посреди площади, въ предохраненіе *людей* отъ мороза, каковъ бы онъ ни былъ, хоть ртуть замерзай, изобрѣлъ иноземный геній. Пляски кучеровъ въ одиночку около экипажей, размахиванье руками, хлопанье рукавицами, натиранье отмороженныхъ ушей, носа и щекъ снѣгомъ, а если черезчуръ жутко, такъ кулачный бой,—все это глупо. Вотъ вамъ каминъ, нѣсколько полѣнъ дровъ, подкладывайте, грѣйтесь, дурачье! и этого-то по сю пору не выдумали!

И что̀ жь? странная вещь! Воздушный каминъ тлѣетъ себѣ посреди площади, нѣтъ около него ни одной души. Около экипажей тѣ же пляски въ одиночку, то же хлопанье руковицами; а ужь если можно оставить лошадей и экипажъ на надежныя руки своей братьи, или незябкихъ мальчишекъ-форейторовъ, такъ компанія идетъ куда-нибудь по сосѣдству, гдѣ и чай горячій, и горячіе напитки, и вся-

кая *провизія*, и пріятное препровожденіе времени, и даже *машина.*

— Вчерась, гдѣ былъ, Сеня?

— А здѣсь же, а потомъ на балъ, до самой заутрени.

— А сегодня, изъ театра поѣдете туда?

— А какъ же, вотъ здѣсь выпьемъ, а закусимъ у Сухаревой.

— А что фалеторъ надежный, лошади смирно стоятъ?

— У меня ничего старье, дремлютъ себѣ, да пофыркиваютъ, какъ ноздри-то законопатитъ морозомъ. А вотъ у Семена такъ ужь такія, что хоть въ ноги кланяйся, а отпуску нѣтъ.

Между тѣмъ въ большомъ театрѣ идетъ „волшебное представленіе, съ хорами, куплетами, превращеніями и танцами". Бѣдныя волшебныя существа, въ своихъ невещественныхъ одеждахъ, носятся улыбаясь по сценѣ, въ потокѣ воздуха, нагрѣваемаго дыханіемъ тысячи зрителей, который стремится съ шумомъ къ намалеваннымъ небесамъ живописной природы. Но конецъ дѣйствія гонитъ ихъ въ ущелья закулиснаго міра; и въ этомъ хаосѣ, обданныя холодомъ и пожираемыя шубами, онѣ разбѣгаются по логовищамъ.

Занавѣсъ опускается и скрываетъ отъ взоровъ эту страшную картину. Начинается разъѣздъ. Отъ театра вся площадь и Охотный рядъ оглашаются повторяемыми фамиліями московской знати. Крикнули наконецъ и карету Лиговскихъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, Марья Ивановна, ея дочери и Сара, являются посреди великолѣпной залы, гдѣ музыка гремѣла уже новый парижскій танецъ, для котораго, на первыхъ порахъ, весь танцующій міръ, отъ мала до велика, бросился къ танцовщицамъ и къ фигуранткамъ, за хитрою наукой полькованья.

Только что Сара показалась, Лонскій былъ уже на сторожѣ, двинулся къ ней; но она уклонилась въ сторону за столпившихся дамъ, и проходя мимо упомянутыхъ уже нами усовъ въ отставкѣ, сказала: вы со мной танцуете.

Этотъ незавидный кавалеръ, которымъ она распоряжалась безъ церемоній, былъ молодой человѣкъ пожилой наружности, по усамъ и пріемамъ, военный въ отставкѣ. Онъ

какъ-то врютился въ большой свѣтъ, въ родѣ прикомандированнаго для особыхъ порученій. Онъ употреблялся барынями на посылки, барышнями при недостаткѣ кавалеровъ, старушками при недостаткѣ четвертаго игрока по копѣйкѣ призъ; употреблялся на заднемъ планѣ въ живыхъ картинахъ, и какъ подставной актеръ на домашнихъ театрахъ.

Не дожидаясь отвѣта и не обращая вниманія доволенъ ли кавалеръ ея приглашеніемъ, Сара подала ему руку.

Но онъ былъ не только доволенъ, но въ высшей степени счастливъ. Онъ видѣлъ, какъ она отказывала Лонскому, первенствующему изъ кавалеровъ, для того чтобы танцовать съ нимъ, и наконецъ сама вызываетъ его танцовать съ ней. Это уже не просто предпочтеніе; это что-то въ родѣ невольно высказывающейся страсти.

Отецъ его Иванъ Ильичъ Четкинъ слылъ за честнаго и дѣловаго человѣка; дослужась до шитья VII-го рязряда, онъ продолжалъ ходить по дѣламъ московской знати. Въ отношеніи къ единственному сыну отеческая воля его не исполнялась. Онъ думалъ вести его по тому же пути, по которому самъ шелъ, и на этомъ основаніи отдалъ его въ гимназію; но едва прочкнулась собственная воля юнаго Четкина, воздѣлываемая ненаглядною любовію родительницы, юный Четкинъ пожелалъ оставить гимназію и вступить на поприще военной службы. Повоенничалъ нѣсколько лѣтъ, посидѣлъ нѣсколько разъ подъ арестомъ, вышелъ въ отставку и возвратился подъ кровъ родительскаго дома, на новыя заботы отцу и попеченія матери. Иванъ Ильичъ, вхожій во многіе дома по дѣламъ, и заботился о немъ; попрашивалъ и тамъ и сямъ мѣстечка сыну, представлялъ его лично вниманію покровительствующихъ особъ, и ни какъ не предвидѣлъ, что въ сынѣ его есть таланты годные и для большаго свѣта. Мать радовалась, какъ говорится, несказанно, что Павлушу приглашаютъ и на балы, и на музыкальные вечера, и участвовать въ живыхъ картинахъ и на сценѣ домашнихъ театровъ. Она была увѣрена, что въ него, если еще не влюблена, то непремѣнно влюбится, какая-нибудь богатая и знатная невѣста.

Иванъ Ильичъ, напротивъ, горевалъ, что его не при-

строишь куда-нибудь на службу, хоть даже управляющимъ какимъ-нибудь имѣніемъ. Но противъ *какихъ-нибудь* службъ и управленій его супруга возставала горой.

— Не безпокойся, онъ въ свѣтѣ сдѣлаетъ свою карьеру!

— Да гдѣ жь, сударыня моя, брать мнѣ денегъ на эту карьеру, на экипировку, да на разъѣзды по баламъ и маскарадамъ, да въ дополненіе, то на китайскіе, то на испанскіе костюмы?.. О дочеряхъ-то надо также подумать!

— Хорошая невѣста все окупитъ.

— Скажи пожалуста! именно такъ, въ самомъ дѣлѣ! чего добраго, того и гляди, что къ красной горкѣ придется шить новую пару платья. Какъ такому малому, съ такими усами, не сдѣлать фортуны въ большомъ свѣтѣ!

— Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать! Отвѣчала супруга Ивана Ильича, на подобныя его сужденія о сынѣ.

А сынъ между тѣмъ танцуетъ не одну уже кадриль или польку съ Сарой; хотя она пріобрѣла себѣ не одного только его въ подставные кавалеры на случай отказа Лонскому.

— Это штуки, кокетство! сказалъ Лонскій, отходя отъ Сары не въ первый уже разъ, и замѣчая, что она отвертывается при его приближеніи.

Въ этотъ вечеръ Лидія была очаровательна, и обратила на себя общее вниманіе. Нарядъ ея былъ проще, во взорахъ особенная томность. Провинившійся противъ нея Лонскій, не зная самъ того, казалось старался загладить вину свою. Онъ уже полькировалъ съ Лидіей и снова танцуетъ, игриво и мило бесѣдуетъ съ ней, не отводитъ глазъ отъ своей дамы на сторону, никого не ищетъ взорами кромѣ ея.

Марья Ивановна рада торжеству дочери; старая тетушка. Автотья Петровна,—торжеству внучки; Сонечка въ восторгѣ отъ сестры. Подруги, хоть и не восторгаются, но смотрятъ на нее безъ зависти. Даже нѣкоторыя почтенныя старушки, которымъ до всего дѣло, и у которыхъ глаза, несмотря на слѣпоту, зорки,—шепчутъ другъ другу:

— Тутъ надо чего-нибудь ожидать. Я, право, не противъ. Дѣвочка добрая, съ хорошимъ состояніемъ; но этимъ все и кончается. Да чего жь ему больше и желать; про всѣхъ ума не наберешся. Да и онъ, что жь, гвардейскій офицеръ, бо-

гать, а то же, чай, съ придурью, какъ вся теперешняя молодежь.

— Съ придурью? помилуй, Анна Петровна! Вотъ въ наше время, молодежь была съ придурью: сама за невѣстами по всѣмъ угламъ не рыскала. Ищейныхъ-то жениховъ тогда не водилось... Смотри, пожалуй, какъ присватываются... Сегодня за ней ходитъ, а завтра за носъ водитъ; потомъ женится, да и врозь. Нѣтъ, матушка, не наши времена, не наши! Насъ не только что женихи, да и мужья за носъ не водили.

— Варвара Сергѣевна, что жь это не видать воспитанницы-то Марьи Ивановны? Вывозитъ она ее?

— Здѣсь; только что-то не на виду. Вѣрно, что-нибудь вышло за мазурку.

— Что такое за мазурку?

— У Лиговскихъ. Гусаръ расплясался съ ней до того, что всѣ думали, тутъ же и сговоръ будетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Марьѣ Ивановнѣ было это непріятно. Дочери сидятъ сложа ручки, а воспитанницу прокричали царицей бала.

— Однакоже Марья Ивановна ведетъ ее, какъ родную дочь.

— А кто жь про то знаетъ, чего не знаешь.

— Ну, я дурныхъ предположеній дѣлать не люблю.

— Да и я шучу; а признаюсь такихъ воспитанницъ съ роду не видала. Это, если не настоящая, такъ театральная принцесса. Князь Иванъ Юрьичъ не даромъ съ ума сходитъ отъ нея. Тутъ что-нибудь да кроется.

— Это, признаться сказать, и мнѣ приходило въ голову: и легко быть-можетъ; по родственнымъ фамильнымъ отношеніямъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! да это такъ! тутъ и сомнѣнія нѣтъ!.. Съ чего жь бы иначе стала Лиговская воспитывать какую-нибудь сироту, какъ богатую наслѣдницу?.. Она же и намекала при мнѣ, что у этой сироты *что-то* будетъ... Посмотрите, если онъ не переведетъ на ея имя свои капиталы, да имѣніе; кто жь ему помѣшаетъ!..

— Ты, однакоже, Варвара Сергѣевна, помолчи объ этомъ; я не хочу чтобъ отъ меня что-нибудь выходило.

— Да съ чего же отъ васъ? Кажется я первая поняла въ чемъ дѣло?

— Отъ куда жь, матушка, первая? не намекни я тебѣ, ты бы и не знала.

— Скажите, пожалуста, я бы не знала! это безподобно! Я бы не знала!

— И не знала бы и никогда бы не знала, и въ голову тебѣ не пришло бы.

— Хоть тупая голова, да вотъ знаю.

— Ничего не знаешь! изволь сказать, кто мать ея?.. ну, изволь сказать, Варвара Сергѣевна?

Озадаченной Варварѣ Сергѣевнѣ пришлось хоть молчать на этотъ неожиданный вопросъ; но она поправилась.

— Знакомство съ какой-нибудь танцовщицей, предоставляю вамъ; на родинахъ и на крестинахъ я не была!

И она встала и пошла прочь. Оставшаяся на мѣстѣ древняя барыня, готова была вскочить вслѣдъ за ней; но не доставало силъ. Обиженная и встревоженная, она едва дышала отъ стѣсненія духа.

Соперничество и ссора, возникшая за первенство, или, говоря не по-русски, за инціативу новой догадки о происхожденіи Сары, были побудительной причиной къ немедленному же сообщенію тайны пользующимся довѣренностію той и другой стороны.

Взоры нѣкоторыхъ стали уже искать Сару, чтобы взглянуть на нее, въ открытомъ за тайну, новомъ ея значеніи. Она, между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ умѣла такъ притаиться отъ общаго вниманія, что начали шепотомъ спрашивать, гдѣ она? Устраняясь отъ главной арены на форумѣ бала, она уводила кавалера въ боковую залу, и, кончивъ танецъ, уходила въ уборную, гдѣ всегда находила для бесѣды, вольныхъ и невольныхъ отшельницъ, терпѣливо выслушивая иносказанія ихъ досады или ревности.

Затронутое самолюбіе Лонскаго, какъ слѣдуетъ, платило ей за невниманіе тою же монетой и даже съ возвышеннымъ курсомъ. Но вопреки самолюбію, иное какое-то без-

отчетное еще чувство отзывалось въ душѣ съ такою болью, что вся принужденная любезность исчезала, и Лонскій невольно слѣдилъ взорами за Сарой, и наблюдалъ за всѣми ея движеніями. Между кавалерами, съ которыми танцовала Сара, онъ искалъ избраннаго, и не находилъ: со всѣми она была одинаково суха, и даже одинаково ко всѣмъ невнимательна.

— Почти не танцуетъ, скрывается изъ залы, избѣгаетъ встрѣчи со мною... Что̀ это значитъ? злое кокетство?

И Лонскій снова одушевляется, ведетъ контръ-мины. Сара тутъ, онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ апоѳеозируетъ Лидію, всѣми очарованіями ловкаго и вполнѣ занятаго своимъ новымъ божествомъ прозелита. Сара скрылась, и притворный отступникъ начинаетъ оскорблять новое божество своею разсѣянностью.

Но это бѣдное божество не понимаетъ еще, что безсознательно и безпощадно приносятъ его въ жертву другому божеству.

И это уже длится не одинъ балъ, не одинъ вечеръ. Все принимающее участіе въ Лидіи или въ Лонскомъ, приходитъ видимо и невидимо въ какое-то броженіе. Только одна Сара видимо спокойна. Ея наружность приняла какое-то особенное достоинство. Марья Ивановна довольна ею, Сонечка сознательно благодарна. Она всѣмъ расхваливаетъ ея нравъ, ея умъ и способность къ самоотверженію.

Но Лидія припоминаетъ мазурку, торжество Сары, и собственныя чувства, и ей стало жалко Сары. Ей кажется, что Сара глубоко затаила въ себѣ грустное чувство, и она причиной этого. Ей какъ будто совѣстно быть счастливой на счетъ чужаго горя. Но какъ же подѣлиться этимъ счастіемъ? невозможно. Лидіи грустно иногда смотрѣть на Сару; радушно, нѣжно, она ласкается къ ней; но Сара холодно принимаетъ эти ласки, а это еще грустнѣе.

IX.

Послѣ подслушанныхъ нѣсколькихъ словъ изъ разговора Марьи Ивановны съ Сарой, карликъ Митя ходилъ насупясь и все что-то обдумывалъ.

— Дѣло рѣшеное, бормоталъ онъ про себя, — барышня знаетъ теперь, кто она... Вѣрно ждетъ теперь батюшку, князя... совсѣмъ перемѣнилась... дѣвушки говорятъ, какъ ѣхать въ театръ или на балъ, такъ и нахмурится... Изъ лебединаго яйца индюшки не высидишь; изъ чужаго стада тянетъ въ свое... А ужь я безъ нея истоскуюсь здѣсь... буду проситься!

И Митя высматриваетъ удобный случай. Пройдетъ Сара одна, онъ бросится за ней слѣдомъ; но покуда онъ собирается разинуть ротъ—ушла!... Сядетъ Сара съ книгой, или съ работой въ китайской любимой ея комнатѣ,—Митя станетъ подлѣ за фарфоровую башню или за Конфуція, заложитъ руки назадъ, перебирая пальцами, и то двинется впередъ, то отступитъ; хочетъ что-то сказать, а слово прилипнетъ къ языку, и онъ только оближется.

Но наконецъ натужился, собрался съ духомъ, и кладя на столикъ подлѣ нея театральную афишку, проговорилъ:

— Барышня, сударыня Вѣра Михайловна!..

— Что̀?

— Словечко нужно мнѣ сказать вамъ...

— Что такое, говори, спросила Сара громко; а между тѣмъ послышались чьи-то шаги.

Митя оторопѣлъ.

— Что̀ жь ты хотѣлъ говорить?

— Дивертисементъ, барышня...

— Какой дивертисементъ?

— На афишкѣ написано... извольте посмотрѣть...

— Что̀ жь такое?

— Ничего, барышня, проговорилъ Митя, моргая глазами.

Сара посмотрѣла на него.

— Ты не то хотѣлъ сказать.

— Вотъ-съ, афишка, повторилъ Митя твердымъ сиповатымъ голосомъ, увидя входящую Марью Ивановну.

— Пора одѣваться, Вѣра, сказала она, по-французски.

— Я не могу ѣхать, у меня что-то голова заболѣла, отвѣчала Сара.

— Но сегодня балетъ; ты любишь балеты.

— Ахъ напротивъ, они для меня тоска!

— Странно; впрочемъ какъ хочешь.

Митя, махнувъ съ досады рукой, ушелъ между тѣмъ въ дѣвичью. Ему чудилось, что его барышня, что-то очень разстроена; что Марья Ивановна постоянно въ сердцахъ на нее. Дѣвичья была любимымъ пріютомъ Мити въ минуты требующія разсѣянія отъ скуки, а иногда и отъ горя. Въ маленькомъ его тѣлѣ негдѣ было расходиться взволнованному духу, и онъ тѣснилъ, давилъ всю внутренность его, и мутилъ мысли.

Забравшись въ уголъ на сундукъ, Митя задумался, забылся и заснулъ. Страшный сонъ еще болѣе растревожилъ его. Ему снилось, что барышню его гонятъ изъ дому, а его тащутъ къ рѣкѣ, топить.

— Матушки, голубушки, помогите! кричалъ онъ, задыхающимся голосомъ, вскочивъ съ ужасомъ.

— Что ты это съ ума сошелъ, Дмитрій Аѳанасьичъ! сказала ему Даша, горничная Сары: — ступай къ Вѣрѣ Михайловнѣ.

— Да за что̀ жь это, за что̀? проговорилъ Митя, еще не пришедшій въ себя.

— Вишь, дурной, заспался какъ!...

— Ухъ! а я думалъ Богъ знаетъ что̀...

И Митя потянулся.

— Ступай, Вѣра Михайловна зоветъ тебя.

— Вѣра Михайловна?.. гдѣ жь она, голубушка Даша?

— Въ своей комнатѣ. Барыня съ барышнями уѣхала въ театръ, а она осталась дома. Скучно вѣрно; такъ велѣла позвать тебя, хочетъ послушать твоихъ сказокъ.

— За что̀ жь это не взяли ея въ театръ? спросилъ Митя:—вѣрно барыня разсердилась на нее?

— Сказала, что не поѣдетъ, и не поѣхала. Барыня можетъ-статься и разсердилась.

— Такъ пойду, сказалъ Митя.

— Постой, постой; смотри какая встрепаная голова! давай я тебя причешу.

— Причеши, голубушка, Даша.

Даша взяла гребенку, сѣла на стулъ, и поворачивая Митю какъ ребенка, начала расчесывать густыя и длинныя его космы.

— Ну, готовъ дитятко!

Митя побѣжалъ въ комнату Сары; пріотворивъ тихонько двери, вошелъ. Сара сидѣла подлѣ столика и читала книгу.

— Вы изволили приказать барышня...

— Митя, ты что̀ хотѣлъ сказать мнѣ, давеча? спросила она, положивъ книгу.

Митя оторопѣлъ; руки и пальцы на рученкахъ его растопырились, тлаза неподвижно уставились на Сару.

— Говори, чего ты боишься?

Митя поклонился въ ноги.

— Что̀ съ тобой? Это что̀ значитъ?

— Барышня, сударыня, Вѣра Михайловна...

— Что тебѣ нужно отъ меня?

— Вотъ что, барышня...

— Ну? что такое?

— Вотъ что, барышня, сударыня, Вѣра Михайловна... такъ какъ ужь извѣстное дѣло... статься можетъ, вы изволите скоро ѣхать... такъ не оставьте, возьмите меня съ собой!

— Я? ѣду? тебя взять съ собой? повторила изумленная Сара.

— Не оставьте, барышня... самъ батюшка вашъ изволилъ сказать, что возьметъ меня къ себѣ... не оставитъ...

Сара посмотрѣла на Митю.

— Ты зналъ моего отца?

— Да какъ же, сударыня, въ домѣ его сіятельства Василья Григорьевича выросъ... Матушка Марьи Ивановны выпросила меня себѣ. Поэтому случаю мнѣ дали волю. Я и поступилъ сюда въ домъ.

Сара продолжала пристально смотрѣть на карлика; ей казалось, что онъ въ бреду.

— Не оставьте, барышня, возьмите съ собой къ батюшкѣ! проговорилъ Митя, снова поклонясь до земли.

— Куда жь? на тотъ свѣтъ къ моему батюшкѣ? спросила Сара.

— Господи! вскрикнулъ Митя дикимъ голосомъ:—да нешто батюшка вашъ, его сіятельство, изволили кончить жизнь?.. И Митя, закрывъ лицо руками, зарыдалъ и заметался по комнатѣ.

Сара содрогнулась.

— Что это значитъ?.. спросила она сама себя,—что отъ меня скрываютъ?.. что я такое?.. кто мой отецъ? кто моя мать?.. Что̀ говоритъ этотъ безумный?..

Блуждающій взоръ ея снова остановился на Митѣ, который, упавъ на колѣни и склонивъ голову въ землю, обливался горькими слезами.

— Митя! поди сюда! сказала Сара.—Поди сюда, Митя! повторила она.

Митя послушно приподнялся, отирая рукавомъ слезы.

— Что̀ прикажете, барышня? произнесъ онъ всхлипывая.

— Ты помнишь моего отца?

— Князя-то Михайла Васильича?.. добрѣйшую душу-то?.. его-то не помнить?

Митя залился снова слезами.

— Не плачь! сказала Сара.

— Барышня... какъ же мнѣ не плакать-то? спросилъ Митя:—вы ужь можетъ статься наплакались... а я-то впервые...

— Ты помнишь мою мать?

— Никакъ нѣтъ, барышня.

— Кто она такая ?..

— Не могу знать, барышня... князь, батюшка вашъ, пріѣхалъ одинъ, повидался съ Марьей Ивановной, васъ и привезли сюда малюточку, вотъ такую.

Митя показалъ ростъ выше своей головы.

У Сары занималось уже дыханіе, глаза блистали. Она, казалось, соображала все памятное ей прошедшее.

— Стало-быть меня тайно привезли... никто не зналъ?..

-- Привезли за сиротку... горько, барышня, было мнѣ...

— А ты почему зналъ меня ?

— Да какъ же... князь Михайло Васильевичъ, сами мнѣ изволили сказать: смотри, говоритъ, Митя... послужи моей дочкѣ... извините, барышня... дочкѣ Вѣрочкѣ, сказалъ батюшка вашъ...

— Довольно, ступай!

— Барышня... Дозвольте только спросить, когда скончался его сіятельство?..

— Ступай! повторила Сара повелительнымъ голосомъ:— ты кажется бредишь!

Митя оторопѣлъ. Глаза его заходили отъ недоумѣнія, съ трудомъ перевелъ онъ дыханіе, и взглянувъ на Сару, какъ испуганный выбрался изъ комнаты.

— Наконецъ... и у меня есть тайна... и я тайна! сказала Сара съ презрительною усмѣшкой.—Въ жилахъ моихъ течетъ княжеская кровь... Я могу теперь съ восторгомъ наслаждаться этою мыслью про себя... но я должна, скрывая ее отъ всѣхъ, скрыть и отъ самой себя, чтобы не нарушить роли бѣдной сироты!.. Но у этой княжеской крови есть свои требованія... есть свои капризы... для нея можетъ быть также нужна пышная обстановка, золото и всѣ земныя драгоцѣнности...

Сара остановилась. Передъ глазами ея какъ будто открылись двѣ пучины: прошедшее и будущее, и она не знала, въ которую изъ нихъ броситъся.

— Чѣмъ же мнѣ быть, хоть для самой себя? тѣмъ ли чѣмъ была до сихъ поръ, или чѣмъ должна быть? облагодѣтельствованною сиротой, или княжескою дочерью, кото-

рая не нуждается ни въ чьихъ благодѣяніяхъ?.. Для чего отецъ бросилъ меня въ этотъ домъ? Что, я родная Марьѣ Ивановнѣ, что она обязалась воспитывать меня наравнѣ съ своими дочерьми, взялась замѣнить мнѣ мать?.. Кто жь эта мать, которую знаетъ только она одна... и скрываетъ отъ меня отца?.. О, да это страшная мысль!.. я, не я, а какое-то привидѣніе: есть и нѣтъ! какое-то страшилище, которое также народилось отъ отца и матери, и котораго они боятся, не знаютъ что̀ съ нимъ дѣлать, и отталкиваютъ другъ къ другу!.. Ни тамъ, ни здѣсь мнѣ нѣтъ доступу къ правамъ дочери!

Сара закрыла лицо руками и долго оставалась въ этомъ положеніи.

— О, да это правда! произнесла она почти въ слухъ,— мой отецъ... это онъ, князь Луцкій!.. онъ былъ ея женихомъ... это ужь не тайна въ домѣ... и вдругъ я являюсь здѣсь дочерью какой-то бѣдной матери!.. Да! правда!.. бѣдная мать, которая не смѣетъ назвать дочери своею дочерью!.. А я, непризнанная... я, какое имѣю право ласкаться къ ней?.. Въ этомъ родительскомъ домѣ, мнѣ все чужое, этого угла я не могу назвать своимъ...

Сара вскочила съ мѣста; но взволнованныя чувства метали ее во всѣ стороны. Она вышла изъ своей комнаты и пробѣгая корридоръ, залу, гостиныя, казалось искала посреди темноты, какого-нибудь для себя пріюта. Въ то же время все въ домѣ засуетилось. Официянты вбѣжали зажигать канделябры; и въ залѣ послышался голосъ старой тетушки.

— Не пріѣхали еще? А гдѣ же Вѣрочка?

Скрыться отъ Авдотьи Петровны было некуда. Сара вышла на встрѣчу ей.

— Что это ты, милая, осталась дома? Балетъ прекрасный, хоть я признаться не охотница до теперешнихъ балетовъ.

— Я также не люблю балетовъ, отвѣчала сухо Сара.

— И умно; за это хвалю тебя. Въ наше время бывали балеты; но эти феи и корифеи не показывались во всей

натуральной своей красотѣ. Есть всему мѣра... тутъ я никакого изящества не вижу...

— А Авдотья Петровна уже здѣсь? послышался голосъ Потапа Савича.—Авдотья Петровна!

— Что, батюшка?.. И ты смотрѣлъ на голую миѳологію?

— Смотрѣлъ, Авдотья Петровна, что жь дѣлать! что̀ показываютъ, на то и смотришь.

— Такъ, такъ, батюшка; тебѣ хоть что покажи, ты на все будешь смотрѣть. А князь-то Иванъ туда же глаза пялитъ, да аплодируетъ. Ужь по мнѣ хоть бы женился да остепенился.

— Въ семьдесятъ-то съ годочкомъ? помилуйте Авдотья Петровна, что еще онъ за женихъ! Время не ушло; а между тѣмъ, нельзя же, молодость, вѣтреность: какъ не увлекаться?

— Да, я знаю, что онъ увлекается, и, несмотря на скупость, очень щедръ въ своихъ увлеченіяхъ.

— Князь Иванъ Юрьичъ, человѣкъ вкуса, цѣнитель всего изящнаго въ природѣ. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

— Неужели?

— Непремѣнно. Онъ узналъ, что Вѣра Михайловна не была въ театрѣ, и потому пріѣдетъ навѣдаться объ ея здоровьѣ.

— Слышишь, Вѣра, какая тебѣ честь? сказала Авдотья Петровна, садясь на диванъ.

Сара, не обращая вниманія на ѐя слова, также сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Ты конечно будешь довольна этимъ?

— Чѣмъ, Авдотья Петровна? спросила Сара.

— Ахъ, мать моя, я вѣдь не арію пѣла, что ты мнѣ кричишь фора. Митя!

Мити не было, онъ лежалъ въ своей комнатѣ, какъ въ ореду.

— Митя! повторила Авдотья Петровна.

— Что̀ прикажете, Авдотья Петровна? спросилъ Потапъ Савичъ.

— Ахъ, мой батюшка, ты не Митя... ну, да ужь если

вызвался, такъ вели подать стаканъ воды... гдѣ жь мой пажъ, Митя?

Сара ничего не отвѣчала.

Автотья Петровна посмотрѣла на нее.

— Насилу пріѣхали! сказала она входящей Марьѣ Ивановнѣ съ дочерьми.

Вслѣдъ за ней явился и Иванъ Артемьичъ и его партнеры; потомъ нѣсколько дамъ почтенныхъ лѣтъ, привыкшихъ оканчивать день счетами за игру; а наконецъ явился и князь Иванъ Юрьичъ. Онъ обратился прямо къ Сарѣ.

— Вы нездоровы, Вѣра Михайловна?.. Я тотчасъ же замѣтилъ, что васъ нѣтъ въ театрѣ...

— Да, я чувствую, по временамъ, что-то въ родѣ тика.

Князь излился въ сожалѣніяхъ.

— Ужасный климатъ, ужасный климатъ! и нѣтъ возможности принять предосторожностей; напримѣръ, во время разъѣздовъ изъ театра, съ баловъ...

— Извините, князь, я удалюсь отъ шуму... каждое рѣзкое слово отдается въ голову...

— Я также не охотникъ до этого говору, изъ котораго ничего не вынесешь кромѣ гриппа.

Князю предложили карточку, но онъ отказался и продолжалъ бесѣду съ Сарой.

— Лонскій былъ у тебя, Маша, въ ложѣ? спросила Авдотья Петровна, отводя Марью Ивановну въ сторону и садясь съ ней.

— Былъ, тетушка.

— Что ты его не приглашаешь на вечера? Хоть онъ и молодъ, а все-таки чай играетъ въ карты. Теперь не то, что въ бывалыя времена. Въ антрактахъ Лидія сыграла бы что-нибудь одна или съ сестрой. Таланты дочерей надо выставлять, моя милая; а иначе для чего было и учить чему-нибудь... Бывало отцы и матери рѣшатъ дѣло и кончено...

— Я намѣрена была пригласить его, прервала торопливо Марья Ивановна,—во избѣжаніе исторіи прошедшихъ временъ; но онъ вошелъ, сказалъ нѣсколько словъ о балетѣ, обратился къ Лидіи... Я стала смотрѣть въ лупу, огляну-

лась—его ужь нѣтъ, и совсѣмъ исчезъ; даже не возвращался въ партеръ на свое мѣсто.

— Какая глупая и неучтивая теперь молодежь!.. Пришелъ, такъ слѣдовало бы просидѣть по крайней мѣрѣ весь антрактъ, если не пригласятъ остаться въ ложѣ. Придти, поклониться и уйдти! Кто жь нуждался въ его поклонѣ!.. Однакоже, онъ замѣтно отличаетъ Лидію. Да и ей, кажется, нравится, если не онъ, такъ его мундиръ. Какъ ты думаешь?

— Мнѣ бы эта партія была по душѣ. Хорошей фамиліи, съ хорошимъ состояніемъ, хорошъ собою...

— На хорошей дорогѣ, и все было бы хорошо, прервала Авдотья Петровна;—онъ пожалуй и влюбится въ Лидію, да она-то, простушка, будетъ вздыхать про себя, да посматривать украдкой; тѣмъ и кончится. Это не то что вонъ эта... эта хоть въ комъ раздуетъ искру въ пожаръ. Смотри пожалуй какъ распоряжается княз Иваномъ: того и гляди что женитъ на себѣ.

— Что̀ жь, я бы очень была рада.

— Ну, тебѣ простительно такъ думать: лишь бы пристроить; а я не люблю такихъ несообразностей. Потапъ Савичъ очень умно замѣтилъ про князя, что ему еще рано жениться; а я скажу про нее, что она еще не доросла до того, чтобы быть княгиней. У меня есть на примѣтѣ женихъ по ней.

— Кто такой, тетушка?

— Послѣ скажу. А теперь надо подумать о Лидіи, да пособить ей. На дняхъ, я устрою музыкальный вечеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попляшутъ. Скажи-ко Лидіи, чтобы поприготовилась сыграть что-нибудь... Говорю тебѣ, что таланты надо выставлять наружу; иногда и грошевыми много выигрываютъ; а у ней очень замѣчательный.

— Она превосходно играетъ новую піесу *Marche triomphale*, и варіаціи *Товарищи гусары*, превосходно! Я велю ей хорошенько посидѣть надъ этими піесами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Умно! Со стороны ея очень откровенно, а со стороны твоей самый деликатный намекъ, что дескать изволите видѣть, какъ мы вами занимаемся, какъ

намъ по сердцу гусары. И въ моемъ-то домѣ будетъ такое торжественное объявленіе! Нѣтъ, мать моя, я въ число большесвѣтскихъ дуръ не намѣрена записываться!.. И для самого-то его хорошъ выборъ! Человѣку и свои-то полковые марши надоѣли, а тутъ его угощаютъ маршами, да товарищами гусарами. Поневолѣ покраснѣешь, да уйдешь!

— Такихъ тонкостей, тетушка, и въ голову никому не придетъ!

— Что и говорить; у васъ теперь вообще ничего въ голову не идетъ. Глаза, уши, языкъ, да и всѣ пять чувствъ превосходныя, а вотъ тутъ—пусто.

Марья Ивановна молчала; но снова въ предупрежденіе сравнительнаго трактата о прошедшемъ и настоящемъ, она обратилась за помощью къ Потапу Савичу, который проходилъ мимо.

— Вы, кажется, были и вчерась въ театрѣ?

— Какъ же, былъ-былъ-былъ, отвѣчалъ Потапъ Савичъ.

— Что̀ играли?

— Что̀ играли?.. Да! вѣдь я пріѣхалъ къ дивертисману: выходъ Французовъ изъ Москвы, или какъ гостей встрѣчаютъ и провожаютъ. И что̀ же! весь choeur de ballet, наряженный въ сарафаны и въ красныя рубахи, съ кочергами, ухватами и вилами въ рукахъ, танцуетъ французскую кадриль!.. Я ахнулъ отъ такой несообразности; но тутъ мнѣ замѣтили, что нельзя же танцовать на сценѣ трепака подъ балалайку, да и фигурантки не захотятъ унизиться до этой степени. Вотъ вамъ и дивертисементъ; а главнаго-то, вступленія Наполеона въ Москву и встрѣчи его, нѣтъ! Главнаго-то и нѣтъ, начала-то, вступленія-то и въ дивертисманъ и въ Москву—и нѣтъ!

— Да какъ же ты представишь это? сказалъ Петръ Андреевичъ, играя въ карты и вслушавшись въ разказъ Потапа Савича.

— Какъ? какъ представить такую великую эпоху?

— Ну, представь представь, мы послушаемъ послушаемъ... вотъ только сосчитаться...

— И мы послушаемъ, сказала одна изъ почтенныхъ дамъ, вставая изъ-за игорнаго стола,—мы также кончили партію.

И все начало окружать Потапа Савича.

— Еслибы самъ Наполеонъ, сказалъ Потапъ Савичъ, — былъ окруженъ такими почтенными особами обоего пола, то безъ сомнѣнія и онъ бы положилъ оружіе предъ вратами Москвы. Но этой чести онъ не удостоился, и обстоятельства приняли слѣдующій оборотъ:

Предетавьте себѣ, милостивые государи и государыни, Наполеона на Поклонной горѣ. Положимъ, это Поклонная гора, я Наполеонъ, вы его свита, Анна Петровна напримѣръ маршалъ Даву, ея сіятельство Катерина Ѳедоровна—Дюкъ-де-Тревизо, ея превосходительство Варвара Сергѣевна—Лессепсъ, и такъ далѣе. Вся прочая почтеннѣйшая публика—великая армія, la grande armée. Вдали Москва. Неполеонъ смотритъ въ трубу... смотритъ долго, изумляется и говоритъ: „Bâtie, comme Rome, sur sept collines, Moscou, avec ses nombreux minarets, offre un aspect des plus pittoresques!“

Анна Петровна, Варвара Сергѣевна, извольте повторять: des plus pittoresques, Votre Majesté!“... Смотритъ еще, смотритъ часъ, смотритъ другой; Сухарева башня выросла уже въ глазахъ его, выше Вавилонской, а между тѣмъ надлежащія побѣдителю — слава и почести не являются, ключей отъ города не несутъ, Московская буржуазія, съ хлѣбомъ и солью, на встрѣчу не выходитъ...

„Скиѳы! въ двадцать четыре столѣтія неизмѣнились! по сію пору здѣсь продолжается древняя исторія! какъ Дарій за VI вѣковъ до христіянской эры, я пришелъ въ необозримыя пустыни, населенныя номадами!“

Такъ восклицаетъ великій полководецъ, и тутъ раждается въ головѣ его великая мысль устроить для Скиѳовъ *отеческое правленіе*—municipalité paternelle ..

— Однако же пора выѣзжать изъ Москвы, сказалъ старый князь Яковъ Ѳедоровичъ, взявшись за шляпу.

— Пора, пора, князь; а то Наполеонъ заберетъ насъ въ плѣнъ и продержитъ до завтра... Прощай, Маша...

Въ слѣдъ за тетушкой Марьи Ивановны и всѣ поднялись.

— Вотъ, извольте у насъ дѣлать толковыя представленія! сказалъ Потапъ Савичъ, взявшись также за шляпу и раскланиваясь.

X.

Домъ Авдотьи Петровны былъ открытъ для всего московскаго міра, ежедневно, съ часу пополудни до часу и даже до двухъ пополуночи. Утро свое проводила она въ комнатѣ подлѣ спальни. Это былъ ея кабинетъ и образная, гдѣ цѣлая стѣна занята была иконостасомъ божьяго милосердія, драгоцѣнными старинными иконами, въ золотыхъ и шитыхъ золотомъ и шелками ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Возставъ отъ сна, она отправлялась въ приходскую церковь къ заутрени, къ ранней обѣднѣ, или садилась читать Евангеліе, псалтырь и славимое въ тотъ день житіе святаго въ прологѣ и Четьи-Минеи. Потомъ кушала чай, дѣлала свои распоряженія и въ заключеніе раскладывала гран-пасьянсъ. Напротивъ нея, подлѣ стола, почти постоянно сидѣли двѣ отцвѣтающія дѣвы, Ѳеклуша и Даша, и вязали или штопали чулки, держа ихъ передъ самымъ носомъ. Это были тѣ самыя двѣ дѣвы, о которыхъ упоминала она Марьѣ Ивановнѣ, и которыя воспитывались у нея на полу съ чулкомъ въ рукахъ. За успѣхи въ возрастѣ и вязаньѣ, онѣ перешли сперва на стулья въ углу комнаты, а наконецъ достигли почета сидѣть у стола напротивъ Авдотьи Петровны.

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ науки, онѣ много связали чулковъ съ узорами для Авдотьи Петровны, и простыхъ для

себя, много надвязали, перештопали; но отъ трудовъ ихъ не оставалось и слѣда, и по собственной ихъ пословицѣ: „вѣкъ живи, вѣкъ вяжи", онѣ продолжали вязать, но вязали уже, не упустивъ петли, наизусть, сидя, ходя, разговаривая и даже дремля. При разговорѣ о ниткахъ прежнихъ временъ и новыхъ временъ, онѣ со вздохомъ упоминали, что паголенки прежнихъ временъ выносили болѣе трехъ надвязокъ, а въ настоящее время, слава тебѣ Господи, если и одинъ разъ удастся надвязать.

Надо однакоже замѣтить, что Авдотья Петровна приспособила ихъ и къ нѣкоторымъ вѣдомствамъ въ домѣ.

Ѳеклуша завѣдывала содержаніемъ картъ и сборомъ денегъ за карты, во время игры, которая происходила ежедневно, съ указнаго часа по указный, столахъ на пяти, шести и болѣе. Касса расходовалась, вопервыхъ, на карты, марки и мѣлки; а вовторыхъ на освѣщеніе, и частію на ливреи оффиціантамъ.

— Изъ собственныхъ доходовъ я не намѣрена потѣшать публику, говорила Авдотья Петровна.—Не намѣрена и дарить карточныя деньги людямъ: сопьются съ ума, собьются съ пути.

Даша завѣдывала чаемъ, кофеемъ и вообще питейною и лакомою частью.

При Авдотьѣ Петровнѣ, онѣ сидѣли молча, въ ожиданіи ея вопроса или приказа; въ отсутствіи же ея, неугомонно ворчали другъ на друга, ворчали до слезъ, до кашля и до насморка, но ворчали только между собой, не довѣряя никому взаимно наносимыхъ огорченій. Когда возвращалась Авдотья Петровна, или кто-нибудь входилъ въ комнату, онѣ жаловались единственно на простуду.

Причиной всѣхъ огорченій были вопервыхъ споры возникавшіе изъ пересказовъ другъ другу всего того что̀ удавалось имъ слышать или подслушать въ гостиной, вовторыхъ—ревность, возгорѣвшаяся изъ соревнованія угощать усатаго Павла Ивановича Четкина, который былъ нерѣдко ихъ собесѣдникомъ.

Онѣ не называли другъ друга по имени, но просто *вы*; потому что называть другъ друга Ѳеклушей или Дашей

слишкомъ было бы просто и обидно; а Ѳеклой Трифоновной и Дарьей Парѳентьевной слишкомъ почтительно.

Формула разговора ихъ была ни дать ни взять неизмѣнно слѣдующая:

— Ну что̀ вы говорите? точно какъ будто у меня у самой ушей не было!

— Что жь, по вашему, я лгу?

— Лгать не лжете, а обслышались.

— Обслышалась! вы вѣрно считаете меня за глухую!

— Съ чего вы это взяли?

— Съ чего! странное дѣло! прямо въ глаза непріятности говорятъ, да потомъ словно дуру увѣряютъ! Я своихъ выдумокъ не выдаю за правду!

— Такъ по вашему я говорю выдумки? Такъ я и вчера выдумала, что княгиня Анна Григорьевна не доплатила двадцати копѣекъ за карты?

— Извините! я не говорила этого на счетъ вашъ, а только поусомнилась: возможное ли дѣло, чтобы княгиня Анна Григорьевна не доплатила двадцати копѣекъ!

— Стало-быть вы увѣрены были, что я положила ихъ себѣ въ карманъ!

— Не правязывайтесь, пожалуста! Мнѣ что за дѣло до вашихъ кармановъ!

— Это все равно, что назвать меня воровкой, очернить въ глазахъ Адотьи Петровны, чтобъ она лишала меня своей довѣренности, чтобы выгнала изъ дому!

— Напрасно! и не думала! не извольте клеветать на меня можете клеветать на кого угодно, хоть на Павла Ивановича, что онъ набиваетъ конфетами карманы!

— Зачѣмъ же ему трудиться? Вы и сами завернете ему въ бумажку...

— Извините, я ему дала только бумажку, а конфеты не я давала, а можетъ-быть вы!.. У васъ есть чѣмъ подчивать его, и чаемъ, и шеколадомъ, и конфетами... Вѣдь это у васъ все на рукахъ; а мнѣ нечѣмъ его подчивать.

— Видите, какія штуки! я дескать прикармливаю его!... А карточки-то? онѣ еще подороже чашки чаю.

— Какія это карточки? играныя-то?

— Игранья-то; небось, скажете, я его снабжаю. Да не безпокойтесь, не женится на васъ.

— Вѣрно на васъ женится! Не даромъ Авдотья Петровна говорила Ивану Ильичу, что за службу его дастъ сыну управительское мѣсто, невѣсту да и все приданое. Кому жь ей давать приданое, какъ не вамъ!

Эти слова и затронули Ѳеклушу, и навели на нее сомнѣніе.

— Передъ вами! сказала она прослезясь:—тутъ трудись какъ хочешь... завѣдывай покупками... хоть разъекономь... а спасибо не скажутъ, только слышишь упреки... то дорого купила, то переплатила!.. А какъ придутъ съ доходами за карты столовъ съ десяти, такъ и „на-ко тебѣ на пряники къ свадьбѣ"...

Слезами спорныя бесѣды и кончались, наставало молчаніе, или воркотня про себя.

Дни за два до музыкальнаго вечера у Авдотьи Петровны, началась въ домѣ суматоха, и Феклуша, и Даша заходили шестерней. Подобныя исключенія изъ общаго хода дѣлъ по части препровожденія времени дѣлались только тогда, когда Авдотья Петровна замышляла какое-нибудь особенное дѣло. Внучки выросли, надо ихъ пристраивать. Не говоря уже объ Иванѣ Артемьевичѣ который думалъ только о своемъ вистѣ да о коллекціяхъ рѣдкостей, Авдотья Петровна не полагалась и на Марью Ивановну. А дѣвочки,—что̀ жь дѣвочки? еще глупы, да и Богъ вѣсть наберутся ли ума въ нынѣшнемъ обществѣ; вѣдь это не то что̀ бывало. На этомъ основаніи Авдотья Петровна рѣшилась сама заняться судьбой внучекъ, и на первый разъ позаботиться, чтобы не упустить изъ рукъ выгодную партію для Лидіи.

Распорядясь всѣмъ что̀ нужно было въ домѣ, что̀ заготовить, что̀ изготовить, она, въ утро, наканунѣ музыкальнаго вечера, раскладывая пасьянсъ, обдумывала, какъ всему быть. Ей доложили, что пріѣхалъ Иванъ Ильичъ Четкинъ.

— И кстати; зови его.

Надо сказать, что Иванъ Ильичъ ходилъ и по ея тяжебнымъ дѣламъ, и ходилъ съ успѣхомъ. Вмѣсто всѣхъ вознагражденій, онъ просилъ ее о мѣстечкѣ сыну. Казалось,

бы, что̀ это за вознагражденіе, что за важность—мѣстечко сыну. Но Ивану Ильичу очень важно было сократить свой расходъ на тысячу рублей въ годъ. Авдотья Петровна, какъ основательный человѣкъ, велѣла ему привезти сына къ себѣ на показъ.—Человѣкъ не лошадь, батюшка, говорила она ему, а все-таки не мѣшаетъ въ зубы посмотрѣть. Иной съ норовомъ, иной съ лѣнью, а иного хоть на живодерню.

Иванъ Ильичъ и представилъ ей сына.

— Бравый молодецъ. Военный?

— Въ отставкѣ поручикомъ-съ.

— Садись-ко, садись; да позволь узнать имя?

— Павелъ Иванычъ.

— Что Иванычъ-то, я бы сама догадалась. Ну, экзаменовать мнѣ тебя не въ чемъ; а спрошу: въ карты играешь?

— По маленькой-съ, иногда играю.

— Эту науку онъ прошелъ хорошо, да и дома частенько повторяетъ, прибавилъ Иванъ Ильичъ.

— Что жь, и это наука. Умно играть, можно жить. Конечно, молодому человѣку можно и подѣльнѣе чѣмъ заняться. Да вотъ, посмотримъ. А между тѣмъ ты пожалуй ко мнѣ.

До открытія вакансіи какого-нибудь мѣстечка, Авдотья Петровна прикомандировала сына Ивана Ильича къ себѣ на вечера. Ей необходимъ былъ подставной по маленькой, въ случаѣ недостатка въ партнерѣ, для игры съ старушками или съ барынями, которыхъ также необходимо было иногда занять работой.

Эти случаи были часты и довольно выгодны для Четкина; потому что, при проигрышѣ, Авдотья Петровна не допускала его расплачиваться: „Позволь, батюшка, позволь; вѣдь я тебя за себя посадила.“ Какъ дежурный, въ ожиданіи порученія, онъ могъ прогуливаться по комнатамъ, играть съ фиделькой и мимишкой, садиться подлѣ какого угодно стола зрителемъ, и ахать вмѣстѣ съ играющими на какую-нибудь чрезвычайную игру или неожиданную взятку. Вскорѣ однакоже Четкинъ попривыкъ въ домѣ, ознакомился съ дѣвицами Ѳеклой Трифоновной и Дарьей Парфентьевной, и съ этого времени проводилъ свободные отъ занятій часы въ пріятной бесѣдѣ съ ними.

Онѣ угощали его и лишнею чашечкой чайку, съ сухариками, и оставшимися фруктами, и вареньицемъ и мороженымъ, и разною водицей, и всегда спрашивали не хочетъ ли онъ до ужина выпить сладенькой и закусить пирожкомъ, оставшимся отъ обѣда. Это подчиванье съ двухъ сторонъ, на перебой, разстроило бы непремѣнно желудокъ Павла Ивановича, еслибы соревнованіе Ѳеклуши и Даши, какъ уже было упомянуто, не обратилось въ ревность. Все дѣло вышло изъ-за чашки чаю. Выпивъ за себя четыре чашки, по просьбѣ Ѳеклуши онъ выпилъ за нее насильно пятую; но никакъ уже не могъ пить шестой, которую ему предложила Даша. Обида!

— Что жь это вы насильно подчуете его! сказала Ѳеклуша.

— А съ какой же стати вы-то его подчуете? Вы, что ли, угощаете чаемъ? Да и всѣ угощенья—моя, а не ваша забота.

— А вы-то съ чего угощаете чужимъ добромъ!

Далѣе и далѣе, и разгорѣлось.

Когда Марья Ивановна давала парадный балъ, передъ вывозомъ дочерей въ свѣтъ, Авдотья Петровна предложила ей пригласить Четкина на случай необходимости въ партнерѣ или въ кавалерѣ. Этимъ кавалеромъ и воспользовалась, какъ мы уже видѣли, Сара, и продолжала пользоваться, нисколько не воображая, что у Четкина, при огромныхъ усахъ, было и самолюбіе сверхъ таксы.

Сперва онъ сталъ охорашиваться въ зеркало, про себя; потомъ, покручивая усы, намекать матери, что передъ нимъ преклоняются сердца перваго сорта. Она тотчасъ же потянула его къ допросу, и довела до сознанія.

— Воспитанница? Ну, это еще не важное дѣло; я думала что-нибудь получше.

— А что жь вы думаете, мама, объ этой воспитанницѣ? сказалъ затронутый Павелъ Ивановичъ.—Вы думаете, что я такъ и польщусь на какую нибудь? Да вы посмотрѣли бы, что за красавица, да какъ передъ ней все ползаетъ. Первая красавица по всей Москвѣ. А вы думали, что это такъ себѣ, бѣдная сиротка?

— Кто жь она такая? а?.. да ну, говори, Паша!

— Не могу-съ; это покуда тайна-съ.

— Да говори, Паша! что ты скрываешь отъ матери!

— Не могу-съ!

— Даю тебѣ слово, побожусь, что никому не скажу!

Павелъ Ивановичъ погладилъ усы, расчесалъ хохлы пятью пальцами, и сказалъ за тайну, что воспитанница Лиговскихъ, дочь князя Ивана Юрьевича, наслѣдница его; а скрываютъ это потому, что родныя заведутъ тяжбу.

— Аа! вотъ теперь понимаю. Ай Паша! пай-дитя!

И мама поцѣловала сына въ голову и погладила.

— Только я думаю, прибавила она,—что надо этимъ дѣломъ торопить; того и гляди узнаютъ да отобьютъ.

— Насчетъ ее я не боюсь; а думаю, какъ бы приступить къ дѣлу.

— Ахъ ты фалелей! Отца на ноги, да и просить Авдотью Петровну. Не худо и самому тебѣ объяснить ей, что вотъ такъ и такъ, дѣвушка не равнодушна...

— Нѣтъ, пусть батюшка поговоритъ. Мнѣ какъ-то совѣстно самому.

Итакъ дѣло было рѣшено, тайна открыта отцу. Онъ хотѣлъ было пожать плечами; но не успѣлъ. На него натянули фракъ, дали въ руки шляпу, и отправили къ Авдотьѣ Петровнѣ.

Вотъ онъ и прибылъ къ Авдотьѣ Петровнѣ, и какъ уже мы сказали, она велѣла его звать.

— Садись-ко, Иванъ Ильичъ.

Иванъ Ильичъ поцѣловалъ ея ручку и присѣлъ.

— Кстати ты прiѣхалъ. Вотъ что, батюшка: у меня есть невѣста для твоего сына. Дѣвушка воспитанная, очень умная. Я принимаю въ ней участiе, стало-быть жениться на ней хоть и не твоему сыну. Но за твои мнѣ услуги, я бы хотѣла, чтобъ это состоялось. Приданое можетъ-быть есть, а можетъ-быть нѣтъ; но во всякомъ случаѣ она не совсѣмъ будетъ безприданница. Какъ только введутъ меня въ имѣнье, о которомъ ты хлопоталъ, такъ я даю ей изъ него деревню Кулиши, сорокъ душъ, а сынъ твой поступаетъ въ управляющiе всѣмъ имѣнiемъ съ окладомъ въ тысячу рублей и на всемъ моемъ содержанiи. Хорошо ли это?

Иванъ Ильичъ всталъ и низко поклонился.

— Авдотья Петровна, сказалъ онъ,—это истинно было

бы благодѣяніе и для меня и для сына... Да вѣдь дуракъ-то мой, того и гляди въ лѣсъ уйдетъ...

— Что такое, батюшка?

— Я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами... Не спросясь броду, онъ полѣзъ въ воду. Влюбился, да говоритъ, что и со стороны дѣвушки видитъ къ себѣ особенное вниманіе... А я, право не знаю, какъ и вѣрить тому, да и возможное ли это дѣло...

— Да говори, договаривай, Иванъ Ильичъ: въ воду онъ полѣзъ, или не въ свои хоромы?

— То-то и кажется мнѣ...

— Ну?

— Вамъ извѣстно, что̀ у ея превосходительства Марьи Ивановны дочка есть...

— Двѣ, батюшка; ну, что еще?

— Такъ вотъ его желаніе.

— Желаніе жениться на моей внучкѣ? перекрестись, батюшка!

— Помилуйте, Авдотья Петровна, смѣлъ ли бы я съ такимъ предложеніемъ явиться къ вамъ!

— Да съ какимъ же ты пришелъ предложеніемъ? Вѣдь ты, отецъ мой, говоришь про дочь моей племянницы.

— Никакъ нѣтъ, Авдотья Петровна, я имѣлъ въ предметѣ воспитанницу Марьи Ивановны...

— Это другое дѣло; такъ бы и говорилъ; ха, ха, ха, ха! ну, сошлись съ разныхъ сторонъ сваты, да съ одной и той же пѣснію. Смѣшное дѣло!

— Я зналъ, Авдотья Петровна, что это будетъ смѣшное дѣло.

— Ничего, я не въ претензіи, что сынъ твой самъ присватался; тѣмъ еще лучше. Что̀ я сказала, то исполню. Скажи ему, что я его и сваха, и буду посаженою матерью, а завтра пусть пріѣзжаетъ ко мнѣ на вечеръ. Предметъ любви его будетъ здѣсь. Медлить незачѣмъ, пусть объявитъ ей свое желаніе, а за согласіемъ моей племянницы дѣло не станетъ; завтра же, пожалуй, и объявимъ жениха и невѣсту.

— Авдотья Петровна! проговорилъ неожиданно обрадованный Иванъ Ильичъ, цѣлуя ея руку.

— А презабавный случай! сказала про себя Авдотья Петровна, когда вышелъ Иванъ Ильичъ. — Скажите пожалуста! да она умница! точно какъ отгадала мою мысль и успѣла уже накинуть арканъ на усатаго молодца!.. право умница! Не таращится и не карабкается куда не слѣдуетъ. А я было согрѣшила, подумала... Князь Ивана долго ли опутать... пожалуй и Маша помогла бы... А правду говоря, глупъ и не по ней этотъ усатый Четкинъ!.. Что мазнула ему хвостомъ по губамъ, это можетъ быть; а чтобы добровольно протянула къ нему мордочку... нѣтъ! этотъ звѣрокъ не такъ глядитъ! развѣ только одно: воли скорѣй захотѣла.

Продолжая раскладывать пасьянсъ, Авдотья Петровна позвонила и крикнула:—Дѣвушка! кто тутъ есть?.. Поди, матушка, скажи Ѳедькѣ, чтобы сѣлъ верхомъ, да ѣхалъ къ Марьѣ Ивановнѣ и просилъ ее заѣхать сегодня ко мнѣ.

Только что вышла дѣвушка, вошелъ человѣкъ съ докладомъ, что пріѣхала Варвара Сергѣевна.

— Ну, не время, да проси; пусть покуда что-нибудь поболтаетъ. Проси сюда, я въ гостиную не выйду.

Варвара Сергѣевна была пожилыхъ лѣтъ дама, важной осанки; но очень худощавая собой, и видимо питавшаяся только новостями и пересудами.

— Заѣхала на минутку навѣдаться, сказала она входя и садясь.—Что, какъ вы, Авдотья Петровна?

— Да вотъ, какъ видишь.

— На дворѣ кажется не холодно, а ужасно какой холодный вѣтеръ.

— Спасибо ему, что занесъ тебя ко мнѣ. Что́ скажешь?

— Пріѣхалъ говорятъ Листъ, будетъ концерты давать; какъ это интересно!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. У васъ новый рояль въ залѣ. Не намѣрены ли вы пригласить его на вечеръ?

— Нѣтъ, это для внучекъ.

Послѣ долгихъ прелюдій, Варвара Сергѣевна подъѣхала наконецъ къ музыкальному вечеру.

— Да, будетъ покуда пробный. Нельзя же приглашать слушать Лидію, не испытавши въ состояніи ли она угощать своею игрой.

— Помилуйте, да она виртуозъ, кто жь не послушаетъ ея съ удовольствіемъ!

— На первый разъ я никого не приглашаю, кромѣ участвующихъ въ игрѣ. Завтра можно сказать будутъ сыгрываться; а потомъ мы посмотримъ.

— Ахъ, да репетиція по мнѣ любопытнѣе; на репетиціи нѣтъ конфуза!

— Ужь въ такомъ случаѣ, матушка, лучше приглашать всѣхъ на репетицію.

Варвара Сергѣевна промолчала, скрывая досаду. Начала было собираться, встала; но какъ будто вспомнивъ что-то, снова присѣла.

— Да! Дошли до васъ, Авдотья Петровна, нелѣпые-то слухи на счетъ воспитанницы Марьи Ивановны?

— Какіе еще, мать моя?

— Представьте себѣ....

Варвара Сергѣевна подошла къ Авдотьѣ Петровнѣ и что-то прошептала ей на ухо.

— Что̀-жь, и прекрасно придумано, сказала Авдотья Петровна;—это богатые слухи: скорѣе выйдетъ замужъ... Мало ли дураковъ, которые принимаютъ и слухи за чистыя деньги.

— Но такой вещи ужь конечно никто не повѣритъ.

— Полно, мать моя, вѣрятъ да еще какъ; въ газетахъ напечатаютъ, радехоньки, что есть что̀ разнести по городу, да покачать головою.

— Я этого терпѣть не могу.

— Про тебя кто и говоритъ. Спасибо хоть мнѣ сказала.

— Прощайте, Авдотья Петровна.

— Прощай, Варвара Сергѣевна!

Авдотья Петровна снова начала раскладывать пасьянсъ и разсуждать сама съ собою.

— Пожаловала князь Ивана въ отцы Вѣрушкѣ!... А въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра въ домѣ у Маши, князь Иванъ какъ на дежурствѣ. Восхищается ею, глазъ съ

нея не сводитъ... Еслибъ я не знала Маши, чего добраго, тоже готова была бы повѣрить. Поди, дѣлай благодѣянія; а потомъ и тягайся за свое добро... Чу, кажется Маша, пріѣхала... Ея голосъ... Сыграю же я съ ней комедію.

— Здравствуйте, тетушка! вы хотѣли меня видѣть?

Авдотья Петровна продолжала молча раскладывать пасьянсъ.

— Здравствуйте, тетушка, повторила Марья Ивановна, подходя къ ней.—Что̀ это значитъ? вы сердитесь на меня?

— Я? на тебя? ты съ чего жь взяла это, милая?..

— Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ показалось.

— Когда я вижу, что ко мнѣ нѣтъ довѣренности; если я слышу со стороны то, что̀ должна бы знать прежде всѣхъ,—разумѣется для меня подобныя новости непріятны; а чтобы сердиться? не сто́итъ!

— Что̀ такое, тетушка? какія новости? спросила Марья Ивановна съ изумленіемъ и пожавъ плечами.

— Тебѣ я думаю лучше извѣстно что̀ ты отъ меня скрывала и скрываешь.

— Я, скрывала и скрываю?

— Да.

— Скажите, тетушка... я не понимаю.

— Я говорю, моя милая, насчетъ княжны Вѣры Михайловны.

Эти неожиданныя слова поразили Марью Ивановну, она смутилась и поблѣднѣла.

Авдотья Петровна, взглянувъ на нее, столь же неожиданно поражена была ея смущеніемъ, и разыгрываемая комедія обратилась въ драму.

— Да, Маша... я не думала... я не ожидала этого отъ тебя!.. дѣлать безъ совѣта моего; потомъ выдумывать сказки, дурачить меня!.. Нѣтъ, это ужь слишкомъ, и для моихъ лѣтъ и для моей любви къ тебѣ!

— Тетушка! проговорила Марья Ивановна дрожащимъ голосомъ.

— Что̀ тебѣ угодно, моя милая? Садись, ты упадешь.

— Тетушка, не вините меня... я не могла поступить

иначе... Вы знаете, что я шагу не дѣлала безъ вашего согласія... и совѣта...

— Вижу, вижу, моя милая, вижу!

— Повторяю вамъ, что я не могла, не имѣла права объявить вамъ этой тайны насчетъ Вѣры...

— Не могла, моя милая! Не могла, ну и кончено!

— Луцкій умолялъ меня именемъ Бога, не говорить никому, потому что...

— Что-о? князь Луцкій? онъ умолялъ тебя? произнесла съ новымъ изумленіемъ Авдотья Петровна, положивъ колоду картъ на столъ.

— Да, тетушка, отвѣчала вся взволнованная Марья Ивановна.—Поймите же меня, что я не могла...

— Понимаю, понимаю, теперь понимаю!.. Подобныя вещи, кто жь не таитъ! Такъ вотъ какія сношенія были у тебя съ Луцкимъ? поздравляю!

— Что̀ вы хотите этимъ сказать, тетушка? произнесла съ достоинствомъ Марья Ивановна: — на меня не могутъ падать никакія подозрѣнія!.. Я никогда не преступала своихъ обязанностей... Тайна Луцкаго не моя тайна!.. Исполняя просьбу его, я думала что̀ дѣлаю добро, и не предвидѣла тѣхъ неудовольствій, которыхъ причиной стала дочь его.

Авдотья Петровна поняла искренность чувствъ и словъ племянницы.

— Маша, душая моя, разкажи же мнѣ скорѣй какъ все было, успокой меня!... Ты знаешь какъ я тебя люблю!..

— Тетушка, сказала Марья Ивановна, обнимая ее,—я вамъ разкажу все. Неожиданно и непредвидимо упала на меня эта бѣда... Но, согласитесь, что сохраняя несчастную память о Луцкомъ, могла ли я отказать ему въ просьбѣ взять на воспитаніе дочь его.

— Да откуда жь онъ взялся, Маша, откуда у него дочь?

— Ничего не знаю, отвѣчала Марья Ивановна, разказавъ неожиданное свиданіе съ Луцкимъ.—Онъ просилъ меня замѣнить Вѣрѣ умершую ея мать, и утаить отъ всѣхъ, что она его дочь, покуда ему возможно будетъ признать ее дочерью. Вотъ все что̀ онъ мнѣ довѣрилъ.

— Откуда же онъ пріѣзжалъ сюда?

— Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ имѣніе къ отцу и матери. И съ того времени я не имѣла никакихъ ни отъ него, ни о немъ извѣстій.

— Странное дѣло! Князь Василій Григорьичъ съ княгиней живутъ гдѣ-то въ дальнемъ имѣніи, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ князя Михайлу то увезли. Это ихъ совершенно убило... Такъ онъ стало-быть воротился къ нимъ, голубчикъ мой,—слава Богу! говорятъ, бѣдный, самъ себя какъ-то запуталъ; а душой невиненъ. Что жь будешь дѣлать-то! молодость!... Помню я, и ты за него настрадалась... Обойми меня, Маша, да успокойся.

Послѣ долгаго задумчиваго молчанія, Марья Ивановна, какъ будто очнувшись, спросила тетку съ недоумѣніемъ, откуда жь она узнала объ этой тайнѣ?

— Это также стоитъ поясненій, сказала Авдотья Петровна.—Вотъ, моя милая, примѣръ тебѣ, какъ открываются тайны. У меня и въ помышленіи не былъ князь Луцкій.

Авдотья Петровна разказала сообщенные ей слухи Варварой Сергѣевной, и какъ она начала съ шутки, а попала на дѣло.

— Слава Богу, тетушка, что это остается между нами! сказала Марья Ивановна, всплеснувъ руками.

— Еще бы; но Вѣрушка въ глазахъ моихъ ужь не то, что была прежде. Вѣдь она княжна, имѣетъ отца; а не какая-нибудь круглая сирота, для которой я и жениха пріискала.

— Вы что-то мнѣ намекали объ этомъ, тетушка?

— Да; усатаго-то Четкина. Представь себѣ, онъ ужь и отца подослалъ ко мнѣ, сватать его на Вѣрушкѣ. Говоритъ, дурачина, что она сама подала ему надежду на взаимность и согласіе. Какъ ты думаешь!

— Признаюсь вамъ, я бы рада была, чтобъ она вышла замужъ. Въ послѣднее время въ ней какая-то непонятная перемѣна; такъ дико на всѣхъ смотритъ, такъ рѣзко отвѣчаетъ... Какая-то гордость и презрѣніе ко всему...

— Кровь, матушка, только не съ отцовской стороны, а вѣрно въ мать. Наружность ея какъ будто азіятская. Помнится мнѣ, говорили, что будто онъ на Кавказѣ былъ.

— Князь отдалъ ее въ полное мое распоряженіе, и даже просилъ устроить ея будущность. А потому, лишь бы только былъ хорошій человѣкъ, и сама она была согласна выйдти за него...

— Хорошій человѣкъ! возразила Авдотья Петровна.— Каковъ и хорошій человѣкъ: или ужь будь онъ умный, честный, дѣльный, или блаженный; а дуракъ съ фанаберіей, матушка, можетъ ли быть хорошимъ человѣкомъ? Вообразилъ, что она его любитъ!

— А можетъ быть это и правда?

— Ну, какъ знаешь. Впрочемъ, я тебѣ вотъ что скажу; я бы скорѣе дала ей въ мужья стараго князя Ивана. Человѣкъ хорошій и по уму и по сердцу; одинъ только порокъ: старъ для нея; а смотри, женится, помолодѣетъ. Да покуда довольно объ этомъ. Завтра у меня будетъ тетка Лонскаго.

— Неужели?

— Мы были когда-то знакомы съ ней, въ молодости еще; а теперь я сошлась съ ней снова. Она полудурья, да сидитъ въ золотѣ по горло. Вѣдь Лонскій по ней богатъ, а не по отцу и матери. Отецъ прокуферилъ свое, да и материнское заложено и перезаложено. Это ужь я знаю: Вотъ, теперь племянничекъ-то и ластится около нея. Для этого и живетъ здѣсь при разстроенной здоровьемъ тетушкѣ. Скоро и мать его сюда пожалуетъ. Такъ вотъ что: у этой тетки они въ полномъ распоряженіи; что она захочетъ, то и будетъ. Я тебя, Маша, познакомлю съ ней, а ты представь своихъ дочерей, да полюбезничай. Молодые люди пусть себѣ любовь учреждаютъ, а мы учредимъ совѣтъ; такъ оно и хорошо будетъ. А ужь далѣе, что Богу угодно.

Марья Ивановна задумалась.

— Кто-то пріѣхалъ, я слышу. Ну, ты къ своимъ дѣламъ, а я къ своимъ. Мнѣ пора пріодѣться.

Марья Ивановна простилась съ теткой, а Авдотья Петровна пошла въ уборную.

XI.

Сборы нѣкоторыхъ лицъ на музыкальный вечеръ къ Авдотьѣ Петровнѣ, сопровождались тревожною заботою, не только о прикрасахъ наружности, но и о внутреннемъ настроеніи духа, который можетъ перепортить самую изящную наружность, и поднять плохую.

Князь Иванъ Юрьевичъ, напримѣръ, часовъ съ семи засѣлъ передъ своимъ туалетнымъ столомъ. Парикмахеръ наклеивалъ ему, на обнажившееся отъ времени темя, накладку, подкрашивалъ остальные волосы, завивалъ ихъ и помадилъ. Князь Иванъ Юрьевичъ, всегда безпечный о себѣ, какъ будто собирался на экстренный вечеръ и вспомнилъ о себѣ.

Поутру онъ заѣхалъ къ Лиговскимъ, побесѣдовалъ съ Иваномъ Артемьевичемъ о коллекціи египетскихъ мумій; потомъ проходя отъ него на половину Марьи Ивановны, заглянулъ въ китайскую комнату и нашелъ тамъ Сару съ новымъ кипсекомъ въ рукахъ. Сперва вопросъ о здоровьѣ, потомъ, о музыкальномъ вечерѣ. Сара объявила ему, что она не намѣрена ѣхать.

— Отчего же? Вѣра Михайловна!

— Такъ; я буду тамъ совершенно лишняя не принимая участія; при томъ же я сто разъ слышала піесы, которыя будетъ играть Лидія.

— Но вы лишаете другихъ удовольствія васъ видѣть, бесѣдовать съ вами. Голосъ души для меня лучшая музыка... до обыкновенной я самъ не охотникъ... Нѣтъ! поѣзжайте, прошу, умоляю васъ!

Сара согласилась, князь былъ въ восторгѣ.

Между тѣмъ въ домѣ незнакомой еще намъ тетки Лонскаго, которую Авдотья Петровна называла полудурьей, также происходили сборы. Эта барыня, старая дѣва, обыкновенно жила въ своемъ помѣстьѣ, пріѣхала въ Москву только полѣчиться, и по этому случаю выписала изъ Петербурга любимаго своего племянника, которому щедро давала деньги на содержаніе себя въ гвардіи и предназначала наслѣдіе всего своего богатства. Это была женщина, у которой, по простонародному выраженію, если что̀ втемяшится въ голову, клиномъ не выбьешь. Съ умѣньемъ, ее можно было наводить на какую угодно цѣль; но не совѣтами, и не собственнымъ разумнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ ясно и дѣльно. Ее можно было заряжать своею мыслію только съ тылу, чтобъ она была увѣрена, что это собственная ея мысль, зародившаяся въ казенной части головы.

Лонскій очень хорошо зналъ эту особенность конструкціи умственныхъ ея органовъ, и имѣлъ на нее большое вліяніе.

Возвратясь съ балу, и обязанный немедленно же сообщать ей, что, гдѣ и какъ было, онъ высказалъ ей и восторги свои на счетъ Сары.

— Чудо что за дѣвушка! восклицалъ онъ:—такъ все во мнѣ и перевернула!... Какая ловкость, легкость, изящество въ каждомъ движеніи! Сколько достоинства, ума—совершенно въ вашемъ вкусѣ, ma tante!

— Желала бы взглянуть. Кто жь она такая? Лиговская?

— Я сначала думалъ, что она дочь Марьи Ивановны Лиговской; но потомъ узналъ, что она воспитывается у нея вмѣстѣ съ ея дочерьми; какая то, говорятъ, близкая родственница.

— Желала бы взглянуть; на балъ я не поѣду; а еслибы такъ познакомиться, да гдѣ-нибудь на вечерѣ посмотрѣть, какъ ты танцуешь мазурку, Алеша. Всѣ говорятъ, что ты удивительно танцуешь.

— Порядочно, ma tante; но это зависитъ много отъ дамы; я бы желалъ, чтобы вы видѣли, какъ я танцую съ ней!

Представьте себѣ, все что только было на балѣ, стояло вокругъ насъ и смотрѣло.

Только сильное желаніе видѣть, какъ танцуетъ племянникъ мазурку, заставило болѣзненную тетушку согласиться пріѣхать на музыкальный вечеръ къ Авдотьѣ Петровнѣ.

— Музыку, Авдотья Петровна, не могу я слышать: на нервы ужасно дѣйствуетъ; а вотъ, такъ какъ у васъ и потанцуютъ кстати, такъ хоть больна, а пріѣду. Ужасно какъ хочется взглянуть, какъ мой гусаръ-то мазурку танцуетъ.

— Ахъ, Любовь Өедоровна, что̀ за красавецъ и молодецъ онъ! У моей племянницы на балу, просто всѣ заглядѣлись на него. Я непремѣнно устрою танцы.

— Ѣду особенно и для того чтобъ познакомиться съ вашею племянницей и ея семействомъ. Мнѣ это особенно будетъ пріятно.

Сбираясь къ Авдотьѣ Петровнѣ на вечеръ, Любовь Өедоровна охала. Когда вошелъ къ ней Лонскій, совершенно готовый, она полюбовалась имъ.

— Только для тебя и ѣду, Алеша, сказала она,—нервы ужасно какъ разстроены. Очень рада, что познакомлюсь съ Лиговской; а ты непремѣнно протанцуй мнѣ мазурку съ предметомъ своихъ восторговъ.

— Нѣтъ, ma tante; боюсь восторгаться этимъ предметомъ. Эта дѣвушка бальныхъ любезностей не любитъ.

— Вотъ это мнѣ больше всего нравится; я вертушекъ не люблю.

— Вамъ она понравится, я знаю; но что̀ изъ этого.

— Какъ что изъ этого, милый? спросила вдругъ Любовь Өедоровна, пріосанясь.—А то изъ этого, что если мнѣ понравится дѣвушка, такъ я предложу тебѣ влюбиться въ нее. Я хочу, чтобы ты на глазахъ моихъ и влюбился, и женился.

— Я и готовъ исполнить вашу волю, ma tante; но если вамъ понравится и образованная дѣвушка, и со всѣми достоинствами, да безъ необходимыхъ для свѣта привилегій...

— Жена, мой милый, получаетъ всѣ привилегіи отъ мужа; а если бѣдна, такъ у меня есть про нее богатое приданое.

Лонскій вздохнулъ.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ, ma tante; я цѣню умъ и достоинства, а не наружную обстановку ихъ, сказалъ онъ, выходя отъ тетки въ свои комнаты, чтобы взять свою медвѣжью шапку.

„Теперь я могу дѣйствовать рѣшительно, прибавилъ онъ самъ про себя,—и исправлять надѣланныя глупости. Вообразить въ ней кокетство, и дѣйствовать на нее тѣмъ же орудіемъ! Не понять, что съ перваго же разу, на порывъ ея сердца могли прикрикнуть: цыцъ! и это бѣдное сердце обязано было смолкнуть, сжаться, окаменѣть! Не высказалась ли она, когда всѣ обратили на насъ вниманіе? И вдругъ не танцуетъ со мной, избѣгаетъ меня!.. Теперь, короткій вопросъ, короткій отвѣтъ!... Ея воли связать никто не можетъ!... Скоро ли тетушка кончитъ свой туалетъ!...“

Лонскій бросился на диванъ, закинулъ руки на голову и отъ нетерпѣнія началъ зѣвать.

Сборы Павла Ивановича Четкина были, напротивъ, услаждены пріятными чувствами сбывающихся надеждъ.

Когда Иванъ Ильичъ, возвратясь отъ Авдотьи Петровны, объявилъ ея рѣшеніе:—ну, вотъ, что̀ взялъ, чья правда? крикнула супруга его.—Теперь будешь мнѣ вѣрить, что Паша не баклуши билъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Пожалуйте, батюшка, мнѣ денегъ, почти прикрикнулъ и сынъ, расправляя усы передъ зеркаломъ, — мнѣ нужно купить часы-съ да золотую цѣпочку. Помилуйте, безъ часовъ страмъ-съ. На балу, Вѣра Михайловна спросила меня который часъ; а я, какъ дуракъ, посмотрѣлъ въ кулакъ, да говорю: извините-съ, мои стоятъ, забылъ завести-съ.

— Что̀ же ты морщишься? дай ему денегъ; вѣдь, нельзя же въ самомъ дѣлѣ жениху безъ часовъ. Къ невѣстѣ не поѣдешь съ одною бронзовою цѣпочкой, вмѣсто часовъ!

— При томъ же мнѣ необходимо купить шапо-клакъ, нельзя же ѣхать въ шляпѣ; съ ней не знаешь куда дѣваться; подъ мышку не спрячешь, держи передъ собой какъ горшокъ.

Иванъ Ильичъ ошеломѣлъ отъ требованій. Жена допол-

нила, что надо непремѣнно купить шитыхъ манишекъ въ магазинѣ.

— Господи, ничего-то еще нѣтъ; а я все подай, да подай! да гдѣ жь я возьму? проговорилъ плачевнымъ голосомъ Иванъ Ильичъ.

— Воротитъ, воротитъ, не безпокойся!

— Какъ только получу приданое, тотчасъ же отдамъ, батюшка!

— Какое приданое? Тряпки-то?

— Какъ-съ?

— А какъ ты думаешь? Авдотья Петровна нешто не объявила мнѣ, что въ приданое будетъ тебѣ мѣсто управляющаго, да потомъ что сама дастъ.

— Не можетъ-быть, чтобъ изъ такого дому выдали дѣвушку безъ приданаго! возразила супруга Ивана Ильича.— Это только скрываютъ... а отецъ-то князь?

— Что ты бредишь, сударыня моя! сказалъ Иванъ Ильичъ:—какъ будто я не знаю, что она просто сирота, взята на воспитаніе?

— Не можетъ быть просто! возразилъ сынъ.

Иванъ Ильичъ махнулъ рукой и ушелъ.

На другой день, передъ вечеромъ, Павелъ Ивановичъ также сидѣлъ передъ зеркаломъ. Сама мать завивала его. Трудилась, трудилась, а кончила тѣмъ, что онъ, взглянувъ на себя, вскричалъ:—нѣтъ-съ, матушка, ужь я говорилъ: гдѣ вамъ! надо послать за парикмахеромъ... не возможно съ!

Затронутое самолюбіе матери вспылило было; но унялось, вспомнивъ, что въ торжественную минуту отпуска сына къ невѣстѣ сердиться не должно.

Парикмахеръ явился, завилъ, припомадилъ, причесалъ; Павелъ Ивановичъ одѣлся, снарядился, охорошился въ зеркалѣ и отправился въ семь часовъ, въ обычное время пріема у Авдотьи Петровны.

Къ удивленію его, домъ только что начинали освѣщать. Во внутреннія комнаты, гдѣ Павелъ Ивановичъ привыкъ къ угощеніямъ Ѳеклуши и Даши, идти было нельзя; а потому онъ, какъ всякій попавшій куда-нибудь спозаранку, то прогуливался по залѣ, то садился на стулъ.

Положеніе непріятное; пустота, скука, тишина какъ передъ бурей, Фиделька и Мимишка не выбѣгаютъ; только лакеи изрѣдка, проходомъ своимъ и шепотомъ, нарушаютъ безмолвіе.

— Какая досада! повторялъ имъ по очереди Павелъ Ивановичъ:—я думалъ что пріемъ будетъ въ обыкновенный часъ.

— Какъ можно, кто жь пріѣзжаетъ на бальный вечеръ въ семь часовъ? Развѣ что въ девять начнется пріѣздъ, отвѣчали они ему, также поочереди.

Однакоже, около восьми часовъ, кто то пріѣхалъ.

Четкинъ встрепенулся, увидя входившую Марью Ивановну съ дочерьми и Сарой. Онѣ отвѣчали ему на поклонъ и прошли во внутренніе покои.

— Кто это такой? кажется знакомое лицо? спросила тихо Марья Ивановна, обращаясь преимущественно къ Сарѣ.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Да, это Четкинъ, сказала Сонечка,—ты съ нимъ нѣсколько разъ танцовала, Вѣрочка.

— Можетъ-быть.

— Надо бы попросить его въ гостиную и занять, замѣтила Марья Ивановна.

Никто однакоже не вызвался занимать ранняго гостя, и Четкинъ продолжалъ ходить по залѣ, но уже тревожно покручивая усы и ища въ себѣ ораторскаго вдохновенія. Тутъ только вспомнилъ онъ, что ему предстоитъ объясненіе съ Вѣрой Михайловной, и что безъ краснорѣчиваго вступленія невозможно обойдтись. Павелъ Ивановичъ занимался одно время письменностію полковой канцеляріи, и форма приступа, изложенія дѣла и заключенія ему были извѣстны; но нельзя же было просто сказать: „такъ какъ я имѣю намѣреніе жениться на васъ, то не благоугодно ли будетъ вручить мнѣ руку и сердце.“ Это предложеніе необходимо было распространить по крайней мѣрѣ въ хрію; но всѣ способы распространенія давно уже вышли изъ его головы.

„Такъ какъ счастіе судьбы моей... — началъ онъ твер-

дить про себя;—такъ какъ пользуясь вниманіемъ вашимъ.... такъ какъ рѣшеніе участи.... такъ какъ почувствовавъ чувство любви.... я осмѣливаюсь имѣть честь... то... что̀ жь дальше?... то соблаговолите, Вѣра Михайловна, открыть мнѣ глубину вашего сердца....

Этимъ выраженіемъ Четкинъ былъ очень доволенъ; но импровизаціи его помѣшали прибывшіе на хоры музыканты, и онъ съ досады махнулъ рукой.

Вскорѣ стали съѣзжаться.

Авдотья Петровна вообще терпѣть не могла раутовъ; а на этотъ вечеръ пригласила только избранныхъ.

— Я у себя въ домѣ не хочу имѣть ни толкучаго рынка, ни англійской биржи, ни торговой бани, говорила она,—провести пріятно время—дѣло другое.

Когда пріѣхалъ Лонскій съ своей теткой, Авдотья Петровна усадила ее и потомъ передала съ рукъ на руки Марьѣ Ивановнѣ, которая послѣ милыхъ привѣтствій и любезностей, представила ей своихъ дочерей.

„А ее нѣтъ, подумалъ Лонскій, — я этого и ожидалъ!“ Съ грустною досадой пошелъ онъ бродить по комнатамъ, и во второй большой гостиной, которую слѣдовало назвать картежною, сѣлъ подлѣ стола играющихъ знакомцевъ, и готовъ былъ просидѣть тутъ весь вечеръ, держа пари, то за одного, то за другаго.

Въ числѣ бродящихъ и скучающихъ былъ и Ранѣевъ.

— Владиміръ Петровичъ, сказала, встрѣтивъ его, Авдотья Петровна,—что̀ это вы ходите безъ дѣла?

— Прикажете сидѣть безъ дѣла? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, бездѣльниковъ не люблю; садитесь за дѣло, найдите партію, займите и себя и другихъ: музыка не помѣшаетъ.

— Конечно: тоже игра, отвѣчалъ Ранѣевъ, кивнувъ головой.

Двигаясь медленно чрезъ угловую комнату, гдѣ также стоялъ, на всякій случай, дамскій рѣзной и украшенный бронзой старинный ломберный столикъ съ канавками, Ранѣевъ подошелъ къ Сарѣ бесѣдовавшей съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ.

— Вѣра Михайловна! князь! вы заняты? спросилъ онъ ихъ пресеріозно.

— Какъ заняты?

— Авдотья Петровна поручила мнѣ занимать не занятыхъ, въ томъ числѣ и самого себя.

— Чѣмъ же вы насъ будете занимать? спросила Сара.

— Тѣмъ же чѣмъ и вы меня; вотъ столъ готовъ, не угодно ли составить партію въ вистъ, такъ, только для практики?

— Ахъ, я очень была бы рада играть! сказала Сара.

— Такъ вотъ и прекрасно, сядемте, сказалъ князь,—я никакъ не воображалъ, что вы, Вѣра Михайловна, играете.

— Дома очень часто. Иванъ Артемьичъ скучаетъ безъ картъ, и если не съ кѣмъ играть, учитъ насъ.

— Позвольте же, надо найдти четвертаго игрока.

И Ранѣевъ отправился на поискъ. Осмотрѣлъ всѣхъ въ залѣ и гостиныхъ, но никто ему не понравился. Заглянулъ снова въ игорную, и, замѣтивъ Лонскаго, зѣвающаго на игру, направилъ прямо къ нему стопы свои.

— Вы никакихъ сердечныхъ отношеній не имѣете къ этому столу? спросилъ онъ его.

— Ровно никакихъ.

— Такъ пойдемте; мы составимъ свою партію.

— Очень радъ, но кто же еще играетъ?

— А вотъ, пожалуйте.

Ранѣевъ взялъ Лонскаго подъ руку и повелъ.

— Партія сполна, сказалъ онъ, представляя его Сарѣ и князю.

Неожиданность встрѣтить Сару поразила Лонскаго; на щекахъ его заигралъ горячій румянецъ. Внимательно поклонился онъ ей; но взоръ ея быстро поникъ.

— Владиміръ Петровичъ, если на вашъ выборъ согласны Вѣра Михайловна и князь, въ такомъ случаѣ я не нахожу ничего пріятнѣе какъ провести время за этимъ столомъ, сказалъ Лонскій.

— Это такъ мило сказано, отвѣчалъ Ранѣевъ,—что я отъ имени всѣхъ предлагаю вамъ карту.

Ранѣевъ взялъ карты, разорвалъ обертку, и подалъ вистующимъ.

— Мнѣ съ вами, князь, сказала Сара,—и я очень рада: вы будете снисходительны къ моимъ ошибкамъ.

— Скорѣе отъ моей разсѣянности можно ожидать ошибокъ.

— Намъ, Алексѣй Александровичъ, слѣдуетъ также сказать какую-нибудь любезность другъ другу; но чтобы не сочинять вновь, я повторю слова Вѣры Михайловны; а вы слова князя.

У Ранѣева былъ такой дозорный глазъ, и такое чуткое соображенiе, что отъ него не только нельзя было скрыть телеграфическiя нити какихъ-нибудь взаимныхъ отношенiй, но и затаить тревожныя чувства въ какомъ-нибудь углу сердца. Онъ зналъ и понималъ всѣ признаки, всѣ проявленiя, или, говоря ученымъ языкомъ, всѣ симптомы сердечныхъ и душевныхъ болѣзней. Сара однакоже была и для него загадочнымъ сфинксомъ. Онъ предполагалъ, что въ ней или совсѣмъ не было чувства, или ужъ такъ много, что крайности сходились.

Лонскiй былъ въ какомъ-то лихорадочномъ состоянiи; она свободна и въ движенiяхъ, и въ словахъ.

Еще не былъ конченъ первый роберъ, какъ явилась Авдотья Петровна и разстроила игру. Проходя мимо, она взглянула на играющихъ и остановилась съ изумленiемъ.

— Скажите пожалуста, Вѣрушка играетъ! А я ее ищу.

— Нѣтъ ужь, вы насъ не разлучайте, сказалъ Ранѣевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, мнѣ очень прiятно; а вотъ Алексѣя Александровича я у васъ отниму, и найду вамъ другаго игрока. Мнѣ онъ нуженъ.

Покуда Авдотья Петровна пошла искать игрока и воротилась съ подставнымъ Четкинымъ, Лонскiй пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Извините меня, я здѣсь невольникъ, сказалъ онъ, взглянувъ на Сару, въ намекъ перваго разговора съ ней. Непрiятно, а дѣлать нечего!

— Алексѣй Александровичъ! повторила Авдотья Петровна, протягивая руку.

Лонскій положилъ карты и послѣдовалъ за Авдотьей Петровной.

— Я васъ прошу распорядиться моимъ вечеромъ, сказала она ему,—мнѣ хочется, чтобы музыка и танцы были попеременно.

— Сдѣлайте одолженіе, Авдотья Петровна, избавьте меня отъ распоряженій; я въ этомъ случаѣ неловокъ и полный невѣжа.

— Нѣтъ, какъ хотите, а это дѣло нашего перваго кавалера.

Лонскому оставалось только снова пожать плечами.

Между тѣмъ Четкинъ, съ улыбкой довольства, сѣлъ на мѣсто Лонскаго, взялъ карты и началъ разбирать ихъ по своему.

На лицѣ Сары не замѣтно было перемѣны; но она посмотрѣла косо на новаго игрока, и, положивъ карты, спросила у Ранѣева, который нахмурился:

— Что̀ же далѣе, Владиміръ Петровичъ?

— А вы въ ламушъ изволите играть? спросилъ Ранѣевъ Четкина, какъ будто въ отвѣтъ Сарѣ.

— Нѣтъ-съ.

— Такъ для чего же вы сѣли и взяли карты? Мы играемъ въ ламушъ.

— Ахъ, извините-съ! проговорилъ Четкинъ, кладя карты и вставая съ мѣста.

— Ничего-съ, это ошибка Авдотьи Петровны... Игра кончена, продолжалъ Ранѣевъ, обращаясь къ Сарѣ и князю, который невольно захохоталъ по удаленіи Четкина.

Раскланявшись съ Сарой и княземъ, Ранѣевъ отправился изъ угловой комнаты, которая имѣла сообщеніе съ кабинетомъ Авдотьи Петровны, въ игорную, потомъ въ первую гостиную; изъ гостиной въ залу, изъ залы въ большую столовую, гдѣ стоялъ готовый рояль и заготовлены были мѣста для слушателей предстоящаго концерта. Изъ столовой, двѣ арки вели въ маленькую гостиную, также имѣвшую сообщеніе съ кабинетомъ. Здѣсь, Марья Ивановна, въ отдаленіи отъ шумнаго говора, занимала бесѣдой причудливую, но многоуважаемую гостью.

Разговоръ между ними вязался однако съ невыносимымъ трудомъ. Марья Ивановна привыкла къ свѣтской болтливости, легкой, живой, носящейся по поверхности предметовъ, составляющихъ обстановку жизни почти всѣхъ безъ исключенія европейскихъ столицъ. Но въ теткѣ Лонскаго она встрѣтила барыню съ тяжелымъ грузомъ пошлыхъ поученій, изреченій и несвязныхъ разсужденій, накопленныхъ со слуховъ, которыми земля полнится.

Начнетъ ли Марья Ивановна рѣчь о многотрудныхъ обязанностяхъ матери, въ отношеніи дочерей вступающихъ въ свѣтъ:—позвольте, возразитъ Любовь Ѳедоровна,—обязанности есть долгъ вашъ; да, первый долгъ!—и подтвердитъ свою аксіому слѣдующею околесицей:—я скажу о себѣ, хоть я и не была замужемъ, не потому чтобы не было случаевъ, были, но я не хотѣла; я знаю себя: я не въ состояніи выносить никакой подчиненности. Это ужь такой характеръ, такая натура, что̀ жь дѣлать. Притомъ же, между нами, Марья Ивановна: мужъ, тотъ же дитя, ребенокъ за которымъ надо ходить. Я въ примѣръ поставлю не то что кого-нибудь чужаго — нѣтъ! роднаго своего брата, отца Алеши. Что̀ получилъ въ наслѣдіе послѣ батюшки все совершенно разстроилъ. Моя же часть, послѣ матушки, была въ половину меньше; а между тѣмъ, слава Богу, я ее чуть ли не удесятерила. Посмотрите, что̀ за порядокъ у меня. Да будь я здорова, то ли бы я имѣла. Ужасно страдаю нервами, Марья Ивановна.

— Я также подвержена нѣсколько нервическимъ припадкамъ; но мой докторъ удивительно какъ помогаетъ мнѣ; главное, говоритъ, надо какъ можно больше развлекать себя.

— Безъ сомнѣнія дѣло идетъ о нервахъ? спросилъ Ранѣевъ подходя.

— Ахъ, ужь этотъ насмѣшникъ! сказала тетка Лонскаго.

— Нисколько; я также страдаю нѣсколько нервическими припадками; но мой докторъ удивительно помогаетъ мнѣ; и главное, говоритъ онъ, надо какъ можно болѣе развлекать себя.

— Какой вы зоилъ! сказала Марья Ивановна, очень до-

вольная приходомъ Ранѣева.—Надо однакожь узнать, что не начинаетъ Лидія?... прошу занять Любовь Ѳедоровну.

— Поговоримте, поговоримте о нервахъ; это пріятный разговоръ.

— Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, Владиміръ Петровичъ.

— Я не слѣдую этому правилу; напримѣръ, вотъ уже лѣтъ двадцать пять, какъ у меня болитъ по васъ сердце, а я молчу.

— А вотъ таки проговорились; а еслибы слѣдовали общему правилу, такъ я бы не осталась въ дѣвкахъ, а вы бы не остались холостякомъ.

— Сомнѣваюсь; ни одинъ попъ не сталъ бы насъ вѣнчать.

— Это почему?

— Мы ни годимся для супружества. Вы бы отреклись отъ обѣта бояться мужа; а я отъ обѣта любить жену.

— Ужь подлинно злой человѣкъ!

На хорахъ, которые выходили и въ залу и въ столовую, закопошились музыканты; то басъ зыкнетъ, то віолончель, то скрипки прозвучатъ подъ сурдиной прелюдію.

— Какъ это вы попали на музыкальный вечеръ? вы терпѣть не можете музыки? спросилъ Ранѣевъ свою собесѣдницу.

— Не для музыки и пріѣхала, отвѣчала Любовь Ѳедоровна,—а будутъ танцы, такъ хочется посмотрѣть какъ танцуетъ Алеша мазурку. Пожалуста устройте такъ, чтобы мазурку танцовали прежде прочихъ танцевъ. Посмотрю да и поѣду. Я не могу долго быть,

— Причина законная; постараюсь.

— Да скажите пожалуста, кто такая родственница, которая воспитывается у Лиговскихъ?

— Знаю, что она воспитывалась съ малолѣтства съ дочерьми Марьи Ивановны; а родственница или нѣтъ, того не знаю.

— Я еще ея не видала, меня не познакомили съ ней; а говорятъ, что умница, красавица, образована какъ нельзя лучше, и прекрасно танцуетъ.

— Вашъ милый племянникъ говоритъ правду.

— Да не одинъ же Алеша говорить это, возразила вдругъ Любовь Өедоровна.

— Безъ сомнѣнія; но я говорю про тѣхъ, кто вамъ говорилъ.

— Право, это ужасный человѣкъ! сказала тетка Лонскаго, обращаясь къ Марьѣ Ивановнѣ, которая пришла ее просить въ залу.

— Позвольте же ужасному человѣку предложить вамъ руку.

Ранѣевъ подалъ Любови Өедоровнѣ руку и повелъ ее.

— Устройте же вы мнѣ, какъ я васъ просила, сказала она ему, — да мнѣ бы хотѣлось чтобъ Алеша танцовалъ съ Вѣрой Михайловной... она, говорятъ, также превосходно танцуетъ мазурку.

— Превосходно.

— Въ мазуркѣ необходимо, чтобъ дама соотвѣтствовала кавалеру.

— И даже сочувствовала, прибавилъ Ранѣевъ,—непремѣнно! Я, однакожь увѣренъ, что нашъ кавалеръ предупредитъ мои заботы.

Проводивъ тетку Лонскаго до мѣста въ столовой, обращенной въ филармоническую залу, Ранѣевъ возвратился въ малую гостиную, и уединился подлѣ лѣвой арки.

Онъ всегда любилъ и умѣлъ выбирать себѣ пріютное и выгодное помѣщеніе. Здѣсь были на виду у него—и Лидія, сѣвшая уже за рояль, и за нею въ креслахъ всѣ внимательные слушатели.

Когда раздались аккорды концерта Мендельсона, Сара вышла изъ кабинета, прошла малую гостиную и стала у оконечности рояля, прислонясь къ нему локоткомъ. Ранѣевъ слушалъ концертъ, не сводя глазъ съ Сары, какъ съ Амазисова сфинкса, изображающаго дѣву-львицу.

Въ антрактѣ между концертомъ Мендельсона и сонатой Бетховена, когда нѣкоторыя изъ дамъ столпились около Лидіи съ восторгами и поцѣлуями, а всѣ прочіе громогласно высказывали достоинства игры ея, Ранѣевъ подошелъ къ Сарѣ.

— Я былъ за кулисами, сказалъ онъ ей; — передо мной

вдали зрители, потомъ оркестръ, а наконецъ сцена; а на сценѣ Ифигенія въ жрической бѣлой одеждѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, стоитъ подлѣ жертвенника, углубленная въ думу. Превосходно! за эту одну минуту глубокой думы, можно апплодировать. Превосходно! вы рождены для сцены. А Ифигенія будетъ танцовать мазурку?

— Нѣтъ.

— Это что̀ такое?

— Не желаетъ.

— Но желаютъ этого всѣ Скиѳы, въ томъ числѣ и я..... вы вѣрно не доведете себя до того, чтобы васъ умоляли. Я вамъ найду и кавалера: это мой юный другъ.

— Нѣтъ, избавьте меня отъ вашего юнаго друга; я буду танцовать, но дайте мнѣ какого-нибудь стараго вашего друга.

— Извольте, двадцать пять лѣтъ дружбы довольно?

— Очень довольно.

— Такъ я съ Лонскимъ другъ съ его колыбели. Вы танцуете съ Лонскимъ.

— Нѣтъ!

— А слово?

— Я не хочу, чтобы вы меня навязывали ему.

— Лонскому? васъ навязывать? да вы за кого же меня считаете?

— Ну, такъ не хочу потому, что это одною мазуркой не кончится.

— А!.. прекрасно!.. но музыка, кажется, кончилась, начинается принесеніе жертвъ, и я иду за жертвой, сказалъ Ранѣевъ, выходя въ залу.

Сара вошла въ малую гостиную и сѣла, задумавшись.

— Позвольте, Вѣра Михайловна, просить васъ! раздался голосъ Четкина, который, откашлянувшись, двинулся прямо къ ней.

— Извините, меня, отвѣчала Сара.

— Такъ какъ счастіе судьбы моей зависитъ отъ васъ... Вѣра Михайловна-съ...

— Но я дала слово, отвѣчала Сара, не вслушавшись въ предисловіе Четкина.

— Какъ-съ? спросилъ онъ.

— Какъ даютъ слово.

— Какъ же-съ, Авдотья Петровна изволили сказать, что я могу надѣяться-съ?

— Я не виновата, что васъ предупредили!—И она вскочила съ мѣста и вышла въ кабинетъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!.. проговорилъ Четкинъ, отирая лицо и усы платкомъ... на что̀ жь это похо̀же такъ обманывать!.. да я ни позволю никому! продолжалъ онъ, выходя въ залу.— Какъ собаку убью!

Между тѣмъ Ранѣевъ успѣлъ распорядиться и мазуркой и кавалеромъ Сары.

— Пожалуйте-ко сюда, мой юный старый другъ! не угодно ли вамъ ангажировать Вѣру Михайловну на мазурку.

— Какъ, Владиміръ Петровичъ? спросилъ удивленный Лонскій.

— Такъ; неугодно ли слѣдовать за мной.

— Она мнѣ откажетъ, это я знаю впередъ.

— Вы это знаете? а! но маленькая ссора укрѣпляетъ союзъ сердецъ.

— Между нами нѣтъ и не было никакихъ союзовъ, Владиміръ Петровичъ.

— Странно, сказалъ Ранѣевъ,—да! это только значитъ, что она умна.

И онъ взялъ Лонскаго подъ руку, и подвелъ къ Сарѣ. Смущенно проговорилъ онъ по-французски надлежащую фразу. Сара подала ему руку.

Авдотья Петровна, искавшая уже распорядителя танцевъ, была свидѣтельницей этой сцены. Она, какъ говорится, вскипѣла.

— Что это, Владиміръ Петровичъ, вы сватаете? спросила она колко Ранѣева.

— Извините, что перебилъ на этотъ разъ, отвѣчалъ онъ.— Меня послала въ сваты сама Любовь... Ѳедоровна.

— Вы ужасный человѣкъ! съ вами и пошутить нельзя, сказала Авдотья Петровна раздражительно, отходя отъ него къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Тетушка, что̀ жь это такое? спросила Марья Ивановна, о комъ мы заботимся, о Лидіи или о Вѣрѣ?

— Не понимаю, моя милая! тутъ что-то творитъ Ранѣевъ! распоряжается всѣми и все поставилъ вверхъ дномъ! Я не рада и вечеру!

— Что жь это такое? повторила Марья Ивановна, выходя съ теткой изъ залы, гдѣ уже образовалась мазурка.

Сонечка стала съ своимъ кавалеромъ на мѣсто, и изумилась, увидя противъ себя Лонскаго съ Сарой.

— Это безсовѣстно! произнесла она про себя, взглянувъ непріязненно на Сару.

Лидія не танцовала. Она отказывала всѣмъ приглашавшимъ ее.

— Ты, Лидія, не танцуешь? спросила ее съ участіемъ Марья Ивановна.

— Я утомилась отъ игры, не могу; я посмотрю, отвѣчала она, садясь подлѣ матери, за которой сидѣла Любовь Ѳедоровна.

И Лидія внимательно слѣдила взорами за Лонскимъ и Сарой; но видимо они танцовали равнодушно. Лонскій что-то проговорилъ во время перваго круга; Сара молчала.

Во второй фигурѣ они были развязнѣе и во всѣхъ ихъ движеніяхъ было болѣе сочувствія.

Лидія смотрѣла безпокойно.

Послѣ третьей фигуры, она опустила глаза и задумчиво смотрѣла въ земаю.

— Какая милая дѣвушка Вѣра Михайловна, какъ она превосходно танцуетъ... она меня очаровала! сказала Лонская Марьѣ Ивановнѣ.

Марья Ивановна отвѣчала только движеніемъ головы.

Четвертой фигурой Лонскій кончилъ мазурку.

— Браво, браво! сказалъ Ранѣевъ, подходя къ Сарѣ и Лонскому и взявъ ихъ за руки.—Превосходно! поздравляю!

— Что это, мать моя, онъ ужь ихъ и поздравляетъ, какъ будто отъ вѣнца! прошептала Авдотья Петровна на ухо племянницѣ.

— Душа моя, Вѣрочка, какъ ты хорошо танцовала! сказала Лидія нѣжнымъ тихимъ голосомъ, подходя къ Сарѣ и добродушно взявъ ее за руку.

— Танцовала, какъ обыкновенно.

— Нѣтъ, не обыкновенно, возразила Лидія.

— Не понимаю, отвѣчала Сара, отходя къ Лонской, которая желала съ ней познакомиться.

Наговоривъ ей любезностей, Любовь Ѳедоровна поднялась, и въ сопровожденіи племянника отправилась домой.

Вслѣдъ за ней поднялись и другіе. Авдотья Петровна никого не останавливала.

Ранѣевъ также уѣхалъ; только играющіе въ карты отправились къ оставленнымъ на время столамъ, доканчивать игру.

О продолженіи музыки и танцевъ не было и помину. Вторая часть музыкальнаго вечера не состоялась. Авдотья Петровна, переговоривъ съ Марьей Ивановной, сѣла также за карты. Сонечка прохаживалась по опустѣвшимъ комнатамъ, съ нѣкоторыми подругами, у которыхъ маменьки или папеньки не кончили еще виста.

Лидія прошла во внутреннія комнаты, гдѣ Ѳеклуша и Даша, распоряжавшіяся угощеніями, стали ахать, какъ она удивительно играла, и какъ всѣ были въ восторгѣ, что̀ было имъ виднехонько съ хоръ.

Сару занялъ снова бесѣдой князь Иванъ Юрьевичъ; но разговоръ ихъ обратился наконецъ въ непростую бесѣду. Князь говорилъ что-то съ жаромъ. Сара слушала, крутя платокъ, и иногда возражала.

Марья Ивановна наблюдала за ними издали, видимо была довольна и, казалось, ожидала отъ этой бесѣды счастливыхъ послѣдствій.

XII.

Послѣ разговора съ Сарой, карликъ Митя, возвратясь въ свою каморку, бросился на постель и снова зарыдалъ. Нѣсколько дней промаялся онъ, какъ въ бреду. Ему все представлялся умирающій князь Михайло Васильевичъ и грозный взоръ барышни, запрещающей приближаться къ нему. Истощивъ маленькія силы свои слезами, ему хотѣлось хоть съ кѣмъ-нибудь подѣлиться горемъ; но въ домѣ не было ни одной души, которой бы онъ могъ довѣрить его.

— Господи, да что жь это я не ѣду къ Наумычу, онъ все знаетъ! подумалъ онъ, и обрадованный этою мыслію, Митя снарядился, выбрался тайкомъ изъ дому, взялъ извощика и отправился въ подмосковную князя.

— Что голубчикъ, Наумычъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, входя къ управляющему,—скажи пожалуста... правда ли... говорятъ... князь умеръ?

— Умеръ, отвѣчалъ Наумычъ,—царство ему небесное!

Митя не устоялъ на ногахъ, грохнулся о земь и началъ вопить.

— Что съ тобой Дмитрій Аѳанасьичъ! Что это ты? не вѣкъ же жить было старику: слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ; слава Богу пожилъ, помаялся.

Митя приподнялся на ноги, и недовѣрчиво посмотрѣлъ въ глаза Наумычу.

— А князь Михайло Васильевичъ?

— Живъ и здоровъ. Письмо есть; скоро надѣется быть сюда; какъ приведетъ дѣла въ порядокъ, такъ и въ дорогу.

— Ой ли? проговорилъ Митя перекрестясь.—Ахъ, Наумычъ, какъ же ты меня порадовалъ! А барышня-то, Богъ ее знаетъ съ чего, сказала, что онъ умеръ. Я такъ и покатился; да спрашиваю: правда ли это, барышня? А она, какъ крикнетъ на меня, глаза такъ молніей и засверкали, а въ самой такъ все и ходитъ.

— Что жь это съ ней сдѣлалось? Она-то откуда слышала?

— Богъ ее вѣдаетъ! Дѣло вотъ какъ было: Марья Ивановна пригрозила ей, за капризы вѣрно, что отправитъ ее къ отцу; а я, сдуру, и давай просить, барышню, чтобы меня не оставила взяла съ собой, когда поѣдетъ къ батюшкѣ. А она вдругъ: куда, говоритъ, на тотъ свѣтъ? да ты, говоритъ, что? ступай вонъ! я и вышелъ какъ шальной. По сію пору отдохнуть не могу, взглянуть на нее боюсь!

Наумычъ покачалъ головой,

— Съ чего жь это она взяла отправлять на тотъ свѣтъ родителя своего?.. Тутъ, что-то, Дмитрій Аѳанасьичъ, сумнительное выходитъ. Говорить такія рѣчи про отца!..

— Не въ радость будетъ она князю Михайлѣ Васильевичу! сказалъ Митя.—Да живъ ли онъ вправду, Наумычъ? говори!

— Мнѣ, старику, не вѣришь; читай письмо собственной его руки. Нарочный отъ него пріѣхалъ.

И Наумычъ показалъ письмо князя.

Карликъ успокоился.

— Ну, теперь покорми меня. Четвертый день вотъ почти ничего не ѣлъ.

Наумычъ угостилъ его и обѣдомъ и чаемъ.

— Гдѣ это ты былъ, Дмитрій Аѳанасьевичъ? спросили его дѣвушки, когда онъ, возвратясь отъ Наумыча, пробирался заднимъ крыльцомъ въ свою коморку.

— Гулялъ, отвѣчалъ онъ.—А чья это карета на дворѣ?

— Двѣ барыни, Лонскія, въ первый разъ съ визитомъ пріѣхали. Помоложе-то, мать хорошенькаго гусара, что̀ былъ у насъ на балу; добрая такая, обходительная; а другая-то тетка, должна быть брюзга, таково кисло смо-

тритъ. Поди-ко, послушай что̀ онѣ говорятъ? не будетъ ли сватовства. Ступай, ступай, не равно спросятъ тебя!

Съ Мити стащили шубку, и онъ отправился по должности къ дверямъ гостиной.

Наружность матери Лонскаго, дѣйствительно, отличалась добротой. Она и Марья Ивановна сидѣли вмѣстѣ на диванѣ, и казалось эти двѣ женщины съ перваго взгляда полюбили другъ друга. Лидія сидѣла подлѣ матери, на креслахъ, и гостья, разговаривая съ Марьей Ивановной, не сводила съ Лидіи глазъ и часто обращалась къ ней съ вопросами.

Между тѣмъ тетка Лонскаго, большая охотница до живописи, разсматривала висѣвшія въ гостиной картины. Сару избрала она вмѣсто чичероне. Кончивъ осмотръ картинъ, она подала знакъ невѣсткѣ своей, и онѣ поѣхали.

— Какая умная дѣвушка, родственница Марьи Ивановны, сказала Любовь Өедоровна, сѣвъ въ карету:—какая обстоятельная, образованная! какъ хорошо знаетъ она всѣхъ живописцевъ, и манеру ихъ. Я было думала, что Иванъ Артемьичъ знатокъ и всѣ картины у него оригинальныя; но выходитъ что все мазня, купленная въ тридорога.

— Какой ангелъ старшая дочь Марьи Ивановны, сказала въ свою очередь мать Лонскаго,—какъ она мнѣ понравилась!

— Сентиментальна; а потому и въ твоемъ вкусѣ. Я люблю характеръ и умъ. Алеша весь въ отца, моего любезнаго братца, склоненъ къ мотовству, и какая бы ни была у него жена, всякая возьметъ его въ руки; а разница въ томъ, что жена съ характеромъ не дастъ мотать, а жена съ сентиментами поможетъ мотать.

Мать Лонскаго поняла, что эти слова направлены не въ бровь, а прямо ей въ глазъ; но промолчала. Воротясь домой, она вошла въ свою комнату, покачала головой, сѣла и задумалась.

Лонскій засталъ ее въ этомъ грустномъ положеніи. Она дала ему свою руку и продолжала молчать.

— Что вы, матушка, такъ задумались? спросилъ онъ.

— О тебѣ.

— Вы были у Лиговскихъ? Я желалъ бы знать, какъ вамъ понравилось ихъ семейство?

— Какъ нельзя болѣе. Марья Ивановна Лиговская—премилая женщина, мы разстались друзьями. Старшая дочь ея совершенный ангелъ и нравомъ, и по наружности... я ее очень полюбила.

— Это правда, въ ней много симпатичнаго. А вторая?

— Милая живая дѣвушка.

Лонскій ожидалъ что̀ скажетъ мать далѣе; но она молчала. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, также съ задумчивымъ, безпокойнымъ чувствомъ.

— Вы не видали... проговорилъ онъ наконецъ,—или... вамъ не нравится?...

Лонскій не договорилъ.

— Нѣтъ, мой другъ! отвѣчала мать твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:—нѣтъ!... Если ты вѣришь сердцу матери, которое вѣщунъ, то...

— Договаривайте, матушка.

— То я не желала бы!...

— Отчего? спросилъ Лонскій, остановясь и поблѣднѣвъ.

— Она тебѣ не жена.

— Но отчего? повторилъ Лонскій настойчиво.—О, да это лишній вопросъ, я понимаю: вамъ понравилась Лидія, доброе, милое существо, съ которымъ я былъ бы счастливъ, блаженъ, спокоенъ...

— Такъ, такъ Алеша, ты былъ бы съ ней счастливъ. Это рѣдкая дѣвушка и по красотѣ и по нраву, съ достоинствами, которыя надо умѣть цѣнить!

— А Вѣра? спросилъ Лонскій.

— Въ тебѣ говоритъ страсть, отвѣчала мать съ нѣжнымъ, горькимъ чувствомъ.—Я поняла и эту дѣвушку сердцемъ любящимъ тебя, другъ мой; а ты понялъ ли ее?

— Я? хмъ! Вамъ не нравится, что она носитъ въ свѣтѣ названіе сироты, воспитанницы?

— О, нѣтъ, я знаю только человѣка, и спрашиваю тебя:

понялъ ли ты ее?.. Это идолъ, который равнодушно принимаетъ поклоны.

— Но этотъ идолъ заслонилъ собою все для меня, отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ Лонскій.

Горестно посмотрѣла на него мать.

— Если такъ, сказала она, — то предоставляю тебя собственному твоему разсудку. Подумай.

— Нѣтъ, матушка, некогда уже думать! Я не въ силахъ думать, разсчитывать, разгадывать свою будущность!.. Чрезъ три дня я долженъ ѣхать въ полкъ, и въ эти три дня должна рѣшиться моя судьба!

— Мнѣ остается сказать тебѣ одно только то, что я не въ силахъ была образумить тебя, не въ силахъ и противиться желанію твоему. Больше этого я ничего не въ состояніи сдѣлать для тебя. Проси тетку; твой выборъ ей по сердцу... она все и уладитъ, а я не могу.

— Вы стало-быть не будете и любить ее, если она станетъ моею женой?

— Это будетъ зависѣть отъ нея. Если она составитъ твое счастіе, о Боже мой, я буду молиться на нее, какъ ты.

Лонскій поцѣловалъ руку матери. Она обняла его.

Въ слѣдующій же день Любовь Ѳедоровна отправилась къ Авдотьѣ Петровнѣ, объявила ей намѣреніе своего племянника и просила предувѣдомить объ этомъ Марью Ивановну.

Авдотья Петровна была поражена неожиданнымъ предложеніемъ. Цѣль ея въ отношеніи къ Лонскому рушилась, и она, нисколько не скрывая своего удивленія, тотчасъ же измѣнила внимательную любезность свою, относительно его тетки, на привычную безцеремонность.

— Не ожидала, Любовь Ѳедоровна, не ожидала, признаюсь, никакъ не ожидала этого предложенія; думала, что дѣло будетъ касаться совсѣмъ другаго предмета!

— Какого же другаго предмета, Авдотья Петровна? Съ того самаго дня, какъ племянникъ мой познакомился въ домѣ Марьи Ивановны, онъ ужь помѣшался на Вѣрѣ Михайловнѣ. Кому жь это лучше знать, какъ не мнѣ.

— Такъ я никакъ не пойму, для чего ему понадобилось

заслонять любовь свою авансами другой дѣвушкѣ? Не пойму, кому нужно было отводить глаза?.. Да впрочемъ объ этомъ нечего уже говорить; можетъ быть мнѣ сослѣпа такъ показалось. А вотъ что надо сказать: Вѣрушка намъ нисколько не родственница; Машѣ привезли ее пятилѣтнимъ ребенкомъ съ просьбой взять на воспитаніе; но отъ кого—по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно. Если эта неизвѣстность не мѣшаетъ, то я и Маша будемъ очень рады счастію Вѣрушки.

— Въ этомъ отношеніи дѣло ужь рѣшено. Я знаю нравъ, умъ и образованность ея. Она мнѣ нравится, а Алеша въ нее влюбленъ; чего же болѣе?

— Безъ сомнѣнія, сказала Авдотья Петровна; но подумавъ прибавила:—я считаю однакоже обязанностію объявить вамъ, что Маша, принимая къ себѣ Вѣрушку, была предувѣдомлена, что она не безъ имени, и что со временемъ будетъ наслѣдницей богатаго состоянія.

— Ну, благодаря Бога, племянникъ мой не нуждается ни въ ея имени, ни въ наслѣдствѣ... Такъ я васъ прошу, Авдотья Петровна, предувѣдомить Марью Ивановну. Алеша послѣзавтра долженъ ѣхать въ Петербургъ и желалъ бы до отъѣзда получить отвѣтъ.

— Надѣюсь сегодня же видѣть Машу, и передамъ ей. Согласіе зависитъ вполнѣ отъ Вѣрушки; она сама рѣшитъ судьбу свою.

Возвратясь домой, Любовь Ѳедоровна не забыла сдѣлать запросъ племяннику.

— Алеша, кѣмъ ты, батюшка, заслонялъ волокитство свое за Вѣрой Михайловной?

— Не понимаю, ma tante, что̀ вы спрашиваете?

— Авдотья Петровна намекнула мнѣ что-то объ этой заслонкѣ. Ее поразило мое предложеніе. Я, говоритъ, воображала себѣ совсѣмъ другой предметъ.

Мать Лонскаго взглянула на сына и замѣтила, что онъ смутился.

— Не понимаю, повторилъ онъ.

— Сколько я понимаю, этотъ предметъ долженъ быть близокъ Авдотьѣ Петровнѣ, замѣтила мать.

— Что̀ жь удивительнаго, что она могла воображать мои намѣренія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Очень естественно, что любя кого-нибудь, отличаешь и его друга или близкаго къ нему.

— А этотъ другъ не можетъ принять оказываемаго ему отличія за любовь, если онъ не посвященъ въ тайну?

— Но я думаю есть разница между чувствомъ и простою любезностью? отвѣчалъ Лонскій.

— Любезность всегда на столько льстива, что при малѣйшемъ особенномъ вниманіи, легко можетъ смутить неопытное и довѣрчивое сердце.

Эти слова матери затронули Лонскаго за живое, и онъ молчалъ, какъ уличенный.

Между тѣмъ Авдотья Петровна, подумавъ немного о превратностяхъ міра сего и о порчѣ нравовъ, приказала заложить карету.

Въ это время прибылъ молодой Четкинъ. Долго расхаживалъ онъ по залѣ, ожидая выхода Авдотьи Петровны. Люди не считали за нужное доложить о его посѣщеніи. Наконецъ Даша, проходя чрезъ залу, ахнула, замѣтивъ его.

— Павелъ Ивановичъ!.. какъ ваше здоровье?

— Слава Богу-съ; можно видѣть Авдотью Петровну-съ? я имѣю къ ней важное дѣло.

— А вотъ, я сейчасъ доложу. Не угодно ли присѣсть.

Войдя осторожно въ кабинетъ Авдотьи Петровны, Даша проговорила:—Павелъ Ивановичъ проситъ позволенія...

— Какой Павелъ Ивановичъ?

— Павелъ Ивановичъ господинъ Четкинъ.

— А ты, сударыня, что за докладчикъ? спросила сердито Авдотья Петровна.

— Они просили меня, говорятъ, важное дѣло имѣютъ сообщить, отвѣчала робко Даша.

— У Павла Ивановича важное дѣло до меня! Скажи пожалуста! Вѣрно дѣло о невѣстѣ?.. Что ты, сударыня, покраснѣла? О тебѣ, что ли?.. Въ самомъ дѣлѣ была бы пара! Позови!

Даша еще болѣе разгорѣлась, и вышла.

— Что, мой голубчикъ, скажешь? спросила Авдотья Петровна, когда вошелъ Четкинъ.

— Авдотья Петровна-съ, отвѣчалъ онъ поклонясь и откашлянувшись,—такъ какъ-съ...

— Ну, что жь такъ какъ-съ...

— Такъ какъ счастіе судьбы моей зависитъ отъ васъ...

— Такъ какъ счастіе судьбы твоей зависитъ отъ меня, такъ что жь?

— Такъ я и говорилъ Вѣрѣ Михайловнѣ-съ. . .

— Вѣрѣ Михайловнѣ? неужели?

— Говорилъ-съ.

— Что жь Вѣра Михайловна?

— Ничего-съ.

— Я и знала, мой милый, что изъ этого будетъ *ничего*.

— Я просилъ руку и сердце-съ... какъ вы изволили говорить моему батюшкѣ... а онѣ изволили сказать, что предупреждены...

— Кто сказалъ? что̀ сказалъ? Тебя, сердечный ты мой, не поймешь!

— Вѣра Михайловна-съ, она сказала, что ужь обѣщала.

— Что, батюшка, обѣщала.

— Извѣстно что-съ... руку и сердце.

— Тебѣ это она сказала? Не вѣрю, сударь.

— Ей Богу-съ! онѣ мнѣ оказывали особенное отличное вниманіе-съ, съ предпочтеніемъ...

— Вотъ какъ? Ну съ тобой мнѣ долго раздабарывать некогда. А вотъ что̀ я тебѣ скажу...

— Я вызову на дуэль-съ, я не потерплю!

— Что, что, голубчикъ? Какой ты храбрый! Кого же ты вызовешь на дуэль?

— Ужь я найду кого-съ!

— Такъ ступай ищи, ищи, мой батюшка; ступай заряжай пистолетъ!... Чего жь ты ждешь?

— Вы изволили говорить, Авдотья Петровна-съ...

— Что еще?

— Батюшкѣ изволили говорить, насчетъ мѣста управляющаго-съ...

— Говорила... предлагала и невѣсту, и мѣсто, и прида-

ное невѣстѣ, и въ награду тысячу рублей... и готова исполнить. Невѣста добрая дѣвушка; хорошая экономка, хозяйка, чего же болѣе? и полагаю, что тебѣ была бы подъ стать.

— Воспитанница Марьи Ивановны-съ, Вѣра...

— Нѣтъ, мой милый, моя воспитанница, Даша.

— Какъ же это... батюшка сказалъ...

— Я не знаю, что тебѣ сказалъ батюшка; а я тебѣ говорю то что̀ ты слышишь своими ушами. Хочешь, съ Богомъ; а нѣтъ, такъ и разговоръ конченъ.

— Позвольте подумать, Авдотья Петровна...

— Думай сколько хочешь, я не тороплю тебя.

Четкинъ поклонился, подошелъ къ ручкѣ и отправился. Авдотья Петровна проводила его глазами, съ усмѣшкой, спросила готова ли карета, и вскорѣ поѣхала къ племянницѣ.

Съ тою же усмѣшкой встрѣтила она выходящаго отъ нея князя Ивана Юрьевича.

— Тетушка! вскрикнула Марья Ивановна, вскочивъ съ дивана на встрѣчу Авдотьѣ Петровнѣ: — какъ я рада, что вы пріѣхали!

— Чему ты такъ обрадовалась?

— Вы встрѣтили князя Ивана Юрьича?

— Встрѣтила.

— У меня былъ съ нимъ преинтересный разговоръ. Знаете ли что? Кажется онъ не прочь отъ женитьбы.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Увѣряю васъ.

— Ты стало-быть намѣрена искать ему невѣсту?

— И очень.

— Кого же?

— Мы кажется говорили уже съ вами объ этомъ.

— Насчетъ Вѣрушки-то?

— Да.

— Хорошее дѣло. На нее со всѣхъ сторонъ вдругъ посыпались женихи.

— Какіе же еще женихи?

— Да вотъ, вопервыхъ сейчасъ былъ у меня прекрасный молодой человѣкъ.

— Кто такой?

— Хоть бы Четкинъ.

— За этого она не пойдетъ.

— Вовторыхъ еще визитъ, съ просьбой предупредить тебя насчетъ желанія получить руку Вѣрушки.

— Неужели? Кто же это еще?

— Партія, которой можно позавидовать.

— Ахъ! я бы рада была, чтобъ она скорѣе вышла замужъ, лишь бы за хорошаго человѣка.

— Хорошъ, хорошъ, даже очень хорошъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало, пусть предложитъ.

— Богатъ, приданаго не требуетъ.

— Такъ что̀ жь, тетушка?

— Только, думаю, тебѣ не понравится это, душа моя.

— Отчего же? и что̀ жь я въ этомъ случаѣ? лишь бы ей нравился.

— Такъ ли?

— Увѣряю васъ.

Авдотья Петровна молча смотрѣла на Марью Ивановну.

— Скажите же, тетушка, кто такой?

— Да, сказала Авдотья Петровна,—я никакъ не ожидала, чтобъ на моемъ музыкальномъ вечерѣ разыгралась такая куріозная піеса!

— Что̀ жь такое случилось особенное? спросила съ безпокойствомъ Марья Ивановна.

— Особенное? спросила и Авдотья Петровна.—Сейчасъ только была у меня тетка Лонскаго.

— Что̀ вы говорите?

— Съ предложеніемъ.

— Тетушка!

— Ты однакоже, Маша, принимай равнодушнѣе это предложеніе.

— Да не мучьте меня, тетушка, съ какимъ предложеніемъ?

— Съ предложеніемъ насчетъ руки Вѣрушки.

Марья Ивановна съ изумленіемъ устремила глаза на тетку.

— И вы это не шутя говорите?

— Нѣтъ, Маша, не шутя. Я отвѣчала за тебя, что ты

разумѣется противиться не будешь, и что рѣшеніе это зависитъ отъ самой Вѣрушки.

— Я уѣду, я уѣду; я не могу здѣсь оставаться! вспыльчиво проговорила Марья Ивановна. — Я увезу Лидію, а потомъ какъ хотите!

— Чего же мнѣ-то хотѣть, милая?

— О, да нѣтъ, тетушка, вы шутите! Я и не догадалась, что вы шутите. Мать Лонскаго была вчера у меня; такъ явно отличала Лидію своимъ вниманіемъ, съ такимъ чувствомъ сказала мнѣ, что была бы счастлива, еслибъ имѣла такую дочь. Чего же еще? я почти ожидала предложенія.

— Все это могло быть, душа моя; но мать Лонскаго и ея собственныя желанія въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ. Я шутокъ не шучу, Маша.

— Что́ жь это такое! вскричала Марья Ивановна.—Ухаживать за Лидіей, оказывать ей такое вниманіе, что меня только что не поздравляли... и вдругъ дѣлать предложеніе моей воспитанницѣ! Я не знаю, какъ назвать этотъ поступокъ!

— Какъ хочешь называй; это теперь все равно. Остается одно: призвать Вѣрушку и спросить ея согласія.

— Я не могу, тетушка; сдѣлайте одолженіе возьмите это на себя; а я съ дочерьми тотчасъ же уѣду въ деревню къ кузинѣ... Я же обѣщала пріѣхать къ ея именинамъ, и погостить у нея.

— Это все хорошо; но помни, Маша, что ты взяла Вѣрушку на свои руки, дала Луцкому слово воспитать ее какъ родную дочь, озаботиться о ея счастіи; такъ можешь ли ты роптать, если по Божьей волѣ, счастіе дается ей въ руки?

Эти слова Авдотьи Петровны смирили раздраженныя чувства Лиговской.

— О, еслибъ это было по Божьей волѣ, сказала она,— еслибъ это не касалось моей бѣдной Лидіи!

— Еслибъ ты тогда посовѣтовалась съ тѣмъ, кто старше, да и поразсудительнѣе тебя...

— Ахъ, не упрекайте, я уже не разъ раскаивалась!

— Впрочемъ тебя увлекло чувство доброты; стало-быть

это воля Провидѣнія. Но понимаю я и материнскія чувства, продолжала Авдотья Петровна, подумавъ,—отвези Лидію къ сестрѣ. Но какъ же Вѣрушка останется здѣсь одна?

— Надо же кому-нибудь остаться съ Иваномъ Артемьевичемъ; она не ребенокъ.

— Впрочемъ, что жь это мы прежде времени распоряжаемся. Вели позвать сюда Вѣрушку. Надо спросить желаетъ ли она.

Марья Ивановна глубоко вздохнула.

— Лидія и Сонечка играютъ въ залѣ. Вѣра, безъ сомнѣнія, у себя въ комнатѣ. Пойдемте къ ней; здѣсь кто-нибудь помѣшаетъ.

— И конечно; кстати надо ей отдать визитъ за музыкальный вечеръ, сказала Авдотья Петровна, приподнимаясь съ дивана.

Марья Ивановна взяла ее подъ руку.

Сара сидѣла задумчиво сложа руки, подлѣ столика, на которомъ лежала книга. Она удивилась неожиданному приходу ихъ.

— Я давно не была у тебя, Вѣрушка, сказала Авдотья Петровна, цѣлуя ее и садясь въ кресла: — ты какъ будто задумчива что-то?

— Я? нисколько, о чемъ же мнѣ думать?

— Оно казалось бы такъ; о чемъ дѣвушкѣ думать покуда она въ родительскомъ домѣ. Ну, а ты, хоть и какъ родная у Маши, но все же будущность впереди, и есть о чемъ задуматься. Я знаю это сама по себѣ.

Сара молчала на эти слова, ожидая продолженія.

— Вотъ насчетъ твоей будущности мы и пришли поговорить съ тобой.

Сара взглянула быстро на Авдотью Петровну.

— Скажи, Вѣрушка, ты имѣешь понятіе о намѣреніяхъ Лонскаго.

— О намѣреніяхъ Лонскаго? Безъ всякихъ предупрежденій, онъ вдругъ объявилъ мнѣ, что счастіе его зависитъ отъ меня, отвѣчала Сара, нисколько не смутясь и спокойнымъ голосомъ.—Это показалось мнѣ и неожиданно, и странно.

— Что̀ жь ты отвѣчала ему?

— Отвѣчала, что я сама собой не располагаю, и отъ себя не завишу.

— Это очень умно. Но, Вѣрушка, въ подобныхъ случаяхъ и сердце не въ сторону.

— Авдотья Петровна, сердце такая загадка, что я не берусь отвѣчать за него.

— Ну, это спорное дѣло. Мы пришли рѣшить предложеніе твоимъ согласіемъ или несогласіемъ; а ужь твое дѣло рѣшать умомъ или сердцемъ. Черезъ свою тетку Лонскій проситъ твоей руки.

— Я ему сказала, что мое согласіе зависитъ отъ Марьи Ивановны.

— Маша, кажется это понятно; слѣдовательно дѣло и кончено. Поздравляю тебя, Вѣрушка, невѣстой.

— Поздравляю тебя! проговорила и Марья Ивановна, сдавивъ въ себѣ горькое чувство.—Покуда, однакоже, это останется въ семействѣ между нами тремя... потому что завтра поутру я ѣду къ сестрѣ... на именины, и пробуду нѣсколько времени...

— Да и Лонскій ѣдетъ, или уѣхалъ уже въ Петербургъ, и тамъ будетъ ожидать отвѣта на свое предложеніе, который я сего же дня сообщу Любови Ѳедоровнѣ. Прощай, Вѣрушка!..

Сара проводила своихъ гостей и сѣла подлѣ столика въ томъ же положеніи, какъ и при входѣ ихъ. Казалось, что ничего новаго онѣ ей не сказали, и въ чувствахъ ея ничего не измѣнилось.

XIII.

Въ узенькомъ, непроходимо-грязномъ переулкѣ, между Новинскимъ и Москвою-рѣкой, стоялъ на юру двухъэтажный каменный домъ, старинной постройки, съ деревянною, поросшею мохомъ, крышей. Штукатурка истрескалась, мѣстами отпала, и стѣны походили на истасканное рубище съ заплатами. Ворота этого дома постоянно были заперты и завалены грудами всякаго хлама. Для входа служила только находившаяся въ заборѣ скважина, гдѣ полусгнившая калитка давнымъ-давно повисла на одной петлѣ, и въ этомъ положеніи прочно утвердилась посреди выбрасываемой нечистоты. Со двора при домѣ былъ нѣкогда деревянный корридоръ съ окнами; но въ гнилыхъ рамахъ торчали уже только почернѣвшіе осколки стеколъ. На верхній этажъ круто вздымалась лѣстница безъ перилъ и съ половиннымъ числомъ ступеней. Нижній этажъ, заслоненный чѣмъ-то въ родѣ сопки еще съ дымящимися изверженіями, походилъ на пещеры, и въ него вели какія-то ущелья.

Внутренность верхняго этажа, измалеванная копотью, подъ навѣсами густой паутины, дѣлилась перегородками, холстинными ширмами и тряпичными занавѣсками, на множество коморокъ, отдѣленій, угловъ, проходовъ, тупиковъ и закоулковъ. Это былъ притонъ, издавна заселяемый нищими, калѣками, бродягами, потаскушками и разнымъ сбродомъ. Во всѣхъ грязныхъ ячейкахъ роились они какъ шершни, платя поденно, или за ночлегъ, ничтожную цѣну; но эта цѣна, по числу жильцовъ, была выгоднѣе всякаго найма, и

доставляла огромный доходъ и владѣтелю дома и съемщикамъ разныхъ его отдѣленій.

Къ подобной, богато-населенной фаланстеріи нельзя было не присосѣдиться *дому* питейному, харчевнѣ и трактиру, дворъ о дворъ, съ прямымъ сообщеніемъ черезъ калитку и въ лазейки развалившагося забора.

Съ ранняго утра все прокаженное населеніе фаланстеріи выползало изъ логовищъ своихъ, пробиралось черезъ калитку къ этимъ *заведеніямъ*, и отсюда уже слѣдовало на промыслъ въ городъ, и, вопервыхъ въ дома, гдѣ раздавалась ежедневная милостыня. Въ продолженіи дня, фаланстерія была почти пуста; но къ ночи, всѣ жильцы являлись какъ на сборный пунктъ снова въ сосѣдственныя заведенія, запертыя уже снаружи въ узаконенный часъ. Тутъ, по артелямъ, начинался счетъ и дѣлежъ, уплата съемщикамъ отдѣленій фаланстеріи и попойка.

Въ одинъ вечеръ, въ сторонній покой харчевни вошла женщина, въ капишонѣ и въ капотѣ, на ватѣ, сверхъ котораго накинутъ былъ на плеча старый, бумажнаго кашемира, платокъ. Глаза ея моргали и метали яркіе, неспокойные взгляды. Издали, она показалась бы довольно еще молодою, но темныя матежи по лицу и довременная дряхлость исказили наружность ея до безобразія.

Продрогнувъ до костей, она прижалась къ печи. Вслѣдъ за нею вошелъ какой-то подозрительный господинъ, въ фуражкѣ и въ легонькой собольей шубѣ, накинутой на изношенное пальто.

— Ага! проняло! сказалъ онъ, взглянувъ на женщину, которая подлѣ печи дрожала всѣмъ тѣломъ.—Эй! полштофа кизлярки!

— Вели, Яша, подать и мнѣ бутылочку пивца, проговорила женщина, осиплымъ голосомъ, стуча зубами.

— Нешто! Ну-ко пропой съ барабаномъ-то свою пѣсню, какъ бишь? ну, что свѣжи лимоны растутъ у васъ въ нѣмечинѣ. Валяй, Дуня!

— Мошенникъ ты эдакой!

— Нешто, мошенникъ; смотри-ко.

И съ этимъ словомъ, Яша вытащилъ изъ боковаго кармана атласную мантилью, обшитую блондами.

— Смотри-ко, повторилъ онъ,—а? знатная вещь?

— Вишь-ты, сказала женщина разсматривая мантилью.— Отдай мнѣ, чтò тебѣ въ ней.

— Такъ! а вѣдь еще тепленькая; только что съ барыньки, да еще съ какой красавицы! Народу, знаешь, много было у праздника, тѣснота; она и поспустила съ плѣчиковъ, дескать оченно жарко; а я и прислужился, принялъ, да и пошелъ горе мыкать. Изъ жары-то на морозъ—мочи нѣтъ! не пойдти ли погрѣться у продажи билетовъ въ театръ? Задумался, да и попалъ въ ложу, гляжу—шуба валяется. Примѣрялъ—впору, не нова, да тепла.

— Ужь подлинно живодеръ! сказала женщина.—Ну, угощай.

— А чтò ты думаешь, сегодня удача: двѣ шкуры снялъ. На! пей за мое здоровье!.. Ну, а ты чтó?.. даромъ прошлялась день-то? На похороны матери не даютъ? да больно часто хоронишь ты ее!

— Чтò жь, скажешь не при смерти она? а кормить-то надо чѣмъ покуда умретъ? Ходила, пѣла съ органомъ, да и голосъ отморозила!..

— Такъ проси на свадьбу себѣ, лучше будетъ; потомъ на родины, потомъ на крестины. Напади на какую-нибудь барыню, да въ ноги ей: ваше сіятельство, матушка-сударыня, пожалуйте окрестить ребенка! Не отставай да и только.

— А какъ согласится, да поѣдетъ?

— Эва! небось, ни одна не поѣдетъ, а изъ десяти одна *пожалуетъ*.

— Уменъ ты больно!.. Размѣняй-ко мнѣ чайную ложечку на деньги; жалко отдавать харчевнику, и половины цѣны не дастъ.

— Только-то и добыла?.. не вѣска. Вотъ тебѣ двугривенный.

— Давай три.

— Три такъ три.

Получивъ деньги, женщина взяла бутылку пива да бул-

ку, и пошла въ фаланстерію. Вся нищая братія, всѣхъ возрастовъ и половъ, уже собралась: всѣ логовища были уже заняты. Въ узкомъ проходѣ, мимо печки, стояла кровать покрытая войлокомъ. На ней сидѣлъ прикащикъ съемщика, и собиралъ деньги за постой и ночлегъ. Чередъ былъ просящимъ милостыню на погорѣлыхъ. Получивъ деньги, онъ отвелъ оборваннымъ женщинамъ, мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, уголъ.

По другую сторону печки, на лежанкѣ, жила Кирбитьевна, престарѣлая нищая лѣтъ во сто, и безъ умолку что-то бормотала. Кирбитьевна была у всѣхъ въ почетѣ и уваженіи, слыла за богатую-пребогатую; къ ней, въ случаѣ надобности, обращались какъ въ банкъ, и она давала деньги подъ общую поруку. Хоть съ голоду умирай, а Кирбитьевнѣ отдавай въ срокъ. За проценты обязывались ей носить пряники. Она кормила ими всѣхъ ребятишекъ, которые возились около нея, дрались, кувыркались, ходили на головѣ, повторяя:

— Бабушка Кирбитьевна, пожалуй пряничка!

Которые слишкомъ ей надоѣдали, на тѣхъ она шамшила:

— Чортовы вы внуки, а не мои, прости Господи!

За Кирбитьевной шелъ тупикъ къ окну. Здѣсь, на койкѣ, покрытой рубищемъ, сидѣла, поохивая, старая женщина въ чепцѣ, и что-то вязала деревянными иглами, довольствуясь, по вечерамъ, свѣтомъ плошки, которая стояла на всунутой между печными кирпичами дощечкѣ. Къ ней пробиралась та женщина, помоложе, о которой мы упомянули.

— Безсовѣстный ты человѣкъ, Дина! ушла, оставила мать! Куска хлѣба мнѣ не дала! проговорила желчно старуха нѣмецкимъ выговоромъ.

— Нѣтъ, такъ и нѣтъ, гдѣ взять. Добуду—хорошо, а не добуду и сама голодаю!

— Голодаешь! въ трактирѣ голодаешь!

— Ну, пошла опять ворчать! Брошу, да и уйду!

— Безсовѣстный человѣкъ!.. попеченіе, заботу имѣла, счастіе устроить хотѣла... думала вотъ будетъ дочь у меня богатая...

— Ну, ну, ну богатая! вымѣняла дочь на мѣдный грошъ, да сама и проѣла! ужь лучше бы молчать!

— Канальскій, ты неблагодарный человѣкъ!.. только булку и принесла? и чашки кофе не выбѣгала мнѣ цѣлый день!

— Поди, побѣгай сама!

— Скверная душа! заботы о матери нѣтъ! а гдѣ бы жила, еслибъ хозяинъ дома Иванъ Карловичъ не далъ мнѣ, бѣдной Бертѣ, этого угла?.. цѣлое одѣяло я вывязала изъ шерсти; цвѣтное одѣяло, хорошее; а за сколько ты его продала? гдѣ деньги-то?

Дина не отвѣчала ни слова. Налила себѣ стаканъ пива и выпила, налила другой и также залпомъ выпила.

— Гадкая дѣвка! что̀ жь ты принесла, да сама и выпила!

И старая Берта принялась плакать и охать. Ворчанье ее прерывалось только всхлипываніемъ.

— Ахъ проклятыя кошки! брысь подъ лавку! раздался за перегородкой грубый голосъ.—Мочи нѣтъ! всякую ночь брань да руготня!

— Чтобъ твоя дочь Сара острамила тебя, какъ ты страмишь мать свою!.. Чортъ смутилъ меня, отдать ее въ добрые люди! пусть бы грызлась съ своею матерью, да выцарапала глаза!

Озлобленная Берта замолчала; а Дина, прислушавшись къ послѣднимъ словамъ, казалось въ первый разъ вспомнила что у нея есть дочь.

— Гдѣ жь она? гдѣ моя Сара? у какихъ добрыхъ людей? спросила она вдругъ.

Съ намѣреніемъ ли старая Берта замолкла, или истомясь отъ сердца и слезъ забылась; но отвѣта не было.

Дина прилегла на другую койку, подперла голову рукой, и какія-то новыя, жадныя чувства и мысли пожирали ее и не давали сомкнуть глаза.

— Ты мнѣ скажи, гдѣ моя Сара! повторила она поутру матери, когда та очнулась отъ сна, и снова заохала:— слышишь? говори гдѣ моя дочь!

— Нѣтъ у тебя дочери, умерла твоя Сара! отвѣчала Берта охриплымъ голосомъ.

— Не правда! ты сама сказала, что отдала ее кому-то на воспитаніе.

— Поди ты отъ меня, проклятая!

— Проклинай, а подай мнѣ дочь мою!

— Ой, замучила меня, замучила! проговорила глухо Берта.

— Я не отстану отъ тебя, говори!

— Батюшки, дайте мнѣ хоть глоточекъ воды! все пересохло во рту!

Дина не трогалась съ мѣста на мольбу матери. Вдругъ пришла ей какая-то мысль въ голову, и она торопливо накинула на голову капишонъ свой и вышла изъ дому.

Изъ-подъ Новинскаго пробѣжала она Садовою улицей и бульварами къ Сухаревой башнѣ, и потомъ пробралась разными переулками къ прежней квартирѣ своей матери. Здѣсь, на мѣстѣ бывшаго небольшаго домика съ мезонизомъ, стоялъ уже каменный двухъэтажный домъ. Остановясь, Дина стала припоминать куда ей идти далѣе. Все перемѣнилось, заборы исчезли, повсюду красивые домики. Долго бродя, по соображенію разстоянія, изъ переулка въ переулокъ, она наконецъ остановила вниманіе на одномъ кривомъ переулкѣ, стала заглядывать во дворы и спрашивать, гдѣ тутъ живетъ бабушка Викторина. Никто и не слыхалъ о такой бабушкѣ. Наконецъ, въ глубинѣ одного двора, между двухъ одноэтажныхъ каменныхъ домовъ, замѣтила она двухъ-этажный деревянный съ знакомою лѣстницей на крытое крыльцо.

— Бабушка, не здѣсь ли живетъ Викторина Ивановна? спросила Дина старуху, которая шла изъ сарая съ вязанкой дровъ.

— Викторина Ивановна? Здѣсь, сударыня моя; что̀ тебѣ до нея?

— Поговорить надо мнѣ съ ней.

— Посовѣтоваться что̀ ли? спросила старуха, осматривая одежду и истощенную наружность Дины.—Поди, поди, посовѣтуйся. Ты знать больна?.. Ремесло-то свое Викторина Ивановна давно оставила; а посовѣтовать—посовѣ-

туетъ. Ступай на крыльцо, въ сѣняхъ налѣво дверь; чай, она встала.

Дина поднялась на лѣстницу, вошла въ сѣни, пріотворила дверь, прислушалась, вошла въ переднюю, и подала голосъ.

— Можно войдти, Викторина Ивановна?

— Кто тутъ? раздался звонкій, пріятный голосокъ.

Дина пріотворила двери въ знакомую намъ маленькую гостиную. Все какъ вчера; а между тѣмъ прошло почти двѣнадцать лѣтъ. Портретъ Викторины въ локонахъ и въ набивной шали на плечахъ висѣлъ на томъ же мѣстѣ, противъ входа. Но навстрѣчу Динѣ вышла не Викторина, а молоденькая дѣвушка, поразительно-милой наружности. Густые свѣтлорусые локоны осѣняли ея нѣжное, румяное лицо, густыя брови и длинныя рѣсницы придавали плѣнительную томность ея большимъ синимъ глазамъ. Взоръ былъ ясенъ; улыбка высказывала чистое, не затронутое еще черными мыслями воображеніе. Она была одѣта въ темное одноцвѣтное мериносовое платье съ пелеринкой; но видя ее, никто бы не обратилъ вниманія на ея нарядъ.

— Викторина Ивановна дома? спросила Дина, всматриваясь въ нее своими впалыми черными глазами.

— Не угодно ли вамъ войдти и присѣсть? сказала дѣвушка добродушнымъ, привѣтливымъ голосомъ.—Она сейчасъ выйдетъ.

И она пошла въ спальню, чтобы сказать Викторинѣ, что ее желаетъ видѣть какая-то женщина.

Викторина тотчасъ же вышла; но это была уже пожилая старушка въ чепцѣ и черной мантильѣ.

— Ни я васъ не узнаю, Викторина Ивановна, ни вы меня не узнаете, сказала Дина.

— Прошу васъ напомнить мнѣ, я стала безпамятна.

— Вы были дружны съ моею матушкой, Бертой; можетъ-быть вспомните ея дочь, Дину.

Викторина не порадовалась напоминанію этого знакомства.

— Да и вы перемѣнились, сказала она; — впрочемъ, много прошло времени съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. Жива ли и здорова ли матушка ваша?

— Жива, но постоянно больна, почти при смерти... Она поручила мнѣ кланяться вамъ... я съ своей стороны также пришла поблагодарить васъ за то, что вы пристроили мою дочь Сару.

Это вступленіе смутило Викторину.

— Что̀ могла, то и сдѣлала по просьбѣ вашей матери, отвѣчала она.

— Матушка совсѣмъ стала безпамятна, не помнитъ даже и фамиліи господъ, къ которымъ вы отдали Сару; такъ я васъ прошу, Викторина Ивановна, сказать мнѣ адресъ. Хочется взглянуть на дочь, такъ душа и проситъ.

— Я въ то время говорила Бертѣ, сказала съ тревожнымъ чувствомъ Викторина,—на какихъ условіяхъ берутъ ребенка... мнѣ поручено было найдти полную сиротку, которую желали принять вмѣсто дочери... Берта отреклась отъ Сары и за васъ, Дина.

— Съ какой же стати мнѣ отрека́ться отъ дочери своей! Извините, Викторина Ивановна, у меня тоже есть материнское сердце! я непремѣнно желаю видѣть Сару! Прошу васъ сказать мнѣ у кого она.

— Этого я не знаю, отвѣчала Викторина, — одинъ докторъ просилъ меня, но для кого—неизвѣстно. За Сарой пріѣхали, взяли отъ меня, и съ тѣхъ поръ не мое уже дѣло было заботиться о ней.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, Викторина Ивановна, это̀му не повѣрить. Не съ того вы начали. Вамъ очень хорошо извѣстно у кого Сара на рукахъ, потому что за подобныя порученія—пріискать полныхъ сиротокъ—платятъ большія деньги; а выдавать дочь мою за полную сиротку я не позволю, пока жива!

— Такихъ низкихъ предположеній обо мнѣ я не ожидала отъ васъ, Дина, проговорила затронутая Викторина.

— А я никакъ не ожидала, чтобы вы изволили продавать чужихъ дѣтей за полныхъ сиротъ!.. Прошу васъ объявить мнѣ гдѣ Сара!

Сердце Викторины сильно забилось, лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ. Сказать безумной женщинѣ гдѣ ея дочь значило открыть всю бѣдовую тайну, которая

хоть и лежала на душѣ Викторины, но успѣла уже отъ времени потерять всю тяжесть свою, и оправдаться истинно материнскою любовью къ Вѣрочкѣ.

— Еслибъ я знала, мнѣ не для чего было бы таить отъ васъ, Дина, отвѣчала она, собравшись съ духомъ; — развѣ только для того чтобы не нарушить счастія Сары. Столько уже лѣтъ она воспитывается въ семействѣ какъ родная дочь, а вы вдругъ оторвете ее отъ привычныхъ чувствъ.

— Прекрасно! я буду уступать другимъ права на любовь моей дочери!.. я хочу сама ими пользоваться! и не отстану, покуда не скажете мнѣ у кого она!.. я буду требовать отъ васъ дочь мою черезъ полицію.

— По какимъ же документамъ? какая дочь? отъ кого?— спросила раздраженная словами Дины Викторина.

— Это не ваше дѣло!

— Конечно не мое. Вы и вытребуйте откуда слѣдуетъ свидѣтельство о замужствѣ, выписку изъ метрическихъ книгъ о рожденіи дочери, и представьте ихъ въ полицію съ своимъ требованіемъ.

— Вы безсовѣстно поступаете со мной, Викторина Ивановна! продали мою дочь и воспользовались всѣми вознагражденіями!... Конечно, я въ несчастномъ положеніи.... но вы должны подумать, что на моихъ рукахъ умирающая мать!

— Вознагражденій я никакихъ не имѣла; но еслибы вы просили у меня просто помощи,—о, это другое дѣло.

— Мы съ голоду умираемъ, за̀ квартиру платить нечѣмъ.... проговорила Дина, отирая сухіе глаза свои шейнымъ платкомъ.

— Берта стара, а вы къ труду не привыкли—безъ сомнѣнія безнадежная участь. Помогать я готова чѣмъ могу. Вотъ, отдайте Бертѣ отъ меня.

Викторина вынула изъ стола бумажку и подала Динѣ.

Глаза Дины загорѣлись на красную ассигнацію. Какъ будто увѣренная, что Викторина по ошибкѣ даетъ ее, она торопливо выхватила изъ рукъ ея, положила въ прорѣзной карманъ капота, и проговоривъ: „прощайте, Викторина Ивановна,“ вышла.

Она побѣжала домой видимо занятая какою-то новою, поджигающею мыслью. Не доходя до фаланстеріи, свернула въ переулокъ, и вошла въ калитку небольшаго, довольно опрятнаго домика.

— Степанида Михеевна дома? спросила она, заглянувъ въ дверь.

— Дома, дома! кому дѣло? отозвалась плотная женщина въ ситцевомъ платьѣ съ повязанною платкомъ головой.— А! Дуня кофейница! что, должокъ принесла?

— Нѣтъ, не должокъ, а съ васъ еще потребую, Степанида Михеевна! отвѣчала Дина.

— За какія это немилости?

— А есть у меня на примѣтѣ такой товарецъ, какого вы и во снѣ не видали!... Степанида Михеевна дорого заплатитъ мнѣ за указъ.

— А велико приданое?

— На милліонъ красоты.

— Вишь ты! На такую невѣсту надо пріискать салтана турецкаго. Ну да ладно, говори кто такая!

— И не подумаю говорить! А зашла только съ радости, похвалиться, что напала на такую красоту, что иной голубчикъ всего отцовскаго богатства не пожалѣетъ!

— Да говори, говори; посмотримъ, да на всякій случай въ списокъ внесемъ.

— И не подумаю говорить! придетъ случай, поклонитесь, да напроситесь; а не то я и сама найду сбыть.

— Ну, полно; должокъ прощу, да вотъ тебѣ еще и на кофей.

— Покорно благодарю! Сто рублей за указъ, да сто какъ дѣло сдѣлается.

— Ахъ ты, прокуда эдакая! Пошла, донашивай ошметки-то свои!

— Ужь я вамъ говорю, Степанида Михеевна, что поклонитесь мнѣ! Прощайте!

— Прощай, голубушка! да должокъ-то, должокъ!

Отъ свахи Дина побѣжала въ трактиръ, велѣла подать порцію кофею и бѣлый хлѣбъ и понесла къ матери.

— Покушайте-ка, вы истомились, сказала она ей лас-

ково, противъ обыкновенія,—насилу кое-что добыла вамъ на кофей.

Старая Берта такъ обрадовалась кофею, что изъ глазъ ея выступили слезы, и она обняла Дину.

— Виновата, Дина, право виновата, что роптала на тебя. Думала, что у тебя и заботы нѣтъ объ матери.... Вотъ, ужь ровно двѣ недѣли чашки ячменнаго кофею не было во рту, не то что настоящаго, да еще и со сливками и съ французскимъ хлѣбомъ!... Господи, какой вкусный, прекрасный кофей!

— Былъ бы у насъ каждый день кофей, жили бы мы въ довольствѣ, не хуже Викторины, еслибы мы знали, кому она отдала мою Сару.... Викторина получаетъ за нее огромную пенсію, а мы живемъ нищими.

— Неужели она получаетъ за Сару пенсію? Ахъ она безчестная!... Не даромъ же она утаила отъ меня, кому отдала Сару!... Мнѣ и въ голову не пришло!... ай, ай, ай! И имя то перемѣнила Сарѣ съ намѣреніемъ, назвала Вѣрочкой... видишь, говоритъ, Сара некрещеное имя...

— Видите, какъ обманула она насъ... я думала что Сары и на свѣтѣ нѣтъ, а какъ вы сказали, что она жива, я къ Викторинѣ, спрашиваю: у кого Сара—ни за что̀ не говоритъ. Я тотчасъ поняла въ чемъ дѣло.

— Безсовѣстная! отдала Сару богатымъ бездѣтнымъ господамъ вмѣсто дочери, и пенсію за нее получаетъ!... Постой, постой, не припомню ли я... Когда она отвозила ее въ каретѣ, я тутъ была... лакей сказалъ кучеру: ступай къ Страшно́му монастырю.... Какъ онъ господъ-то назвалъ?... Постой....

— Около Страшна́го монастыря?.. Староста нашъ всю Москву знаетъ.... Илья Кириловичъ!

— Ну?

— Скажи пожалуста, чьи дома господскіе подлѣ Страшна́го монастыря?

— А мало ли тутъ господскихъ домовъ, отвѣчалъ грубый голосъ изъ угла по другую сторону печки,—тутъ есть, вотъ слушай....

И онъ высчиталъ нѣсколько фамилій, которыя Дина повторяла матери.

— Лиговскихъ... постой... Лиговскихъ, Лиговскихъ! кажется такъ... да такъ, помнится, такъ!

— Богатые господа Лиговскіе? спросила Дина у старосты.

— Да еще какъ! У меня тамъ, года три назадъ, служилъ племянникъ, Вася.... Богатый домъ!

— Ты стало-быть въ немъ бывалъ?

— Еще бы.

— А кто въ семействѣ-то?

— Баринъ съ барыней, двѣ дочери....

— Двѣ дочери?

— Да, двѣ дочери, да воспитанница, сродни что̀ ли, сирота... ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; а знатная барышня, суровая такая...

— Двѣ дочери и сирота, повторила Дина.

— Вѣрно не тѣ, сказала Берта,—тѣ бездѣтные... а фамилія такъ, какъ теперь слышу: ступай, говоритъ, въ домъ Лиговскихъ.

— Завтра же схожу. Викторина вѣрно солгала... Завтра же все распознаю!

— Сару я тотчасъ бы узнала, прибавила Берта,—глаза ястребиные, какъ у отца, какъ теперь гляжу; да и въ тебя есть что-то, Дина.

XIV.

Послѣ объясненія съ Сарой, Марья Ивановна и тетка ея вошли въ залу, гдѣ Лидія и Сонечка разыгрывали вдвоемъ какую-то новую сонату.

Онѣ вскочили и бросились къ Авдотьѣ Петровнѣ.

— Что̀ жь это, Маша, въ самомъ дѣлѣ ты ихъ увозишь отъ праздниковъ? сказала Авдотья Петровна, цѣлуя внучекъ.

— Что̀ жь дѣлать, тетушка! Кузина напоминаетъ мое обѣщаніе быть у нея на именинахъ.

— Мы ѣдемъ къ тетушкѣ? вскричала удивленная Сонечка.

— Ахъ, какъ я рада! сказала Лидія.

— Ну, всѣ разъѣзжаются. Мои сосѣди ѣдутъ, боятся что дорога испортится. Мазуристъ Лонскій уѣхалъ.... Вотъ тебѣ и балы!

Лидія съ трудомъ перевела вздохъ; но ей какъ будто легче стало на сердцѣ.

— Какъ я рада, что мы ѣдемъ, повторила она.—Какъ мнѣ надоѣли эти балы, эти визиты!

— А мнѣ не надоѣли! отозвалась Сонечка.

— Я бы готова навсегда отказаться отъ нихъ. Мнѣ дома всегда гораздо веселѣе.

— Обними меня, душка моя, ты вся въ твою бабушку, не любишь разсѣянной жизни.

— Вотъ, бабушка, вы меня и обидѣли, за то что я люблю удовольствія, сказала Сонечка, цѣлуя руку у Авдотьи Петровны,—виновата ли я въ этомъ?

— У каждой свой талантъ, свои наклонности; я и не обвиняю тебя въ этомъ. Люби что̀ любится, только съ умомъ, а не безъ памяти.

— А я, бабушка, думала, что надо любить все до тѣхъ поръ покуда устанешь любить.

— Ну, такъ, такъ, до тошноты. Вотъ, еслибы ты имѣла понятіе о пьянствѣ, такъ я бы тебѣ нашла съ чѣмъ сравнить всѣ наши свѣтскія разсѣянія и удовольствія. Они тотъ же хмѣль; пьяному отъ нихъ также море по колѣно.

Простясь съ племянницей и со внучками, Авдотья Петровна уѣхала. Марья Ивановна стала собираться въ дорогу, и на другой день, поручивъ Сарѣ заботы объ Иванѣ Артемьевичѣ и о домѣ, отправилась съ дочерьми въ и̇мѣніе двоюродной сестры, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы. Иванъ Артемьевичъ пораженъ былъ до отчаянія этою поѣздкой жены.

— Помилуй, Марья Ивановна, да что̀ жь это? на праздники?

Но Марья Ивановна торопилась и какъ будто второпяхъ не слыхала возраженій мужа.

— Вотъ, насъ и оставили однихъ! и такъ неожиданно! сказалъ Иванъ Артемьевичъ Сарѣ, проводивъ отъѣзжающихъ до крыльца и возвратясь въ комнаты съ раскинутыми отъ удивленія руками.—Добро бы на великій постъ, послѣ масляницы!.. Вѣдь у насъ пріемные дни, я намѣревался дать обѣдъ, танцовальный вечеръ для вашего удовольствія... а теперь... сиди дома и скучай!

— Но вѣдь вашу партію не увезли съ собой, сказала Сара.

— Но я люблю, чтобъ около меня все шумѣло, веселилось. Я привыкъ, чтобы меня окружали.

— Для чего же вамъ отвыкать отъ вашихъ привычекъ? Что̀ вамъ мѣшаетъ приглашать кого угодно на обѣдъ, на вечеръ?

— Но надо всѣмъ распорядиться; а безъ Марьи Ивановны что̀ жь мы вдвоемъ съ тобой сдѣлаемъ? Надо faire les honneurs de la maison, мало ли...

— Для чего же меня оставили здѣсь? Мнѣ поручено хозяйство, и все это не такъ трудно, какъ вы думаете; притомъ же все въ домѣ идетъ какъ заведенные часы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ ты справишься похозяйничать?

— Надѣюсь, что вы будете довольны.

— По вторникамъ постоянно обѣдаютъ у насъ человѣкъ до двадцати, по четвергамъ и субботамъ съѣзжаются на вечеръ,—нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, запереть двери! Вотъ и сегодня пріемный день; кто жь знаетъ, что Марья Ивановна уѣхала? Надо принять... и пожалуста не экономь, я не люблю...

— Все будетъ, какъ было, и вы ни о чемъ не безпокойтесь, сказала Сара.

— Ну, смотри же, Вѣра Михайловна, я на тебя полагаюсь; я поѣду, а ты всѣмъ распорядись.

Успокоенный, Иванъ Артемьевичъ, отправился въ свое засѣданіе; а Сара велѣла призвать къ себѣ дворецкаго, буфетчика и повара.

— Сегодня также будутъ гости, сказала она имъ:—надѣюсь, что я не буду отвѣчать за какой-нибудь недостатокъ, и все будетъ отлично приготовлено.

Во время распоряженій объ ужинѣ, Сарѣ подали записку и посылку отъ Авдотьи Петровны.

— Сейчасъ дамъ отвѣтъ, сказала она, уходя въ свою комнату.

„Милая Вѣрушка, писала Авдотья Петровна,—посылаю письмо Любви Ѳедоровны Лонской, и присланный для передачи тебѣ подарокъ отъ жениха. Твоя доброжелательная...“

Запечатанный въ бумагу подарокъ заключался въ бархатномъ футлярѣ, съ превосходнымъ яхонтовымъ, осыпаннымъ бриллiянтами уборомъ.

Сара раскрыла футляръ, взглянула сперва обычнымъ своимъ невнимательнымъ взоромъ на вещи; но какъ будто родство блеска бриллiянтовъ съ блескомъ ея глазъ невольно остановило этотъ взоръ и заставило ее пристальнѣ всмотрѣться въ глубину драгоцѣнныхъ камней.

Она сняла съ бархата ферроньеръ и одну серьгу, подошла къ зеркалу, приложила ко лбу и локону, и, забывшись, вспыхнула удовольствіемъ.

Лонская писала къ ней:

„Милая Вѣра Михайловна, согласіемъ своимъ осчастли-

вить моего племянника вы порадовали мое сердце. Алеша боялся ждать здѣсь рѣшенія судьбы своей, и уѣхалъ въ Петербургъ; къ тому же и отсрочка его кончилась. Я уже отправила къ нему эстафету. Время до Святой ему покажется цѣлымъ вѣкомъ. Между тѣмъ, посылаю вамъ отъ его имени маленькій подарокъ. Мнѣ очень непріятно, что объявленіе о сговорѣ отложено, по случаю отъѣзда Марьи Ивановны, до Святой; потому что мы могли бы ежедневно видѣться, и я бы васъ часто увозила къ себѣ. До свиданія, дорогая Вѣра Михайловна.“

Сарѣ необходимо было отвѣчать; но отвѣчать по-русски Сара совершенно затруднялась. Во время ученія, на русское письмо такъ мало обращалось вниманія, что она не умѣла даже взять въ руки пера по-русски. Во все время воспитанія ей не случалось даже записывать по-русски счетъ бѣлья.

Сара написала въ отвѣтъ очень милое письмо по-французски. Отправивъ его, она взглянула еще разъ на драгоцѣнный нарядъ и спрятала футляръ въ комодъ. Взяла книгу; но романъ Дюма показался ей скученъ. Взяла рабочую корзинку; пошла въ любимый свой *тингъ*, или китайскую залу; но посреди безмолвной тишины, пестрые китайскіе мудрецы, съ длинными усами, стоявшіе по всѣмъ угламъ и простѣнкамъ, пестрый фарфоръ, пестрая мебель, пестрыя занавѣски, съ чудовищными изображеніями и извивающимися драконами, произвели на нее въ первый разъ непріятное впечатлѣніе. Фо-хи, съ маленькими рожками на головѣ и съ разбросанными космами, вытаращилъ на нее глаза, и указывалъ на таинственные знаки, начертанные на лежащей передъ нимъ хартіи. Кунгъ-узы, похожій на ученую моську въ шляпѣ, сложивъ лапки, вооруженныя когтями, также смотрѣлъ на Сару, и какъ будто собирался говорить ей нравоученіе. Худощавый, лысый, съ торчащею клиномъ бородой, Фу-шенгъ, окутанный въ полость, приподнялъ съ угрозой свой костыль.

Сара съ отвращеніемъ взглянула на чудовищъ, наставляющихъ человѣчество въ добродѣтели, и вышла изъ ихъ тинга въ слѣдующую комнату; но и здѣсь портреты предковъ

Ивана Артемьевича и Марьи Ивановны молча уставили на нее со всѣхъ сторонъ глаза. Ей показалось, что всѣ они нѣмыми взорами спрашивали: кто это такая?

Въ обширной и высокой столовой залѣ, казалось, ей свободнѣе было дышать. Мраморныя холодныя стѣны освѣжали ея горячее дыханіе, пустота болѣе согласна была съ ея чувствами. Какая-то безпокойная, безпріютная пустота была и въ ея мысляхъ. Передъ ней тянулось безконечное однообразное время. Воображеніе ея не привыкло рисовать на этой основѣ отрадныя картины будущности, сбывающихся желаній и надеждъ. На всемъ лежала холодная дума изморозью и туманомъ. Идти навстрѣчу счастію ей казалось низко, и послѣ предложенія своего Лонскій какъ будто потерялъ всю свою цѣну въ ея глазахъ. Вмѣсто нетерпѣливыхъ, страстныхъ чувствъ невѣсты, ее безпокоила наставшая тишина требующая нѣжнаго любящаго сердца, а не сердца задорнаго, понимающаго наслажденіе только въ борьбѣ и побѣдѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сарѣ хотѣлось скорѣе вырваться изъ дома Лиговскихъ. Послѣ разговора съ карликомъ Митей, раздраженное самолюбіе томило ее и часто готово было вспыхнуть при малѣйшемъ неосторожномъ словѣ Марьи Ивановны. Только мысль стать на одну доску съ презрѣннымъ глупымъ существомъ, съ уродливымъ карликомъ, мгновенно тушила всякій порывъ высказаться.

Проводивъ Марью Ивановну, Сара проговорила про себя:

— Ея и не было здѣсь для меня; но легче не видѣть даже и призрака!

Ввечеру, когда явились обычные гости, привыкшіе вистовать по вторникамъ и субботамъ у Лиговскихъ, Иванъ Артемьевичъ представилъ всѣмъ свою временную молодую хозяйку. Князь Иванъ Юрьевичъ былъ тутъ же, и восхищался любезностію и предупредительностію, которыми Сара умѣла всѣмъ угодить.

Въ отсутствіи жены, Иванъ Артемьевичъ былъ требовательнѣе относительно угощеній; то не худо бы того, то не худо бы этого; то подай зельцерской, то нѣтъ ли у насъ, Вѣрушка, шипучей водицы; то не мѣшало бы выпить ро-

зоваго шампанскаго. И все немедленно являлось; а между тѣмъ картежницы-старушки, обложенныя роскошными плодами, макали бисквитки въ рюмочки lacrima Christi, и кушали чай съ соломкой и paté de la reine.

Новое хозяйство Ивана Артемьевича чрезвычайно всѣмъ понравилось. Безъ Марьи Ивановны, нѣсколько церемонной и экономной, и Иванъ Артемьевичъ и всѣ гости были какъ-то развязнѣе, на всѣхъ столахъ былъ розыгрышъ, и никому не на что было пожаловаться. Честь и слава разумѣется пали на временную хозяйку, которая заставила всѣхъ забыть отсутствіе настоящей.

Во время масляницы, молва о пуховыхъ блинахъ Ивана Артемьевича разнеслась по всей Москвѣ.

Насталъ постъ; но во время поста есть своего рода роскошь.

— Помилуй, Иванъ Артемьичъ, право пріѣдешь къ тебѣ точно какъ на розговѣнье! говорили и Варвара Александровна, и Анна Петровна, и Катерина Ѳедоровна строго воздержныя во всемъ, кромѣ споровъ въ игрѣ и пересудъ ближняго.

Для Сары это хозяйство и пріемы, les honneurs de la maison, были развлеченіемъ; но все остальное время, въ уединеніи, казалось какимъ-то невыносимымъ затворничествомъ. Ей наскучило и сидѣть въ своей комнатѣ, и бродить по пустыннымъ комнатамъ; только и было ей отрады выѣзжать прогуливаться.

Получивъ, черезъ Авдотью Петровну, длинное письмо отъ Лонскаго, полное изліяній пламенныхъ чувствъ и нетерпѣливаго ожиданія счастливѣйшей минуты, когда онъ будетъ имѣть право назвать ее своею, Сара поѣхала къ Авдотьѣ Петровнѣ.

— Я не знаю, сказала она ей,—должна ли я отвѣчать что-нибудь на это письмо.

— Отчего же не отвѣчать жениху? имѣешь полное право.

— Но что̀ жь мнѣ отвѣчать на эти фразы?

— А ты что̀ жь бы хотѣла отъ жениха? Философской диссертаціи о супружествѣ? Что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ и пишетъ.

— Но я не въ состояніи отвѣчать въ этомъ родѣ; это будетъ похоже на пересылку конфетъ; онъ мнѣ будетъ присылать петербургскихъ, а я ему московскихъ.

Авдотья Петровна усмѣхнулась.

— Положимъ, Вѣрушка, что это лакомства; но душа ихъ любитъ. Союзъ и любовь не живутъ безъ взаимной ласки и нѣжности.

— Я этихъ сластей не люблю.

— Ну, извини; а я тебѣ скажу, что въ тебѣ все есть, а чего-то недостаетъ.

— Можетъ-быть не достаетъ того, чего мнѣ не дали.

— Можетъ-быть, сказала Авдотья Петровна, подумавъ и взглянувъ на Сару.—Но жизнь, моя милая, холодна сама по себѣ, и согрѣвается только любовью и дружбой; а для этого надо имѣть любящее сердце.

— Но можетъ-быть и сердце требуетъ науки любить; а если о немъ никто не заботился?

— Можетъ-быть, повторила Авдотья Петровна,—только ужь по вашему, по теперешнему, его надо учить какой-то особенной наукѣ любить; а по нашему, по старому, оно самоучка; а вотъ, не помути Богъ разума, это и по нашему и по вашему.

Сара замолчала.

— Отвѣчать я право не могу, сказала она, возобновивъ рѣчь о письмѣ.—Сдѣлайте одолженіе, Авдотья Петровна, передайте на словахъ, или запиской, теткѣ Лонскаго, что мнѣ пріятно было получить его письмо, и что я раздѣляю его чувства и желанія.

— Пожалуй; это нѣкоторымъ образомъ и умно, потому что до объявленія сговора можно и подождать вести нѣжную переписку.

Сара отправилась домой.

Между тѣмъ карликъ Митя сидѣлъ на прилавочкѣ у воротъ, близь подъѣзда съ улицы. Напуганный Сарой, онъ какъ будто разлюбилъ свою барышню, и думалъ только о томъ, скоро ли пріѣдетъ князь Михайло Васильевичъ. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи, онъ часто выходилъ за ворота и посматривалъ то вправо, то влѣво.

— Позволь, голубчикъ мой, присѣсть отдохнуть, проговорила шедшая мимо женщина въ капорѣ и салопишкѣ,— мочи нѣтъ какъ устала.

Это была Дина.

— Садись пожалуй, отдохни, отвѣчалъ Митя, взглянувъ на ея утомленную наружность.

— Это чей домъ-то?

— Лиговскихъ.

— Лиговскихъ?.. А! такъ вотъ домъ-то господъ Лиговскихъ!.. Я частенько слыхала о господахъ Лиговскихъ... добрые, богатые господа... Только не знаю, тѣ ли это, у которыхъ воспитывается дочка одной моей знакомой...

— Чья дочка? спросилъ вдругъ Митя, выведенный изъ задумчивости этими словами.

— Одной бѣдной женщины.

— Кто она такая? снова спросилъ забывчиво Митя, какъ будто добиваясь въ свою очередь узнать что-нибудь о матери барышни своей.

— Ужь разумѣется, что не какая-нибудь простая женщина; а честной фамиліи изъ Вѣны. Была красавица, и вышла замужъ за богатаго человѣка, да несчастливо. Этотъ злодѣй бросилъ ее, уѣхалъ, да и помину нѣтъ. На рукахъ осталась дочь; все что̀ имѣла прожила, пришлось отдавать дѣвочку въ добрые люди на воспитаніе... теперь чай ей ужь осьмнадцать лѣтъ.

Митя такъ пораженъ былъ этимъ разказомъ о матери дѣвочки отданной на воспитаніе въ домъ Лиговскихъ и сходствомъ лѣтъ, что глухо простоналъ; но несмотря на это, душа его не вынесла недоброй мысли о князѣ Михайлѣ Васильевичѣ.

— Не можетъ быть! крикнулъ онъ, взглянувъ на Дину какъ на какое-то страшное видѣніе.

— Вотъ, выдумывать я стану! Мать Сары слава Богу жива, да и та женщина, которая отдавала Сару къ господамъ Лиговскимъ, живехонька.

— У господъ Лиговскихъ не Сара воспитывается, голубушка! Здѣсь нѣтъ никакой Сары! сказалъ успокоенный Митя.

И съ этими словами, увидавъ подъѣзжавшую къ крыльцу карету, онъ вскочилъ съ лавочки и побѣжалъ къ подъѣзду.

Дина бросилась вслѣдъ за нимъ и стала противъ дверецъ кареты, изъ которой вышла Сара.

— Сударыня, пожалуйте что-нибудь бѣдной... матери, проговорила она запыхавшимся голосомъ, уставивъ глаза на Сару.

Сара остановилась, взглянула на нее съ отвращеніемъ и подала знакъ человѣку, чтобъ оттолкнулъ нищую.

— Пошла прочь! крикнулъ выѣздной, схвативъ Дину за руку и сдернувъ съ крыльца.

— Мошенникъ! вскричала она, схватясь за перила.

Между тѣмъ Сара вышла на крыльцо и двери захлопнулись вслѣдъ за Митей, который шелъ за ней.

— Что жь, откладывать что ли? спросилъ самъ себя кучеръ.

— Скажи, голубчикъ, кто это такая гордыня пріѣхала?

— Гордыня? Гордыня-то гордыня.

— Кто жь она такая, эта госпожа?

— Эва! госпожа! кто такая! да и всего-то воспитанница господская.

— А какъ зовутъ ее?

— Какъ зовутъ? Вѣра Михайловна да Вѣра Михайловна, такъ всѣ и знаютъ ее въ домѣ, отвѣчалъ кучеръ, отъѣзжая отъ крыльца.

— Вѣра Михайловна! эта гордыня—моя Сара! проговорила она сжимая руки и вывертывая ихъ.—Она!.. мнѣ не узнать Сары?.. А суровые-то глаза, отцовскіе-то глаза сожгли меня; такіе глаза, какъ у Натана въ сердцахъ, только у чорта!.. Мнѣ не узнать отродья его?.. Узнала... Проклятый, заставилъ родную мать просить милостыню у дочери!.. А подала она? подала?.. чѣмъ угостила нищую мать свою? подзатыльникомъ!.. постой же, отцовская дочь! я выжму изъ тебя душу!

И озлобленная Дина побѣжала троттуаромъ вдоль по улицѣ.

XV.

Фамилія Луцкихъ-Сборицкихъ принадлежала къ одному изъ тѣхъ знаменитыхъ родовъ, которые переселились изъ Червонной Руси, во время польскаго преобладанія, когда папежъ вводилъ унію. Этотъ родъ, по общему повѣрью, всегда отличался наслѣдственными достоинствами своими— благодушіемъ и благовидностію. Но развѣтвленіе его быстро сократилось въ началѣ настоящаго столѣтія. Единственною страслью, по мужескому колѣну, остался князь Василій. Совершивъ съ честью послѣдніе суворовскіе походы въ Италію, онъ вышелъ въ отставку и женился на старшей изъ двухъ сестеръ, Горелинскихъ, славившихся красотой. Младшая вышла въ то же время, по страсти, за Чарудатова, молодаго человѣка съ большими способностями цѣпляться и карабкаться на высоту, ловко пробиваться сквозь толпу впередъ, и придавать себѣ значеніе. Сестры были дружны между собой; но неравенство замужества бываетъ часто помѣхой и дружбѣ и родству; и еслибы самъ Чарудатовъ не дорожилъ родствомъ съ княжескимъ родомъ, то страдавшее самолюбіе супруги его отдалило бы ее совершенно отъ сестры княгини. Для нея было невыносимо являться въ княжескомъ домѣ какой-нибудь титулярною совѣтницей, не имѣющею ни помѣстья, ни собственнаго дома, ни даже собственной дачи. Сверхъ того, въ то время бронзовые фермуары и браслеты, поддѣльные камни и жемчугъ, не выступали еще на одну доску съ настоящими; а показаться въ свѣтъ съ какою-ни-

будь томпаковою, украшенною крошечными камешками, вывѣской явнаго несостоянія, было невозможно.

Чарудатовъ однакоже довольно успокоилъ жену свою въ этомъ отношеніи. Покуда она сказывалась то больной, то нездоровой, онъ, посредствомъ того же родства съ домомъ Луцкихъ, пролѣзъ сквозь щель въ большой свѣтъ, заявилъ вездѣ достоинства угоды и услужливости, и въ непродолжительномъ времени очутился на сценѣ камеръ-юнкеромъ и въ одно и то же время правителемъ канцеляріи въ одномъ вѣдомствѣ, завѣдывающимъ дѣлами въ другомъ, членомъ комитета въ третьемъ, предсѣдателемъ коммиссіи въ четвертомъ, исправляющимъ должность вице-президента въ пятомъ, чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ шестомъ, и повсюду жалованье, интересныя отношенія, чины и награды. И вотъ, никто еще не успѣлъ оглянуться, а Чарудатовъ сталъ уже и самъ вліятельнымъ лицомъ и сильнымъ ходатаемъ по какому угодно дѣлу.

Луцкіе давно уже жили на покоѣ въ Москвѣ, утѣшаясь единственнымъ своимъ сыномъ, и съ любовію занимаясь его воспитаніемъ; а Чарудатовъ сталъ на ногу разумѣется въ Петербургѣ. Какъ внимательный родственникъ, онъ предложилъ князю Василію Григорьевичу озаботиться о службѣ его сына и дать ему ходъ.

Князь однакоже желалъ, чтобы сынъ служилъ въ военной службѣ; а княгинѣ хотѣлось, чтобъ онъ служилъ по статской, при дядѣ; она не любила даже разказовъ о войнѣ и сраженіяхъ.

— Вѣдь онъ у насъ одинъ и послѣдній въ родѣ: какъ же мы будемъ подвергать его опасностямъ, гдѣ жизнь на волоскѣ.

— И я былъ послѣдній въ родѣ, и несмотря на это служилъ подъ ядрами и пулями, и благодаря Бога вышелъ изъ огня живъ и здоровъ. А что касается до опасностей, то во всякой службѣ есть свои непріятели, да еще бьютъ изъ-за угла. Мы предоставимъ Мишѣ на волю выбирать себѣ службу.

Княгиня согласилась, благословила сына, и онъ отправился въ Петербургъ.

Когда молодой князь Михайло явился къ теткѣ, она рекомендовала его мужу, велѣла дочери своей Цециліи поцѣловать своего cousin, дала вечеръ и представила своего племянника prince Michel, всему чиновному міру.

Хорошо воспитанный, безъ тщеславія и полный понятія объ истинномъ достоинствѣ человѣка, молодой Луцкій былъ пораженъ этимъ очарованнымъ сценическимъ кругомъ, гдѣ разыгрывались роли ума, просвѣщенія, заслугъ, значенія въ свѣтѣ, почета, уваженія, любезности, искренней любви и истинной дружбы. Съ перваго же раза, онъ почувствовалъ неспособность свою быть участникомъ этихъ живыхъ картинъ и звукоподражаній.

— Ну, Москвичъ, сказалъ ему дядя покровительственнымъ голосомъ,—я тебя опредѣлю къ себѣ въ канцелярію; но у насъ здѣсь баклушъ не бьютъ. Понимаешь?

— Кое-что понимаю, отвѣчалъ Луцкій.

— Кое-что! кое-что недостаточно на службѣ, замѣтилъ Чарудатовъ, не понявъ отвѣта, а можетъ-быть и не имѣя времени вникать въ него.—Это отъ того, что у васъ *тамъ* учатъ чему-нибудь и какъ-нибудь.

— Я выдержалъ экзаменъ по программѣ; но еслибы напримѣръ нужна была для канцеляріи высшая астрономія, то я о ней понятія не имѣю.

— Нѣтъ, любезный, зачѣмъ такъ высоко; мы начнемъ испытаніе съ канцелярской науки; напримѣръ составить бумагу, сдѣлать выписку изъ дѣлъ...

— Собственно канцелярской науки я не знаю; но я знакомъ съ судопроизводствомъ, а слѣдовательно съ нѣкоторыми пріемами веденія дѣлъ и письмоводства.

— Да, да, да; ты кажется особенно занимался философіей? на службѣ она не нужна.

Луцкій промолчалъ.

Тетушка и двоюродная сестрица, Цецилія, въ свою очередь проэкзаменовали его.

— Ну, что у васъ въ Москвѣ дѣлается? По прежнему шьютъ и вышиваютъ блесками пелены да воздухи?

— Матушка по прежнему любитъ собственноручные труды для приношеній въ храмы; но я знаю многихъ, кото-

рыя также вяжутъ кошельки на память, или что-нибудь плетутъ.

Этотъ отвѣтъ не понравился теткѣ.

Сеетрица Цецилія, смуглая въ отца и типированная съ водевильныхъ demoiselles du grand monde, сообщала Луцкому, что въ Москвѣ живутъ только старичье да купцы, и что петербургскіе изношенные наряды и платья идутъ въ Москву и тамъ покупаются дамами для баловъ.

Посреди высшихъ занятій приличіями свѣта, этимъ ограничились на первый разъ любезности съ prince de Moscou, какъ назвала Цецилія своего cousin.

Отецъ Луцкаго, предоставивъ на волю сына избрать родъ службы, на всякій случай далъ ему письмо къ старому сослуживцу своему, командовавшему гвардейскою дивизіей.

Видная наружность и умъ молодаго Луцкаго, напоминавшіе отца его, товарища прежнихъ лѣтъ, расположили къ нему стараго генерала, и онъ предложилъ ему вступить непремѣнно въ одинъ изъ полковъ его дивизіи.

— Я этого бы и желалъ, отвѣчалъ Луцкій.

— Такъ шей же мундиръ; а я распоряжусь.

Затрудненій никакихъ не встрѣтилось. Луцкій чрезъ нѣсколько дней явился въ домѣ тетки въ мундирѣ гвардейскаго юнкера, въ то самое время когда Чарудатовъ намѣревался справиться о вакансіи писца, на которую бы можно было опредѣлить племянника жены.

— Это что жь такое? спросилъ онъ его съ изумленіемъ.— Отецъ и мать просятъ моего ходатайства объ опредѣленіи тебя въ статскую службу, а ты, вопреки имъ, самовольно вступаешь въ военную?

— Отецъ и мать предоставили мнѣ выборъ, и я предпочелъ военную, отвѣчалъ Луцкій.

— Поздравляю! проговорилъ Чарудатовъ, взглянувъ на него прищурясь, но желчное чувство выступило на лицѣ его.

Проходя по всѣмъ закоулкамъ съ врожденною жаждой къ пріобрѣтенію и захвату, Чарудатовъ не оставлялъ безъ вниманія родство съ Луцкими и изъ видовъ на ихъ богатство, въ надеждѣ добраться до него какими-нибудь окольными путями. Сначала, вызываясь самъ на заботы о племянникѣ, онъ

имѣлъ цѣлью вовлечь его въ полную зависимость отъ себя, и современемъ надѣялся овладѣть имъ. Въ этотъ замыселъ входилъ даже разсчетъ на пособіе дочери. Но Луцкій какъ будто понялъ намѣреніе его, и только изрѣдка являлся въ домъ тетки, отговариваясь службой. Чарудатовъ возненавидѣлъ его, и въ кругу своего вліянія съ озлобленіемъ наводилъ тѣнь на блестящія достоинства молодаго человѣка.

По вліянію ли свѣтилъ или по внутреннему состоянію земли, бываютъ времена умственной темной воды, когда видя ничего не видишь кромѣ черныхъ пятенъ, и когда у подозрѣнія такое расширеніе зрачковъ и чувствительность слуховаго барабана, что всякій шелестъ кажется ему тревогой и появленіемъ чудовища. Подобнымъ временемъ умѣлъ воспользоваться Чарудатовъ, по особенному вліянію своему, чтобы погубить племянника.

Луцкій быстро двигался впередъ по службѣ. Ротмистромъ пріѣхалъ онъ въ отпускъ къ отцу и матери. Дружба княгини съ матерью Марьи Ивановны скоро сблизила его съ сердцемъ этой дѣвушки, свадьба была уже рѣшена, но вдругъ Луцкій исчезъ изъ Москвы. По городу пробѣжалъ шепотъ: его увезли! и это слово было страшнѣе нежели— онъ умеръ! Счастливаго и полнаго надеждъ на свѣтлую будущность, его погребли за-живо; онъ очутился въ какомъ-то подземномъ склепѣ. Этотъ переходъ отъ бытія къ небытію, эти зачеркнутыя страницы всего жданнаго и желаннаго, поразили Луцкаго мертвящимъ ужасомъ. Страшныя мысли били ему въ голову; отрѣшенный отъ жизни, онъ долго вглядывался въ глубину мрака, видѣлъ только гробы отца и матери; но наконецъ и мракъ опустѣлъ, все исчезло, и онъ впалъ въ какое-то онѣмѣлое состояніе всѣхъ чувствъ; какія-то привидѣнія водили его куда-то, говорили что-то ему, онъ слушалъ ихъ, не понималъ, и молчаніемъ какъ будто подтверждалъ ихъ слова, соглашался съ ними.

Что̀ съ нимъ было во все время безсознательнаго болѣзненнаго состоянія, Луцкій не помнилъ; онъ очнулся далеко отъ родины, гдѣ-то на краю земли, въ какомъ-то незнакомомъ ему жильѣ. За нимъ ухаживали незнакомыя лица: какой-то ласковый старикъ, въ военномъ сюртукѣ, какая-то

добродушная женщина, и изрѣдка появлялось, мгновенно, какое-то существо, отъ котораго вѣяло на него жизнью, и онъ ожилъ.

Случай и счастіе привели Луцкаго подъ кровъ бывшаго сослуживца отца его. Въ домѣ добраго коменданта крѣпости, семейство котораго состояло только изъ жены и дочери, онъ былъ принятъ и успокоенъ какъ родной.

— Мы были закадычные друзья съ твоимъ отцомъ, сказалъ ему однажды словоохотливый старикъ;—но насъ поссорило одно обстоятельство. Не слѣдуетъ разказывать сыну о молодости и грѣшкахъ отца, да не могу, хочется хоть передъ тобой оправдаться отъ клеветы, которая похѣрила дружбу его ко мнѣ. Мы были еще поручиками въ кирасирскомъ полку; дивизіонъ нашъ стоялъ въ Подоліи, въ небольшомъ *майонткѣ* одного пана. Познакомились; княжество и богатство, да еще при умѣ и красотѣ, не то что нашъ братъ кулекъ. На мою долю, разумѣется, съ перваго же посѣщенія достались паны, да старыя пани, а на долю князя Василья, какъ будто невзначай, выпала пани Генріетта. Въ продолженіи какого-нибудь мѣсяца я успѣлъ выиграть въ пикетъ около десяти злотыхъ; а князь Василій, вижу, поигрываетъ въ игру азартную, горячится, того и гляди поставитъ всего себя на карту. Не утерпѣлъ, говорю князю Василью: берегись! Дѣло дошло до ссоры. Дружба не беретъ; а друга жаль. Винюсь, по любви къ отцу твоему, пошелъ я съ доносомъ къ полковому командиру, говорю ему: плохо дѣло. А онъ — славный былъ человѣкъ—не долго думалъ, вытребовалъ князя Василія въ штабъ, да немедленно по особому порученію и отправилъ въ Москву. И все бы прекрасно: голова провѣтрилась, пылъ потухъ, и были бы мы друзьями по сіе время; да на бѣду тогда же насъ произвели въ штабъ-ротмистры и дали мнѣ дивизіонъ, который, по старшинству, слѣдовалъ отцу твоему. Что̀ жь вышло? онъ счелъ свою командировку за слѣдствіе моихъ происковъ, написалъ мнѣ обидное письмо, и перешелъ въ другой полкъ. Тѣмъ и дружба порѣшилась. Обиду надо бы было выместить хоть на тебѣ. И вымещу: обниму тебя вмѣсто отца.

Старикъ съ чувствомъ обнялъ Луцкаго.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Съ двѣнадцати лѣтъ Маша расцвѣтала на глазахъ Луцкаго, и любимымъ его занятіемъ было образованіе этой дѣвушки. Когда ея чувства и понятія развились вполнѣ, онъ сталъ бояться встрѣчать взгляды ея синихъ глазъ. Вмѣстѣ съ ея возрастомъ въ немъ созрѣла новая любовь, и вполнѣ изгладились въ памяти черты блистательной свѣтской Марьи Ивановны.

Онъ признался въ чувствахъ своихъ старику коменданту

— Князь ты или ссыльный, мнѣ все равно; но безъ воли отца и матери? сказалъ старикъ.

— Они всегда предоставляли мнѣ располагать своею судьбой, отвѣчалъ Луцкій,—а здѣсь я совершенно уже въ другомъ мірѣ; и какимъ образомъ испрошу согласіе ихъ?

— Ну, воля твоя, а я, признаюсь, буду радъ оставить на твоихъ рукахъ мою Машу.

Старикъ прослезился, призвалъ жену и дочь. Нѣсколько словъ все рѣшили, и Луцкій женился.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мирно и радостно проведенныхъ, комендантъ получилъ конвертъ, распечаталъ его, вздохнулъ глубоко и отдалъ Луцкому.

— Ну, братъ, поздравляю тебя, сказалъ онъ,—тебѣ назначено жить въ имѣніи отца. Поѣзжай, поѣзжай скорѣе; утѣшь его старость!

Съ трепетнымъ сердцемъ принялъ Луцкій эту радостную вѣсть; но ему горько было разстаться съ стариками и съ мирною ихъ жизнью, и стало страшно, когда неизбѣжный провожатый загремѣлъ подлѣ него саблей и шпорами: ему казалось, что на него, уже свободнаго, надѣли снова оковы.

Выѣхали изъ горъ, спустились въ равнины; низменный тяжелый воздухъ не благотворно дохнулъ на Марію. Во время пути родилась дочь Вѣра, а бѣдная мать не перенесла болѣзни.

Убитый неутѣшнымъ горемъ, Луцкій похоронилъ жену, и отправился съ малюткой въ подмосковную; здѣсь только узналъ онъ, что отецъ и мать его живутъ въ своемъ дальнемъ имѣніи.

Вѣрочка была слаба, везти ее было опасно, пробыть

долѣе сутокъ безъ разрѣшенія невозможно, и Луцкій принужденъ былъ оставить младенца на попеченіе повивальной бабки, которую случайно пріискала жена Наумыча.

Древнее помѣстье князей Луцкихъ, Сборицы, лежало на границахъ Галиціи. Туда поѣхали старые князь и княгиня доживать вѣкъ свой, когда получили отъ Чарудатова коварныя извѣстія о судьбѣ единственнаго ихъ сына.

Посреди прекрасной и игриво разнообразной природы, между рѣкой и озеромъ, возвышался старинный домъ съ надворными строеніями, окруженный садомъ въ оградѣ изъ пирамидальныхъ тополей. Обширная зала съ выходами на балконы съ обѣихъ сторонъ раздѣляла домъ на двѣ половины. Одну половину занимала княгиня, другую князь.

При всей огромной прислугѣ, при множествѣ офиціянтовъ, женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, въ домѣ соблюдалась ненарушимая тишина, все ходило въ полступни, все говорило въ полголоса... Но весь обрядъ столичной жизни строго соблюдался; каждый зналъ свое дѣло и мѣсто, все шло какъ заведенные часы, безъ напоминанія, безъ толкотни, безъ счетовъ и безъ разговоровъ.

Въ числѣ прислуги, въ домѣ было замѣчательное лицо: бывшій дядька стараго князя, Софронычъ. Съ княземъ былъ онъ во всѣхъ походахъ неразлученъ, всегда и вездѣ при немъ. Этотъ честный человѣкъ такъ освоился довѣренностію къ нему князя и княгини, что для него не было тайны, и чтò касалось ихъ, то близко было и годами его сердцу. Онъ былъ годами двадцатью старше князя и считалъ уже себѣ подъ девяносто. Дряхлый и сознававшій уже, что „глазки худо видятъ, ушки худо слышатъ, ножки худо ходятъ,“ онъ сидѣлъ или лежалъ въ своей комнатѣ; но ежедневно, по нѣскольку разъ выходилъ дозоромъ по дому. Обойдетъ комнаты, посмотритъ на все: тутъ ли; постоитъ, послушаетъ чтò говорятъ князь и княгиня, приставитъ къ чему-нибудь и свое слово, и пойдетъ обратно восвояси. А если князь или княгиня спросятъ иногда ласково: „чтò, Софронычъ?“ онъ отвѣчаетъ: „ничего, ваше сіятельство!“

Въ первое время уединенной жизни, невыносимая грусть

и тоска овладѣли княземъ и его женой. Цѣлые дни сидѣли они неразлучно и возбуждали взаимное горе и слезы, спрашивая другъ у друга что̀ сдѣлалось съ Мишей, который такъ уважалъ и любилъ ихъ, подавалъ столько прекрасныхъ надеждъ.

— Что̀ могло погубить его? спрашивала княгиня.

— Не знаю, княгиня, не понимаю. Никогда не ожидалъ я и тѣни того что̀ пишетъ о немъ мужъ твоей сестры.

— Не даромъ, однакоже, хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ служилъ по статской службѣ, на глазахъ у дяди. Сестра писала, что ему готово было прекрасное и видное мѣсто; но что онъ отказался отъ него и, увлеченный разсѣяніемъ, совершенно оставилъ ея домъ.

— Разсѣяніе! проговорилъ князь.

— Да! было бы лучше, еслибъ онъ служилъ при дядѣ, опытномъ человѣкѣ, который самъ себѣ сдѣлалъ карьеру и въ службѣ, и въ свѣтѣ.

— Да! повторилъ и князь:—надо отдать справедливость. У Чарудатова гроша за душой не было, у сестры твоей также; а живутъ какъ будто у нихъ сто тысячъ годоваго дохода. Откуда берется—это не разрѣшимая задача. На его жалованье можно жить въ теплѣ, быть сытымъ и одѣтымъ; а чтобы нанимать вельможескій домъ, давать пиры и балы, имѣть собственную великолѣпную дачу и постоянную ложу въ театрѣ, надо заложить и перезаложить чорту душу.

— Я и сама иногда удивляюсь, откуда все берется, сказала и княгиня, качая головою.

Воспоминанія о сынѣ наполняли дни стариковъ. Иногда, для разнообразія и для развлеченія, они переходили съ мѣста на мѣсто, изъ комнаты въ комнату, изъ половины на половину, какъ будто въ гости другъ къ другу, и дворецкій являлся ежедневно съ вопросомъ, гдѣ прикажутъ ихъ сіятельства накрывать на столъ, или подавать чай, въ комнатахъ князя, или княгини. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, то князь скажетъ: „не хотите ли, княгиня, выйдти на балконъ?“ и княгиня подаетъ ему руку. То княгиня замѣтитъ, что съ этой стороны вѣтерокъ, не лучше ли перейдти на другую сторону,—и князь подаетъ ей руку и ведетъ на

балконъ со стороны обширнаго озера; и они долго смотрятъ, какъ будто любуясь, какъ хорошо рисуется передъ ними между рощами бархатный лугъ по скату къ озеру.

— Кажется, на озерѣ видна лодка, видно рыбу ловятъ?

— Не вижу, князь; а помнишь, когда мы были здѣсь съ Мишей, какъ я напугалась? Онъ выѣхалъ на самую середину озера въ лодочкѣ, и вдругъ поднялась буря. Забыть не могу! такъ ужь и думала, что утонулъ!

— Ужь лучше бы онъ утонулъ, проговорилъ князь, вздыхая;—по крайней мѣрѣ мы бы знали, гдѣ его могила.

— Богъ съ вами, что вы это, князь!

— Гдѣ онъ? что̀ съ нимъ, живъ ли? ни слуху, ни духу!

Послѣ подобныхъ словъ наступало опять молчаніе и грустная дума. Мысли стариковъ летѣли во всѣ стороны отыскивать сына.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ княгиня занялась шитьемъ воздуховъ для церкви, а князь повѣркою счетовъ по разнымъ имѣніямъ. Но и въ эти занятія мѣшались тѣ же печальные помыслы и путали узоры и счеты.

Это тоскливое однообразіе нарушено было неожиданнымъ пріѣздомъ гостей.

Когда доложили, что кто-то подъѣзжаетъ къ дому, князь и княгиня въ недоумѣніи торопливо поднялись съ мѣстъ и пошли встрѣчать, думая, не Миша ли. Но ожиданіе ихъ горько обманулось. Изъ дорожной кареты вышли двѣ дамы: сестра княгини съ дочерью.

— Не могла, сестрица, утерпѣть, чтобы не навѣстить васъ и не раздѣлить съ вами горе... вы не повѣрите, какъ мы всѣ изстрадались душою, когда узнали о несчастіи! говорила Чарудатова, обнимая княгиню и отирая глаза платкомъ.

Эхо крикливаго голоса раздалось по всему дому и отозвалось даже въ ушахъ Софроныча.

— Что̀ тамъ такое дѣлается? пробормоталъ онъ тревожно, и поплелся на продолжавшійся неумолкаемый гулъ. Въ гостиной, подлѣ безмолвной княгини, опустившей слезящій взоръ, сидѣли двѣ какъ будто знакомыя Софронычу ба-

рыни; остановясь, онъ посмотрѣлъ на нихъ, вслушался и проговорилъ: „вотъ, принесло!“

— Я бы тебя не узнала, Цецилія, сказала, наконецъ, княгиня, нѣсколько успокоясь;—ты такъ выросла. сформировалась... я тебя помню лѣтъ двѣнадцати.

— Почти пятнадцать лѣтъ какъ мы не видались, прибавила мать.—Да, пятнадцать лѣтъ!.. Скажите пожалуста, какъ летитъ время.

Княгиня продолжала смотрѣть на племянницу, и, казалось, удивлялась, что она успѣла уже не только сформироваться, чтобы не сказать созрѣть, но и поблекнуть.

Чарудатовъ отправилъ жену и дочь къ старикамъ Луцкимъ съ надлежащею инструкціей, не только угождать старикамъ, утѣшать и развлекать ихъ, но и оберегать отъ всякаго иного родственнаго и посторонняго вліянія.

— Если они горюютъ еще о своемъ мерзавцѣ сынѣ, излагалъ онъ изустно свое наставленіе,—то надо позаботиться ласками искоренить въ нихъ безполезное горе... Ты, Цецилія, должна быть внимательна къ нимъ и особенно къ старику; займи, разсѣй его, однимъ словомъ поволочись за нимъ. А лучше всего уговорить ихъ переѣхать сюда... мы помѣстимъ ихъ въ своемъ домѣ.

Эти наставленія имѣли бы ожидаемый успѣхъ, еслибы самъ Чарудатовъ, хоть по очереди, превращался то въ жену, то въ дочь. Но его повѣренныя принялись за дѣло черезчуръ усердно, чтобы скорѣе кончить его,—вопервыхъ, во избѣжаніе смертной скуки жить долго съ стариками и потворствовать ихъ причудамъ; а вовторыхъ, чтобы не изныть по Петербургѣ, гдѣ у каждой были свои нѣжныя привязанности, а у Цециліи, кромѣ того, свои влеченія, цѣли и надежды, которыми она не намѣрена была жертвовать ни за какіе милліоны.

Съ перваго же дня онѣ раздѣлились на два корпуса и повели атаку. Мать занялась своею сестрой, а дочь—княземъ; Чарудатова сама по себѣ была неугомонная болтунья; а съ придачей усердія, разказы ея текли шумнымъ потокомъ, и рѣзкій голосъ, то порывисто возвышаясь, то понижаясь какъ по скату, то превращаясь въ шепотъ, то

вдругъ какъ будто прорываясь сквозь ущелье, вторился эхомъ пустыхъ комнатъ. Къ нему можно было прислушаться и изъ передней, и изъ дѣвичьей. Глухой Софронычъ никакъ не могъ къ нему привыкнуть, и въ забывчивости прислушивался, кто тамъ поднялъ брань.

По привычкѣ проводить время въ тихой бесѣдѣ съ женой, князь тяготился росказнями сестры ея, и часто вставалъ и бродилъ по комнатамъ, чтобъ отдохнуть отъ этого своего рода утомленія. Но Цецилія бросалась вслѣдъ за нимъ, брала его подъ руку, и цѣлуя въ плечо, въ свою очередь надоѣдала ему нѣжностями.

— Ахъ ты кошка, кошка, какъ ластится и курнычетъ! говорилъ Софронычъ, смотря на нее.

— Какъ хорошо здѣсь у васъ, дядюшка! какіе пейзажи! восклицала Цецилія, увлекая князя на балконы:—какая прелесть!

— Да, когда-то было хорошо, отвѣчалъ онъ.

— Отчего же, дядюшка, когда-то, отчего же не теперь? Посмострите какое очарованіе!

Иногда, на повторяемыя однѣ и тѣ же фразы старикъ молчалъ, а иногда отвѣчалъ съ скрытою досадой:

— Оттого, моя милая, когда-то, а не теперь, что эта прекрасная сцена для меня опустѣла, дѣйствіе на ней кончилось. Ты понимаешь ли, когда природа хороша, и что ее оживляетъ?

— Разумѣется удовольствія, отвѣчала Цецилія съ увѣренностію, что разрѣшила вопросъ;—еслибъ эти пейзажи перенести въ Петербургъ, что̀ бы это было? Тамъ совсѣмъ нѣтъ природы.

— Это я вижу, сказалъ князь разсѣянно, скучая разговоромъ,—но за то столько удовольствій, прибавилъ онъ.

— Ахъ, да; еслибъ я имѣла волю надъ вами, дядюшка, я бы увезла васъ въ Петербургъ. Какъ бы намъ пріятно это было: всегда вмѣстѣ, всегда кто-нибудь есть, поминутно новости. Каждый день ѣздимъ въ театръ, въ оперу, въ концерты. Знаете ли какъ это разсѣиваетъ! Совершенно не чувствуешь какъ проходитъ время...

— Кажется, княгиня зоветъ насъ? былъ обыкновенный

вопросъ князя, когда надоѣдала ему Цецилія, и онъ шелъ къ княгинѣ.

Княгиня въ самомъ дѣлѣ не выносила долгаго отсутствія мужа. Вдвоемъ съ нимъ ей, казалось, легче было выносить говорливость сестры.

— Князь, что жь это вы насъ забыли? говорила она всегда, когда онъ возвращался.

Князь и видѣлъ, какъ тяготится иногда княгиня безконечными разказами гостьи, въ перебой съ дочерью, но избавиться отъ нихъ не было никакого средства, передать разкащицъ хоть для отдыха было некому.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю, однакоже, Чарудатова и дочь ея почувствовали невыносимую скуку въ неисходномъ однообразіи жизни князя и княгини. Ни одной посторонней души не является въ домѣ; ни сами, не только не выѣзжаютъ куда-нибудь, но даже не выходятъ въ садъ. У княгини болятъ ноги, и князь чувствуетъ слабость въ ногахъ. Одинъ выходъ—по праздникамъ въ церковь, одна прогулка—въ хорошее время на балконѣ.

Сидѣть въ продолженіи дня подлѣ княгини и занимать ее повтореніемъ однихъ и тѣхъ же разказовъ—утомительно. Слушать ея горе о сынѣ—еще тошнѣе. Угождать старикамъ ровно нечѣмъ, польстить чѣмъ-нибудь и подавно. Развлеченій никакихъ; нѣтъ даже ни американскихъ собакъ, ни ангорскихъ кошекъ, до которыхъ и мать и дочь охотницы.

Цецилія первая вышла изъ себя.

— Нѣтъ, maman, сказала она матери:—здѣсь умрешь съ тоски! я не въ силахъ болѣе выносить! это какіе-то живые покойники!

— Подлинно, что отпѣтые! прибавила и сама Чарудатова.— Остается одно средство: уговорить ихъ переѣхать въ Петербургъ и помѣстить у себя въ домѣ, на особой половинѣ. Пусть себѣ доживаютъ вѣкъ. По крайней мѣрѣ все сохранится; а здѣсь на кого же оставить? Сестра совсѣмъ охилѣла, князь также слабъ. Еще годъ, два, совсѣмъ здѣсь обезумѣютъ; того и гляди найдутся со стороны князя наслѣдники мимо насъ. Я съ сестрой слажу, а ты уговаривай князя, и повеземъ ихъ.

Уговоры и начались. Чарудатова, послѣ долгихъ убѣжденій, принялась за мольбы и расчувствовалась даже до слезъ.

— Помилуйте, сестрица, что̀ жь это такое, мы врозь живемъ и умремъ. Вѣдь у меня только и родни, что вы. Роднаго чужимъ не замѣнишь! Будь возможность оторваться мужу отъ службы,—я бы пріѣхала сюда; купила бы гдѣ-нибудь подлѣ васъ хоть хуторъ, и по крайней мѣрѣ знала бы, что мы не за двѣ тысячи верстъ другъ отъ друга... Не выпускаютъ изъ службы! вишь государственный человѣкъ нуженъ. Конечно, и жалованье большое, но вѣдь достаетъ только на прожитье. Приданаго Цециліи не накопишь, а безъ приданаго кто жь возьметъ?.. Ахъ, сестрица, еслибы вы съ княземъ переѣхали въ Петербургъ! какое бы счастье мнѣ! мы бы васъ успокоили. Помѣщеніе у насъ большое. Нравится вамъ уединенная жизнь, жили бы въ уединеніи.

— Нѣтъ, душа моя, намъ нельзя жить уединенно въ столицѣ.

— Ахъ, полноте, сестрица! Петербургъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ городовъ, что въ немъ можно жить какъ хочешь. По крайней мѣрѣ я была бы совершенно спокойна и счастлива. Вотъ, вы жалуетесь ногами; тамъ тотчасъ бы вамъ помогли. А здѣсь? я право въ ужасъ прихожу: какъ можно жертвовать такъ здоровьемъ своимъ, жить безъ людей, и на случай болѣзни безъ всякой помощи?..

Княгиня стала задумываться, слезныя убѣжденія не были такъ томительны для нея, какъ разказы объ удовольствіяхъ Петербурга.

Князь, въ угоду княгинѣ, не сталъ бы противорѣчить; а между тѣмъ Цецилія умоляла князя, чтобъ онъ уговорилъ княгиню на переѣздъ въ Петербургъ.

— Я вамъ сама буду наливать чай, буду читать книги, газеты...

Князь вспомнилъ сына, который былъ постояннымъ его чтецомъ до самаго отъѣзда на службу, и это предложеніе племянницы понравилось ему болѣе всѣхъ ея ласкъ и

интересныхъ разказовъ, которыми она старалась оживить въ дядѣ утомленныя горемъ чувства.

Убѣжденія и повторяемыя ежедневно просьбы начали уже склонять стариковъ къ уступчивости. Оставалось еще разъ расчувствоваться Чарудатовой до слезъ, и дѣло было бы рѣшено. Но она неожиданно получила отъ мужа письмо по эстафетѣ.

— Что̀ папаша пишетъ?.. что̀ съ вами, maman? спросила Цецилія, видя что мать ея поблѣднѣла и письмо задрожало въ ея рукахъ.

— Мы погибли! на отца начетъ въ двѣсти тысячъ! проговорила Чарудатова и упала въ кресла безъ чувствъ.

Испуганная Цецилія взяла изъ рукъ ея письмо и прочитала: „Несчастіе! растрачены неизвѣстно кѣмъ огромныя казенныя суммы, и я въ числѣ отвѣчающихъ за нихъ. На меня начетъ до двухъ сотъ тысячъ. Проси у князя эту сумму и скорѣе пріѣзжай. Скажи, что мнѣ нужны эти деньги только на время ревизіи, по окончаніи которой я ихъ немедленно возвращу. Если замедлишь, меня отдадутъ подъ судъ, и тогда все пропало...“

— Что̀ мы будемъ дѣлать? проговорила, приходя въ себя, Чарудатова.

— Просить скорѣе князя и княгиню дать батюшкѣ эти деньги, и скорѣе ѣхать. Для нихъ это ничего не сто́итъ.

— Ничего не сто́итъ! Князь такой скряга, скупецъ, что у него не вымолишь посмотрѣть на двѣсти тысячъ!

— Ахъ, да что̀ жь дѣлать, maman! надо просить.

— Пойдемъ!.. я на колѣняхъ готова просить!

Вся въ слезахъ и въ отчаяніи вошла Чарудатова съ дочерью въ комнату княгини, которая только что разсуждала съ княземъ о предложеніи сестры.

— Что̀ это значитъ? спросила изумленная княгиня, взглянувъ на сестру, которая сѣла въ кресла и зарыдала.

— Что̀ съ вами? спросилъ и князь съ участіемъ.

— Отъ батюшки письмо... съ нимъ случилось несчастіе, отвѣчала за мать Цецилія.

— Что̀ такое случилось?

— Только вы и можете спасти его, князь! проговорила Чарудатова.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите, чѣмъ я могу помочь.

— На него начетъ въ двѣсти тысячь... пропали казенныя деньги... онъ отвѣчаетъ за нихъ... его отдадутъ подъ судъ, если этой суммы не будетъ во время ревизіи... Помогите, князь! Сестрица, просите князя!

— Двѣсти тысячъ, а по нашему семьсотъ тысячъ! это ужасно! сказалъ князь.—Но какая же еще ревизія, когда пропажа, безъ сомнѣнія, и открыта ревизіей?

— Ужь я не понимаю, какъ это случилось; но помогите, князь! Только на ревизію, князь, положить деньги въ казенный ящикъ, чтобы сумма была сполна; а потомъ можно взять, и мужъ немедленно вышлетъ къ вамъ обратно... Помогите, князь, выручите насъ изъ бѣды...

— Положить на время ревизіи, да потомъ взять! Да кто жь это позволитъ? возможное ли это дѣло?

— Очень возможное: вѣдь казначей подъ начальствомъ мужа. Да это сколько разъ случалось; и что̀ жь такое! на нѣсколько времени.

— Оно бы кажется и ничего, да не дозволено; потому что эти займы растутъ до двухъ сотъ тысячъ, которыхъ негдѣ взять!

— Надо же какъ-нибудь помочь, князь, сказала княгиня, растроганная слезами сестры.

— Очень естественно, что надо помочь, отвѣчалъ князь.— Мужу вашему, однакоже, я помочь не могу; но семейство не виновато въ его поступкахъ; а потому, въ случаѣ какого-нибудь несчастія, вы будете отъ меня сполна обезпечены; а Цецилія, если выйдетъ замужъ, получитъ хорошее приданое.

Чарудатова продолжала заливаться слезами, а Цецилія подошла къ дядѣ и поцѣловала его въ плечо.

— Вамъ однакоже надо поторопиться ѣхать. По прибытіи въ Петербургъ, напишите мнѣ обо всемъ обстоятельно.

— Но мужъ пишетъ, если вы не поможете, и я не привезу денегъ, то его отдадутъ подъ судъ, и все пропало! Умоляю васъ, князь, спасите его! начала снова Чурудатова.

Князь, не отвѣчая ничего, всталъ съ мѣста, отошелъ къ окну на другой сторонѣ комнаты, гдѣ стоялъ и глазѣлъ Софронычъ.

— Что, ваше сіятельство, чай денегъ проситъ? проговорилъ онъ:—затѣмъ и пріѣхала.

Княгиня знала нравъ князя и поняла, что онъ уже рѣшилъ дѣло, и просьбы напрасны.

— Что̀ должно и можно, то князь сдѣлаетъ, сказала она сестрѣ:—а мой совѣтъ скорѣе тебѣ ѣхать; присутствіе твое для мужа необходимо. Напиши мнѣ скорѣе, въ чемъ дѣло, и тогда мы увидимъ.

Продолжать разговоръ было не о чемъ; тѣмъ болѣе что Чарудатова начала гнѣвно роптать на равнодушіе людей. Цецилія сидѣла надувшись. Наконецъ онѣ ушли въ свою комнату; а на другой день отправились въ дорогу, не отказавшись однакоже отъ значительныхъ подарковъ князя и княгини.

— Я предвидѣлъ, сказалъ князь,—что эта роскошь берется не изъ чистыхъ источниковъ.

— Мнѣ только жаль сестры и Цециліи, сказала вздохнувъ княгиня.

— О нихъ давно надо было жалѣть. Особенно о Цециліи: въ ея возрастъ она уже совершенно истрепалась и никуда не годится!

XVI.

Жизнь стариковъ пошла обычнымъ порядкомъ. Присутствіе Чарудатовой и ея дочери тяготило ихъ; но оно же и нѣсколько развлекало постоянно-грустное расположеніе духа. Въ разговоръ вошло и разсужденіе о несчастной ихъ судьбѣ, и невыгодныя заключенія о самомъ Чарудатовѣ, и ожиданіе письма, и любопытство чѣмъ кончится его дѣло.

Письма однакоже не было; а между тѣмъ, въ одно утро доложили князю, что пріѣхалъ нарочный изъ подмосковной.

Это былъ посланный отъ князя Михаила, съ письмомъ, предувѣдомлявшимъ о его пріѣздѣ.

Князь торопливо взялъ письмо, развернулъ, узналъ руку сына, вскочилъ и побѣжалъ къ княгинѣ; но волненіе подкосило его ноги. Онъ сѣлъ, отдохнулъ, позвалъ человѣка и велѣлъ вести себя.

Старики чуть не умерли отъ радости. Читая письмо сына, они едва переводили духъ, и слезы капали изъ глазъ. Въ слѣдъ за этимъ посланьемъ, онъ надѣялся быть и самъ.

Для стариковъ, ожиданіе сына было мучительнѣе всякихъ страданій. Цѣлый день сидѣли они въ душевномъ волненіи, на балконѣ, со стороны рѣки, откуда виденъ былъ мостъ, чрезъ который пролегала дорога въ Сборицу.

Тутъ же у дверей стоялъ и Софронычь; заложивъ руки назадъ, то посматривалъ онъ на князя и княгиню, то таращилъ глаза на дорогу.

— Тутъ прежде не роща, а такъ кустарникъ былъ; хорошо было видно и за мостъ въ гору, бормоталъ онъ про себя; а теперь вотъ, вишь, и въ трубу-то, чай, ваше сіятельство ничего не высмотришь.

Княгиня сидѣла въ глубокихъ креслахъ, но ничего не видѣла вдаль; за то князь вынесъ, по напоминанію Софроныча зрительную трубу, и какъ дежурный на старинныхъ телеграфахъ, смотрѣлъ на мостъ не отводя глазъ.

— Что князь? спрашивлла княгиня.

— Затекаютъ глаза... никого не видно... Да сегодня врядъ ли онъ будетъ... Посланный сказалъ, что Миша пробудетъ дни два въ Москвѣ.

— Два дни! что ему тамъ дѣлать два дни?

— Какъ княгиня: надо же отдохнуть, закупить что-нибудь; можетъ статься экипажъ исправить; мало ли что̀ въ дорогѣ случается.

— Лишь бы былъ здоровъ, сказала княгиня.

Ночь прошла въ тревожномъ прислушиваніи не ѣдетъ ли кто-нибудь? На другой день ожиданіе было еще томительнѣе. Чуть что̀ зачернѣетъ на дорогѣ, князь пристально смотритъ въ трубу; а княгиня спрашиваетъ: что̀ князь?

— Кто-то кажется ѣдетъ... но руки трясутся никакъ не разсмотришь.

— А ты не забылъ послать верховаго на встрѣчу?

— Трое выставлены на дорогѣ.

Прошелъ и этотъ день; на слѣдующій, подъ утро, утомленные старики уснули; а между тѣмъ князь Михайло пріѣхалъ. Вся дворня радостно бросилась къ нему на встрѣчу. Обнимая всѣхъ, онъ не велѣлъ будить отца и мать. Но бѣготня во всемъ домѣ разбудила ихъ.

Софронычъ пріотворилъ двери въ спальню.

— Кто тамъ? не пріѣхалъ ли Миша? спросилъ князь очнувшись.

— Батюшка! отозвался было князь Михайло, порывисто бросаясь къ дверямъ.

— Постой, постой, погоди! проговорилъ удерживая его порывъ, Софронычъ:—ты пожалуй уморишь отца... постой, я прежде скажу ему...

— Софронычь! что? пріѣхалъ? спросилъ князь.

— Слава тебѣ Господи, отвѣчалъ Софронычъ,—ну вотъ и дождались.

— Гдѣ же, гдѣ? Миша!

— Ну вотъ онъ, вотъ и пріѣхалъ.

Князь Михайло бросился въ объятія отца.

— Ну вотъ, вотъ и пріѣхалъ! повторялъ Софронычъ.

— Миша! повторилъ старый князь дрожащимъ голосомъ.—Пойдемъ, пойдемъ къ матери!

— Постой, постой, я узнаю проснулась ли съ просонковъ, перепугаешь!..

— Мнѣ сказали, что матушка всю ночь не заснула, не надо бы тревожить ея сонъ.

— Правда, правда, сказалъ старикъ,—пусть сама проснется, подождемъ... Ну, постой же, дай мнѣ на себя наглядѣться... Постарѣлъ Миша, постарѣлъ! вдругъ бы и не узналъ тебя... Сколько лѣтъ, а? сколько лѣтъ не видались?.. Да что ужь время, Богъ съ нимъ, благо ты опять у насъ на глазахъ!.. Что встала княгиня?.. пойдемъ на ея половину.

Софронычъ успѣлъ предупредить и княгиню.

— Благодари, матушка княгиня, ваше сіятельство, Бога, Богъ милости послалъ, молитвы твои услышалъ.

— Миша, Миша пріѣхалъ? проговорила она.

— Ужь не даромъ же ждали. Вотъ онъ! сказалъ Софронычъ.

Взглянувъ на сына, княгиня вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Князь Михайло сталъ передъ ней на колѣна и цѣловалъ ея руки. Старикъ князь, со слезами на глазахъ, дулъ на нее и требовалъ спирта.

— Ты ли это, Миша? произнесла она слабымъ голосомъ, очувствовавшись и цѣлуя сына въ голову.—Боже мой, Боже мой! я думала, что умру, не дождусь тебя!

И княгиня благоговѣйно обратилась къ кіоту образовъ и молилась. Эта молитва ея, освятившая свиданіе, успокоила взволнованныя радостію чувства стариковъ.

— Нѣтъ, Миша, ни на шагъ отъ себя не отпущу тебя, сказала княгиня, обнимая сына,—ни на шагъ, покуда умру; слышишь? Даешь мнѣ слово не покидать насъ стариковъ?

— Я всегда былъ и буду въ вашей волѣ, отвѣчалъ Луцкій, цѣлуя руку матери.

Въ первыя минуты, князь и княгиня забросали сына вопросами. Отвѣты его перерывались новыми слезами и объятіями.

Когда въ разказѣ всего что̀ съ нимъ сбылось, онъ упомянулъ имя коменданта, отецъ его остановилъ.

— Постой, это знакомая мнѣ фамилія...

— Это вашъ сослуживецъ, батюшка, и нѣкогда другъ, отвѣчалъ Луцкій.

— Онъ? другъ мнѣ? нѣтъ, Михайло! я жалѣю и очень жалѣю, если ты обязанъ былъ чѣмъ-нибудь этому бездѣльнику!

— Батюшка! это честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ! сказалъ, вспыхнувъ, Луцкій.—Я обязанъ ему...

— И не напоминай мнѣ о немъ! сказалъ старый князь, съ какимъ-то чувствомъ боязни затрогивать больную нѣкогда сторону сердца.

Луцкій понялъ это, вздохнулъ и умолчалъ о своей женитьбѣ. Застарѣлое предубѣжденіе неизлѣчимо, думалъ онъ, и въ свою очередь боялся, чтобъ оно не пало ненавистью и на малютку дочь его, которую надѣялся воспитывать при себѣ.

Какъ ни желалъ онъ оправдать своего тестя въ глазахъ отца; но сыновнее чувство не допускало его напомнить отцу заблужденія молодости.

Луцкій отвыкъ отъ общества, и уединенная жизнь отца и матери вполнѣ была бы по душѣ его и соотвѣтствовала его желанію, еслибы не разлука съ малюткой дочерью, о которой только изрѣдка и тайно извѣщалъ его Наумычъ.

— Ну, теперь пора сложить мнѣ заботы обо всемъ на тебя, Миша, сказалъ старикъ, и поручилъ сыну завѣдываніе имѣніями и всѣ распоряженія; но тщательно повѣрялъ самъ доходы, и получая ихъ пряталъ къ себѣ. Старческая скупость и наклонность копить успѣла уже въ немъ укорениться.

— Миша, все будетъ твое, говорилъ онъ, раскладывая деньги по ящикамъ,—все твое будетъ; а теперь тебѣ вѣдь деньги ни на что не нужны; расходовъ у тебя никакихъ

нѣтъ; всѣ расходы у насъ теперь общіе, изъ одного кошелька.

И каждое утро Луцкій проводилъ въ кабинетѣ отца за счетами и перечетами, и чтеніемъ газетъ.

— Что, Миша, выходитъ? говорилъ старикъ выкладывая на счетахъ:—перевѣримъ-ка еще... Говори мнѣ, сколько?... Итого въ итогѣ... хорошо. Ну, теперь снизу вверхъ... я буду скидывать.... Выходитъ, кажется.... нѣтъ! лишніе!.. какъ же это? стало быть я скинулъ не такъ.... ну-ка сначала.

Отъ этихъ перевѣрокъ можно было прійдти въ отчаяніе, но Луцкій терпѣливо исполнялъ желаніе отца.

Счеты и перечёты прерывались только нетерпѣніемъ княгини, которая присылала звать къ себѣ сына.

Софронычъ часто присутствовалъ при этихъ счетахъ; даже и ему они наскучили.

— Только безпокойство одно! говорилъ онъ:—ну, что, ваше сіятельство, повѣрять вамъ князя Михайлу Васильевича, все равно что на рукахъ пальцы считать, всѣ ли тутъ. Изволи ли бы идти къ княгинѣ; она давно ждетъ.

— Ну, ну, ну: ты привыкъ старый песъ лаять на меня!

— Привыкъ! а бывало только и спасенья, что полаешь! бормоталъ Софронычъ, слѣдуя за княземъ и сыномъ его.— Еслибы не перегрызъ горла собакѣ ротмистру, что пріѣхалъ въ гости къ тебѣ въ Москву... пановалъ бы онъ въ этомъ имѣніи съ панной-то, какъ бишь ее? помнишь?...

Старый князь плохъ уже былъ на ухо, и бормотанье Софроныча не доходило до его слуха.

— Садись, мой другъ, подлѣ меня, говорила обыкновенно княгиня, когда входилъ къ ней сынъ.—Теперь, мнѣ хорошо, какъ въ раю; ничего лучшаго не желаю и на томъ свѣтѣ. Князь, и ты со мною, чего же мнѣ и желать болѣе.

Къ однообразію жизни можно привыкать также какъ и къ разсѣянію. Въ разнообразной суетной жизни, человѣкъ какъ будто старается вывернуться и вылиться наружу; тревоги его мелки, но ежедневны. Каждый день онъ теряетъ что-нибудь, и ищетъ чѣмъ замѣнить эту потерю. Въ однообразіи жизни, этой искательности нѣтъ, человѣкъ

сосредоточивается, уходитъ въ себя, а тревоги, нарушающія его привычки и обычное мирное состояніе духа, совершаются эпохами.

Четыре года прошли день въ день, и разнообразіе заключалось только въ предметахъ воспоминаній, въ чтеніи газетъ и книгъ, и по вечерамъ въ сдачѣ картъ въ бостонъ втроемъ. Но Софронычъ не видѣлъ въ этомъ разнообразія: говорятъ, читаютъ, да карты—вотъ и все.

— А вамъ, батюшка, князь Михайло Васильичъ, слѣдовало бы хоть на старости лѣтъ, утѣшить родителей да жениться. Молодая жизнь окуражила бы и старую. А тутъ-вотъ, выйдешь посмотрѣть, и ничего-то нѣтъ, на что бы можно было порадоваться.

— Правъ ты, Софронычъ, не на что порадоваться; но и мое время прошло.

— Эва! подъ сорокъ лѣтъ! я въ шестьдесятъ собирался жениться.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— За чѣмъ? все некогда было. Ей Богу! то то, то се; а все дѣло. Подумаешь бывало: дай женюсь! да и задремлешь такъ сладко, словно ужь и жена подъ бокомъ; а тутъ, кто-нибудь: ей! Софронычъ!—очнулся, вскочишь, и забылъ про женитьбу.

Напоминаніе Софроныча о женитьбѣ, наводили на Луцкаго грусть о дочери. Ему хотѣлось бы хоть взглянуть на нее; но свобода его ограничивалась только правомъ жить при отцѣ, старики боялись выпустить его изъ глазъ, какъ хранителя остальныхъ дней своей жизни и чѣмъ бы онъ оправдалъ передъ нимъ поѣздку въ Москву? Сами обстоятельства, однакоже, дали ему случай. Княгиня стала часто жаловаться на упадокъ силъ своихъ; состояніе здоровья ея внушало уже опасенія.

Всѣ окрестные медики лѣчили ее безъ всякаго успѣха, и она горевала, что нѣтъ при ней ея бывшаго домоваго доктора.

— Онъ бы вылѣчилъ меня, говорила она:—сама я ѣхать не могу, а его не упросишь пріѣхать сюда.

Можно понять, что послѣ этихъ словъ матери, ни какія препятствія не остановили бы Луцкаго ѣхать въ Москву.

— По письму, онъ пришлетъ опять совѣты; письмо не убѣдитъ его, сказалъ онъ:—позвольте мнѣ ѣхать я непремѣнно привезу его; чрезъ нѣсколько дней онъ будетъ здѣсь.

Старикъ князь, опасаясь за здоровье жены, рѣшился на поѣздку сына, и самъ убѣдилъ княгиню отпустить его.

Тайною и поспѣшною поѣздкою въ Москву и воспользовался Луцкій, чтобы видѣть дочь и довѣрить ея воспитаніе Марьѣ Ивановнѣ Лиговской. Воспоминаніе навело его на мысль обратиться къ ней, и мы знаемъ, съ какою готовностію она приняла на себя обязанность замѣнить мать Вѣрочкѣ.

Вполнѣ успокоенный относительно дочери, Луцкій успѣлъ уговорить бывшаго домашняго доктора матери ѣхать съ собой, и сдержалъ данное ей слово возвратиться чрезъ нѣсколько дней.

Пріѣздъ доктора, къ которому княгиня имѣла полную довѣренность, оживилъ ее; здоровье ея возстановилось. Но лѣта понемногу брали свое: постепенно терялась память, являлись странныя причуды, разговоръ становился какимъ-то бредомъ, который не вдругъ замѣчали и мужъ и сынъ. Время не видимо тянулось въ уходахъ за нею и угадываніи ея желаній..

Обѣдъ заказывался еще по ея приказу; но что̀ ни подадутъ — она отвѣдаетъ и оставитъ, все ей не по вкусу; то солоно, то сыро, то чѣмъ-то пахнетъ непріятнымъ.

Займутъ ее игрой въ карты; сдадутъ, она возметъ, долго уставляетъ ихъ, и какъ дитя выбрасываетъ на столъ ту, какая попала подъ руку; но и это утомляетъ ее.

— Нѣтъ, пестритъ въ глазахъ, голова кружится. Лучше почитай, что-нибудь, Миша.

Иногда, во время чтенія, она забудется; а иногда внимательно слушаетъ, и вдругъ спроситъ:

— Ты что̀ жь это читаешь?

— Вамъ утомительно слушать, матушка, я перестану.

— Ну, хорошо; да вѣдь мы, кажется, начали игру? Тебѣ можетъ-быть не хочется, князь, играть?

— Отчего же, душа моя, не хочется? Для твоего удовольствія мнѣ все пріятно, отвѣчаетъ князь, ходя грустно и задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ.—Чѣмъ тебѣ угодно, тѣмъ и займемся.

— Отопри-ко, Миша, шифоньерку. Хочется посмотрѣть свои бриллiянты.

И княгиня, какъ дитя, пересматривала футляры съ разными драгоцѣнными вещами, вынимала, раскладывала на столъ и снова укладывала.

— Нѣтъ, это не то; это старинныя матушкины серьги; кто жь ихъ носитъ теперь; надо ихъ передѣлать... послать бы за ювелиромъ... Князь!.. гдѣ же онъ?

— Я здѣсь, княгиня, что̀ тебѣ угодно? спрашиваетъ старикъ, приподнимаясь съ мѣста и торопясь подойдти къ ней.

— Гдѣ же фермуаръ, который ты мнѣ подарилъ? Я его берегу для Мишиной жены, когда онъ женится.

— Ужь и я говорю князь Михайлѣ Васильевичу; пора бы порадовать всѣхъ насъ, приложилъ и свое слово Софронычъ, стоявшій тутъ же.

— Гдѣ жь бриллiянтовый фермуаръ? Тутъ нѣтъ его, сказалъ князь, разсматривая футляры.

— А какъ сестрицѣ показывали, ваше сіятельство, что̀ изволили подарить барышнѣ-то? Она тутъ юлила, да примѣривала, да цѣловала ручку, пробормоталъ Софронычъ.

— Цециліи? сказалъ князь, качая головою:—хорошій подарокъ! на него она могла бы выкупить отца изъ бѣды.

— Изъ какой бѣды, батюшка? спросилъ Луцкій.— Чарудатовъ удаленъ отъ должности; но купилъ имѣніе, живетъ пышно, и Цецилія считается богатою наслѣдницей.

— Что Чарудатовъ? спросила княгиня.—Бѣдная сестра и Цецилія! Князь! надо имъ помочь... пошли заложить эти вещи... да надо мнѣ пересмотрѣть свой гардеробъ... я выберу что-нибудь для Цециліи... принесите мнѣ...

— Хорошо, хорошо, княгиня; да не лучше ли завтра по утру?

— Нѣтъ, послѣ; я не много усну...

Подобныя бесѣды съ княгиней, въ какомъ-то полусонномъ состояніи, возобновлялись часто. Когда она забыва-

лась, старый князь съ сыномъ, ходили, въ ожиданіи ея пробужденія, по комнатамъ, склонивъ головы, и молчали, не зная о чемъ говорить, и не желая напоминать другъ другу о болѣзненномъ, безнадежномъ положеніи княгини.

Постоянно тяжкія чувства могли бы изнурить ихъ въ короткое время; но иногда княгиня приходила въ себя. Надежда на ея здоровье возрождалась, и они отдыхали. Медики перемѣнялись, каждый качалъ головой на лѣченіе предшественника своего, каждый подавалъ надежды, и эти минуты были отрадны. Когда же княгинѣ становилось лучше, одинъ день выкупалъ мѣсяцъ томительныхъ страданій за нее.

Въ этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ болѣзни, то надеждахъ, то безнадежности, прошли дни, недѣли, мѣсяцы и годы; но времени некогда было считать. А между тѣмъ старый князь совершенно охилѣлъ; сынъ его сохранялъ твердость духа; но сѣдина убѣлила уже и его. Софронычъ, какъ домовой, пройдетъ иногда по комнатамъ, остановится, посмотритъ поочереди на всѣхъ, и пойдетъ назадъ, молча, или пробормочетъ про себя:

— Господи, что жь это ея сіятельство, матушка княгиня, все больна да больна, словно при смерти! Кажись никто не выживаетъ ее съ бѣлаго свѣта? Что жь ей? Жила бы да жила. И всего-то седьмой десятокъ; а князю и всѣ семьдесятъ; а мнѣ, вотъ, и всѣ девяносто съ походомъ, а все же надо до ста дотянуть.

Болѣзненное состояніе княгини стало наконецъ явно прекращаться, всѣ чувства ея какъ будто ожили.

— Я теперь чувствую себя очень хорошо, повторяла она.

Князь и сынъ ея порадовались ея выздоровленію; но не надолго. Княгиня заснула и не просыпалась.

На рукахъ Луцкаго остался старый отецъ, на котораго казалось уже не дѣйствовало ни горе, ни утѣшенія. Въ какомъ-то забытьи ходилъ онъ по всему дому, останавливаясь прислушивался, заглядывалъ то туда, то сюда, и какъ будто искалъ княгини.

— Осиротѣли мы съ тобой, батюшка князь,—говорилъ ему Софронычъ, входя вслѣдъ за нимъ въ опустѣвшія комнаты княгини,—осиротѣли!

Князь не отвѣчалъ на его слова.

Въ этомъ общемъ онѣмѣніи снова тянулось время.

Наконецъ старый князь какъ будто одумался.

— Миша, сказалъ онъ,—намъ надо заняться съ тобой. И онъ повелъ его въ комнату находившуюся за кабинетомъ.

— Вотъ, Миша, продолжалъ онъ, отпирая шкапы въ стѣнахъ,—меня уже тяготитъ это казначейство... Прими ты отъ меня всѣ суммы счетомъ... я велъ дѣла въ порядкѣ. Вотъ, здѣсь все чистое золото; а здѣсь серебро... а здѣсь бумажки... Давай считать.

Огромныя суммы денегъ во всѣхъ видахъ поразили Луцкаго, но болѣе поразило предложеніе отца считать все это богатство. Однако надо было исполнять его волю, и новые счеты, но уже наличнаго капитала, начались.

— Я буду развертывать свертки и пачки и повѣрять, а ты также повѣряй и принимай... Дѣло пойдетъ скоро... Деньги, мой другъ, любятъ счетъ.

Дѣло однакоже шло медленно. Старикъ утомлялся и отдыхалъ. Потускнѣвшія монеты безпокоили его, и онъ обтиралъ платкомъ каждую изъ нихъ и передавалъ сотнями сыну, который обязанъ былъ записывать принятую сумму и тщательно укладывать снова въ сундукъ. Пріемъ казны продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, и когда кончился, силы старика совершенно уже истощились.

Вскорѣ Луцкій похоронилъ и отца. Онъ распорядился всѣмъ имѣніемъ; въ память отца и матери, щедро наградилъ всю прислугу, желающихъ отпустилъ на волю, и собрался ѣхать въ подмосковную.

— А мнѣ-то къ чему даешь ты деньги да волю? оставаться здѣсь съ ними?.. нѣтъ не останусь, а ѣду съ тобой, сказалъ почти столѣтній Софронычъ.

— Если только желаешь, поѣдемъ, другъ Софронычъ.

— Еще бы! Ужь если приросъ къ тебѣ, такъ и возись со мной.

XVII.

До Святой оставалось не болѣе двухъ недѣль. Марья Ивановна не возвращалась. Иванъ Артемьевичъ былъ очень доволенъ хозяйствомъ Сары и какъ будто забылъ о женѣ. Но Сара была въ неспокойномъ состояніи духа. Не одинъ уже разъ, какая-то отвратительная женщина встрѣчаетъ ее у подъѣзда, бросается къ ней, то требуетъ поговорить съ ней наединѣ, то проситъ милостыню на пропитаніе бѣдной матери, и такъ страшно смотритъ на нее, что всякій разъ Сара пугается этого взора. Дикія черты лица этой женщины, покрытаго темными пятнами, такъ впечатлительно отражаются въ памяти и воображеніи, что, повторяясь во снѣ, будятъ Сару; даже и на яву, въ полутьмѣ комнаты, слабо озаряемой ночникомъ, то же привидѣніе крадется къ ея постелѣ изо всѣхъ угловъ.

Въ непріятномъ расположеніи духа встала Сара, когда ей подали записку отъ Авдотьи Петровны, которая просила ее къ себѣ.

Сарѣ не хотѣлось ѣхать; но она превозмогла себя и поѣхала.

— Пора бы Машѣ пріѣхать, сказала ей Авдотья Петровна.—Святая недѣля на дворѣ; надо же къ празднику и пріѣзду жениха какое-нибудь новое платьице тебѣ. Вотъ, Вѣрушка, сто рублей; распорядись, милая, сама.

Самолюбіе Сары затронулось. Подарокъ Авдотьи Петровны показался ей чѣмъ-то въ родѣ милостыни.

— Для чего это, Авдотья Петровна? спросила она, со взглядомъ, въ которомъ не утаилось для старухи пренебре-

ніе:—я нисколько не нуждаюсь въ этомъ; у меня есть довольно нарядовъ, чтобы встрѣчать и праздникъ и жениха.

— Ну, какъ хочешь, милая; я насильно тебѣ не навязываю. Я думала, что тебѣ нужны на что-нибудь деньги. У васъ, я слышала, и весь великій постъ вечера да обѣды? прибавила Авдотья Петровна, какъ будто перемѣнивъ разговоръ.

— У Ивана Артемьевича? Онъ распоряжается своимъ временемъ какъ ему угодно.

— Ну, конечно. Онъ экономіи не наблюдаетъ, какъ Маша, да и до поста ему дѣла нѣтъ... твоимъ однакоже хозяйствомъ и любезностью всѣ очень довольны... Вчера насмѣшилъ меня Потапъ Савичъ: ну, говоритъ, надо отдать справедливость, Иванъ Артемьевичъ и Вѣра Михайловна живутъ какъ молодые.

— Прощайте, Авдотья Петровна, проговорила вмѣсто отвѣта Сара, вставая съ мѣста.

— Прощай, Вѣрушка.

Возвратясь домой, Сара издали начала всматриваться, нѣтъ ли опять у крыльца отвратительной нищей. Но не замѣтила никого. Карета остановилась у подъѣзда, человѣкъ отворилъ дверцы...

— Красавица ты моя, раздался вдругъ пронзительный знакомый уже Сарѣ голосъ:—подай, какое-нибудь платьишко дочкѣ моей Сарѣ на свадьбу! на свадьбу бѣдной невѣстѣ, дочкѣ моей Сарѣ!.. слышишь, красавица? вышли что-нибудь бѣдной матери!..

Сара съ содроганіемъ выскочила изъ кареты и вбѣжала на крыльцо.

Человѣкъ снова пугнулъ салопницу, и она отбѣжала отъ крыльца съ проклятіями.

Сара вошла въ свою комнату въ лихорадочномъ состояніи. Ее бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Имя *Сары* раздавалось въ ея ушахъ. Она припомнила это первое свое имя и, казалось, снова готова была вскрикнуть: Я не хочу быть Сарой!

— Что̀ это? проговорила она, бросая испуганный взоръ кругомъ.—Кто это меня преслѣдуетъ? тамъ даютъ на

платьишко бѣдной невѣстѣ, здѣсь просятъ на платьишко бѣдной Сарѣ!.. Тамъ насмѣхается надо мной богатство, здѣсь дразнитъ меня нищета!..

Сара закрыла обѣими руками лицо; но это отчаяніе недолго продолжалось, глаза ея заблистали.

— А! понимаю, понимаю! проговорила она вдругъ сценическимъ голосомъ:—меня хотятъ здѣсь измучить, свести съ ума, уморить! Нѣтъ! этого не будетъ, это вамъ не удастся.

Съ видимымъ презрѣніемъ къ собственнымъ пугливымъ чувствамъ, она пересилила себя, бросилась къ столу, написала коротенькую записку, на имя князя Ивана Юрьевича, запечатала, велѣла отдать на городскую почту, и вышла въ гостиную, гдѣ Иванъ Артемьевичъ встрѣтилъ ее съ какимъ-то торжественнымъ видомъ.

— Вѣрушка, милая, посмотри какая пріѣхала гостья! и онъ схвативъ Сару за руку, повлекъ къ окну, выходившему на дворъ, гдѣ сваливали съ дровней безобразный, огромный каменный истуканъ.

— Узнала?

— Нѣтъ, эта гостья мнѣ не знакома, отвѣчала сухо Сара.

— Каменная баба! баба каменная! единственный цѣльный экземпляръ!.. Не знаю только, гдѣ бы ее поставить...

— Ужъ не въ гостиной ли?

— А какъ ты думаешь? подлѣ средняго окна.

— Безъ сомнѣнія, эта постоянная гостья будетъ пріятна Марьѣ Ивановнѣ.

— Это такая рѣдкость! Изъ Малой Татаріи.

Иванъ Артемьевичъ и поставилъ бы каменную бабу въ гостиной, еслибы пріѣхавшій ввечеру князь Иванъ Юрьевичъ не разочаровалъ его, и не объяснилъ что этихъ могильныхъ истукановъ изъ Новороссійска можно привести сколько угодно.

— Вы ничему, князь, не даете цѣны! сказалъ затронутый Иванъ Артемьевичъ.

— Я умѣю цѣнить только прекрасное, отвѣчалъ князь, обращаясь къ Сарѣ.—Вѣра Михайловна, вы сегодня чѣмъ-

нибудь очень огорчены? проговорилъ онъ ей тихо:—я исполнилъ ваше желаніе...

— Походимте, сказала Сара,—меня что-то волнуетъ.

Пройдя ряды комнатъ, князь и Сара возвратились въ гостиную.

— Сядемте, сказала Сара,—у меня кружится голова.

— Вы бы пошли и легли, Вѣра Михайловна, проговорилъ съ участіемъ князь, встревоженный здоровьемъ Сары.

— Да я пойду въ свою комнату... Вы такъ обязательно заботливы обо мнѣ, князь!

И Сара, пожавъ князю, руку вышла изъ гостиной, гдѣ около двухъ игорныхъ столовъ составлялись уже партіи. Князь завербовался въ одну изъ нихъ.

На другой день по утру, Сара приказала нанять для себя карету.

— Для чего же, барышня, нанимать, когда своя есть?—спросила ее Даша.

— Мнѣ нужно дѣлать много покупокъ, по порученію, и я не хочу мучить лошадей Марьи Ивановны.

Въ одиннадцать часовъ, послѣ завтрака, Иванъ Артемьевичъ отправился въ свое засѣданіе. Въ слѣдъ за нимъ, поѣхала и Сара на Кузнецкій мостъ. Во всѣхъ лучшихъ магазинахъ и у всѣхъ славящихся модистокъ, она бывала не одинъ разъ съ Марьей Ивановной. Вездѣ ее знали, вездѣ встрѣчали любезными спросами: что ей угодно? раскладывали передъ ней всѣ лучшія матеріи, показывали новѣйшія моды полнаго дамскаго туалета.

Сара смотрѣла, выбирала что̀ ей нравилось, откладывала съ почтительно внимаемымъ словомъ: „это я беру“, и, расплачивалась новенькими бумажками, которыми туго набитъ былъ роскошный бархатный портфель, обложенный эмалью и золотомъ. Модистки тотчасъ поняли, что это не простая закупка, въ которую вмѣшивается разчетъ на прочность, и разчетъ на цѣнность, и соображеніе сколько можно издержать денегъ.

Съ догадкой, что Сара закупаетъ богатое приданое, предложенія усилились. Быстро развертывались передъ ней и ловко раскидывались вѣеромъ, въ рукахъ commis, различ-

ные сорты дорогаго воздушнаго тюля, для вѣнчальнаго платья, выборы высокой доброты матерій для платьевъ визитныхъ, парадныхъ, бальныхъ, утреннихъ, вечернихъ; выборы только что полученные, которыхъ ни на комъ еще не было.

Сара все покупала, какъ будто съ замысломъ закупить все лучшее, все дорогое. Пачки, связки и различнаго рода картонки наполнили ея карету, и она возвратилась домой.

Всѣ люди въ домѣ дивились этому множеству покупокъ, и недоумѣвали, для кого барышня Вѣра Михайловна все это изволитъ покупать?

На слѣдующій день явились модистки съ рисунками модъ и выкроекъ; Сара выбрала по вкусу, велѣла снять мѣрки, отдала матеріи въ шитье, написала новый реестръ покупокъ и снова отправилась по магазинамъ.

И опять разные ящики и картонки привозились, приносились и наполняли ея комнату.

Во всемъ домѣ заговорили, что Вѣра Михайловна строитъ себѣ богатое пребогатое приданое, да Богъ вѣдаетъ на какія деньги.

— Говорили люди Лонскихъ, что ихъ молодой баринъ женится на ней?

— Эва! онъ давно уѣхалъ.

— Да кто жъ женится-то на ней?

— Вѣрить Родіону, такъ стало-быть чортъ.

Спрашивали Митю, какъ онъ думаетъ?

Но онъ пожималъ плечами и говорилъ только про себя:

— Чудна что-то она; да и съ ней чудеса дѣются! Вотъ хоть бы эта колдунья что̀ приходитъ просить милостыню, говоритъ, что знаетъ ея родную мать... Да лжетъ она, морочитъ, чортово навожденье! только сомнѣнье наводитъ на князя!.. а тутъ вдругъ заговорили, что за Лонскаго замужъ выходитъ... и приданое закупаетъ... Подумаешь словно бы и правда... Да когдажь онъ сватался?.. А деньги-то откуда? Родіонѣ что̀ съ ней ѣздитъ чудеса разказываетъ, самъ видѣлъ... говоритъ, что пріѣдетъ въ магазинъ, раскроетъ бумажникъ — полнехонекъ ассигнацій; истратитъ

всѣ, закроетъ пустой; анъ глядь въ другомъ магазинѣ опять полнехонекъ!...

Домашніе слухи о необыкновенномъ приданомъ, устраиваемомъ для воспитанницы Вѣры Михайловны, дошли и до Авдотьи Петровны. Изумляясь этому, но не совсѣмъ довѣряя, она пріѣхала сама къ Ивану Артемьевичу.

— Какое приданое справляетъ Вѣрушка для себя и на чьи деньги? спросила она его съ подозрительнымъ взглядомъ.

— Какое приданое? спросилъ и онъ, уставивъ на нее глаза, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Но весь домъ говоритъ объ этомъ; откуда же берутъ?

— А я почемъ знаю?... Да какое же приданое? нешто она замужъ выходитъ?

— И то правда, батюшка, что ты ничего не знаешь. Не знаешь что̀ въ домѣ дѣлается; не знаешь, что Вѣрушка разъѣжаетъ по магазинамъ, и что къ ней снесли весь Кузнецкій мостъ!

— Удивительныя вещи вы говорите, Авдотья Петровна,— я ее постоянно вижу дома; распоряжается себѣ хозяйствомъ, и очень хорошо, я доволенъ, все въ порядкѣ.

— Да, слышала я, хозяйничаетъ очень хорошо, гораздо лучше Маши!... Надо навѣстить новую хозяйку.

И съ этими словами Авдотья Петровна, желая навести справку на мѣстѣ, отправилась въ комнату Сары. Вошла и изумилась. Сара примѣривала синяго бархата платье, богато обшитое кружевами.

— Извините, Авдотья Петровна, я сейчасъ кончу,— сказала Сара, продолжая дѣлать замѣчанія модисткѣ.—Передѣлайте такъ, какъ я сказала; на бурнусѣ кружева шире.

— У тебя присѣсть негдѣ, Вѣрушка, замѣтила Авдотья Петровна, смотря на комнату заставленную ящиками и картонками, на разные футляры на столѣ и на стулья занятыя разными пачками и набросанными на нихъ нарядами.

— Не угодно ли вамъ здѣсь сѣсть?

И Сара, схвативъ картонный ящикъ съ креселъ, бро-

сила его на постель. Крышка свалилась, блондовыя и кружевныя косынки и чепчики вывалились на полъ.

— Поднимите, сказала Сара модисткѣ.

— Снаряжаешь себя, приданое готовишь, Вѣрушка? Люблю, что и о себѣ и обо всемъ сама заботишься.

— Кому же мнѣ поручать, Авдотья Петровна?.. Да, я и забыла, продолжала Сара, обращаясь къ уходившей модисткѣ:—Нѣтъ ли у васъ знакомаго мѣховщика?

— Если вамъ угодно, я пришлю.

— Пришлите; чтобъ онъ принесъ, завтра же по утру, горностаевую пелеринку, да соболій мѣхъ на шубу, и другой чернобурый лисій.

— Въ какую цѣну, прикажете? спросила модистка.

— Я цѣны не опредѣляю: чтобъ были самые лучшіе мѣха.

— Лучшій соболій мѣхъ стоитъ около трехъ тысячъ серебромъ и даже дороже, чернобурый не менѣе;—замѣтила Авдотья Петровна дивясь всему, что̀ слышитъ и видитъ.

— Я право не знаю цѣны; но во всякомъ случаѣ лучшіе мѣха.

Модистка поклонилась и вышла.

Авдотья Петровна смотрѣла на Сару и, казалось, затруднялась съ чего начать разговоръ.

Сара также молчала; но потомъ встала и вынула изъ комода картонный ящикъ.

— Не угодно ли вамъ взглянуть, хороша ли эта шаль? сказала она, развертывая и накидывая на себя превосходную турецкую шаль.

Авдотьѣ Петровнѣ показалось, что она дразнитъ ее своимъ богатствомъ.

— Очень хороша; но должно быть и деньги хороши?

— Кажется, двѣ тысячи пять сотъ рублей.

— Серебромъ?

— Конечно.

— Дешево, дешево, у кого деньги есть—дешево. Въ мое время платили, когда на эти шали была особенная мода, тысячъ до трехъ за такую, разумѣется ассигнаціями.

— Теперь вѣроятно онѣ рѣдки и вздорожали, сказала Сара, не обращая вниманія на замѣчаніе Авдотьи Петровны.—Двѣ тысячи пять сотъ, составитъ, кажется, болѣе восьми тысячъ?

— Да, съ чѣмъ-то: восемь тысячь семь сотъ пятьдесятъ рублей.... На все это однакоже нужны деньги. Достаточно ли у тебя будетъ ихъ на нужныя вещи, Вѣрушка?

— Я полагаю, очень достаточно.

— Если Маша снаряжаетъ тебя къ свадьбѣ, то не лишнее было бы сдѣлать сначала роспись всему что̀ необходимо, и потомъ сообразить что̀ можно издержать.

— Марья Ивановна не снаряжаетъ меня, отвѣчала Сара.

— Такъ какъ же, стало-быть Иванъ Артемьичъ даетъ тебѣ деньги по ея распоряженію, и сколько нужно? прибавила Авдотья Петровна.

— Иванъ Артемьичъ выдаетъ деньги на свои домашніе расходы, но не на меня.

— Такъ извини, я не постигаю, откуда жь это все берется?

— Мой женихъ богатъ, и нельзя же чтобъ я явилась къ нему въ домъ въ какихъ-нибудь...

— Лохмотьяхъ, ты хочешь сказать? Ну, это дѣло другое; онъ можетъ рядить тебя, какъ ему угодно. Прощай, Вѣрушка, я очень рада твоему счастію.

Отъ Сары Авдотья Петровна проѣхала, кстати, съ визитомъ къ теткѣ Лонскаго, гдѣ застала и мать его.

— Марья Ивановна еще не возвращалась? спросила Любовь Ѳедоровна, усаживая ее.

— Еще нѣтъ; я удивляюсь, что она замедлила. Кто-нибудь тамъ нездоровъ.

— Что̀ Вѣра Михайловна?..

— Я сейчасъ отъ нея.

— Вотъ письмо отъ Алеши, пожалуста передайте ей. Онъ въ отчаяніи, что она считаетъ еще не приличнымъ отвѣчать ему. Да и мнѣ хотѣлось бы ее видѣть, и все это нельзя. Я не знаю, для чего таить о сговорѣ ихъ?

— Сама она, по крайней мѣрѣ, не таитъ, и готовитъ уже приданое, отвѣчала Авдотья Петровна.

— Неужели?..

— Да, и признаюсь, приданое не только богатое, но даже роскошное. Машѣ, конечно, не совсѣмъ будетъ пріятно, что ее предупредили; но она во всякомъ случаѣ не въ состояніи была бы такъ снарядить къ свадьбѣ и своихъ родныхъ дочерей.

— Такъ кто жь дѣлаетъ приданое Вѣрѣ Михайловнѣ? спросила вдругъ Любовь Ѳедоровна.

— Безъ сомнѣнія, это вамъ лучше извѣстно. Женихъ.

— Алеша? спросила снова съ изумленіемъ Любовь Ѳедоровна, обратясь къ матери Лонскаго.

— Я объ этомъ ничего не знаю, отвѣчала она.

Авдотья Петровна посмотрѣла съ недоумѣніемъ на ту и другую.

— Что̀ жь это онъ вздумалъ таить отъ насъ? проговорила, вспыхнувъ Любовь Ѳедоровна: — это странно и забавно!

— Удивляюсь! отвѣчала мать Лонскаго:—но это кажется невозможно!

— Онъ можетъ-быть думалъ, что моя племянница отпуститъ Вѣрушку изъ дому въ старыхъ тряпкахъ; но я ручаюсь, что этого бы не было, сказала Авдотья Петровна.— Впрочемъ извинительно; любя Вѣрушку и имѣя средства, ему хотѣлось великолѣпной обстановки.

— Такъ стало-быть, они имѣютъ сношенія помимо меня?

— Этого я не знаю, отвѣчала Авдотья Петровна.

— Прекрасно! А къ намъ пишетъ жалобы на то, что Вѣра Михайловна не удостоила его отвѣта! Безподобно! Это что̀ за штуки такія?.. и гдѣ жь ему взять деньги?.. стало-быть онъ занимаетъ?

Мать Лонскаго и на этотъ вопросъ пожала плечами. На лицѣ ея постоянно выражалось несочувствіе желаніямъ сына и тетки.

Любовь Ѳедоровна, безъ сомнѣнія, совѣстилась разразиться при Авдотьѣ Петровнѣ; она молчала, и закусивъ губы, потирала руки.

— Молодость не знаетъ цѣны деньгамъ, и не любитъ

вести счеты. Что̀ приглянется, то и давай, повела рѣчь Авдотья Петровна.—Напримѣръ, къ чему теперь турецкая шаль, которыхъ почти не носятъ; да еще въ двѣ тысячи пять сотъ рублей серебромъ. Потомъ двѣ шубы, одна собольи тысячи въ три, другая чернобурой лисицы — не дешевле? Въ наше время такъ не роскошничали.

— Господи! вскричала Любовь Ѳедоровна, да это брошенныя деньги!.. шаль у меня превосходная; я хотѣла ей подарить. Песцовый мѣхъ на шубу, я купила сама для нея, разумѣется не въ три тысячи... ай, ай, ай! скажите пожалуста! ну, Алеша! ну, мать моя, вѣрно сынъ въ отца!

— Вы всегда, при всякомъ случаѣ, находите удовольствіе упрекать своего брата, отвѣчала затронутая мать Лонскаго.

— Правда глаза колетъ; что̀ жь дѣлать!.. Я долговъ не намѣрена платить за Алешу!.. Мое состояніе не Богъ знаетъ какое!.. Все что̀ я могла дать имъ, это десять тысячъ серебромъ въ годъ... мнѣ надо же жить самой!

Мать Лонскаго встала, и вышла изъ комнаты.

— Вотъ воспитаніе сынка! проговорила вслѣдъ ей расходившаяся Любовь Ѳедоровна.

Авдотья Петровна не намѣрена была принимать ни чьей стороны въ домашнихъ счетахъ, а потому и поторопилась уѣхать.

Между тѣмъ, посланники и посланницы изъ магазиновъ, разные commis и разныя швеи, каждый день являлись къ Сарѣ. Люди привыкли безпечно и равнодушно смотрѣть на разный народъ, который проходилъ къ ней, чрезъ заднее крыльцо, безъ всякаго доклада.

Въ одно утро, занятая пересмотромъ разныхъ вещей, записываніемъ, укладкою ихъ, и своими соображеніями, Сара не замѣтила какъ вошла въ комнату Дина.

— Барышня, Вѣра Михайловна! раздался вдругъ сиповатый, глухой ея голосъ, какъ будто выходящій изъ какой-то пустоты.

— Кто тутъ? спросила Сара, не обращая вниманія.

— Или забыла ты въ роскоши и богатствѣ, что ты Са-

ра нищенькая Сара? голодная Сара, которую матери нечѣмъ было кормить?

Сара оглянулась, вздрогнула и оторопѣла.

— Это я! чего ты испугалась, чего ты боишься своей матери, Дины?

— Вонъ поди! проговорила Сара, съ ужасомъ смотря на знакомую, страшную уже для нея наружность Дины.

— Вонъ! вонъ, родной матери? Въѣлась въ богатство, не хочетъ знать кто родилъ ее!

— Кто тамъ? люди! крикнула Сара, стѣснившимся голосомъ.

— Ворона въ павлиньихъ перьяхъ! не брезгай матерью! слышишь, Сара! А не то я вытащу тебя изъ этихъ хоромъ въ свою трущобу!

Въ испугѣ Сара схватила колокольчикъ и, не помня себя, бросилась къ двери; но Дина заступила двери.

— Куда? не пущу! не пущу, покуда не прокляну твою душу! Не найдешь мѣста ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ, если не поклонишься въ ноги матери!.. Что ополоумѣла? Гадко вѣрно цѣловать руку у нищей?.. а мнѣ каково утирать слезы лохмотьями?.. Что заметалась отцовская холодная кровь!..

Въ это время дверь пріотворилась.

Сара хотѣла снова звать людей, но голосъ ея замеръ; слабо проговорила она:—Гоните, гоните ее!—бросилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Гони, гони! раздавался въ коридорѣ голосъ Дины:— не далеко угонишь! буду умирать у порога твоего съ голоду!..

XVIII.

Смутно и дико озиралась еще Сара вокругъ себя, послѣ того какъ вывели изъ ея комнаты Дину. Она велѣла не допускать къ себѣ никого безъ доклада.

— Нѣтъ, это уже становится страшно невыносимо! Я не могу оставаться здѣсь въ домѣ, я не хочу быть жертвой этой коварной бабы, Лиговской, которая мститъ мнѣ за свою глупую Лидію! проговорила вдругъ Сара изступленно.— Понимаю теперь причину ея отсутствія! Все въ домѣ на меня смотритъ звѣремъ; этотъ злой уродецъ, карликъ, участникъ ея каверзъ, чтобы вывести меня изъ себя и осрамить!.. Этотъ демонъ мутилъ мнѣ душу отцомъ, подговорилъ нищую выдавать себя за мать мою!.. Я видѣла, какъ онъ сидѣлъ съ ней вмѣстѣ у воротъ, выжидалъ меня и напустилъ на меня это чудовище... Нѣтъ, я не могу здѣсь долѣе оставаться! повторила рѣшительно Сара.

Она сѣла и начала писать письмо. Кончивъ его, позвонила, отдала Дашѣ и велѣла отослать немедленно къ Любови Ѳедоровнѣ Лонской.

Ни къ обѣду, ни ввечеру, когда собрались къ Ивану Артемьевичу обычные его гости, Сара не выходила изъ своей комнаты, и велѣла сказать, что чувствуетъ себя нездоровою.

Утреннее происшествіе, съ какою-то сумашедшею женщиной, напугавшею ее, было уже предметомъ разговоровъ и въ гостиной и во всемъ домѣ, и потому Иванъ Артемьевичъ даже навѣстилъ Сару съ тѣмъ чтобъ успокоить ее.

Смутныя, подозрительныя мысли роились въ головѣ Сары

и волновали ее въ продолженіи всей ночи; только со свѣтомъ она заснула.

Въ постели подала Даша ей отвѣтъ отъ тетки Лонскаго.

— Положи на столъ, дай мнѣ одѣться, сказала она, взглянувъ на адресъ.

Даша одѣла ее, причесала. По окончаніи туалета горничная вышла. Сара взяла письмо и распечатала.

„Милостивая государыня, Вѣра Михайловна (писала Любовь Өедоровна), странное письмо ваше я получила. Плохо зная французскій языкъ, я сомнѣвалась, не ошибаюсь ли я, что вы пишете будто васъ преслѣдуютъ и терзаютъ въ домѣ Марьи Ивановны; и потому обратилась за объясненіемъ къ Авдотьѣ Петровнѣ. Однакоже она не менѣе меня была поражена письмомъ вашимъ, и сказала, что если участіе въ васъ ея племянницы, Марьи Ивановны, постоянное вниманіе и даже любовь къ вамъ вы принимали за намѣреніе огорчать васъ и мучить, это уже не ея вина. Она сдѣлала для васъ, какъ посторонней для нея дѣвушки, все что̀ могла, чтобы замѣнить вамъ родную мать. Вы изволили также отозваться Авдотьѣ Петровнѣ, что женихъ вашъ дѣлаетъ вамъ великолѣпное приданое. Сомнѣваясь, чтобы мой племянникъ дѣлалъ это безъ моего и материнскаго согласія, я писала къ нему объ этомъ. Эта новость не только удивила его, но и заставила предполагать, что у васъ есть какой-нибудь другой женихъ, съ которымъ онъ не желаетъ соперничать, а потому отказывается получить вашу руку. Увѣдомляя васъ объ этомъ и желая вамъ счастія, остаюсь доброжелательная вамъ Л. Л.“

Дочитавъ дрожавшее въ рукахъ письмо, Сара изорвала его въ клочки, вынула изъ комода бархатный футляръ, запечатала его въ бумагу и надписала: „Любови Өедоровнѣ Лонской. Обратно.“

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, она снова бросилась въ кресло, закинула голову и, казалось, забылась. Лицо ея было блѣдно. Какъ будто очнувшись вдругъ отъ обморока, она осмотрѣлась вокругъ, позвонила и приказала вошедшей Дашѣ, велѣть подавать карету, а потомъ отвезти

самой посылку къ госпожѣ Лонской и отдать лично, не дожидаясь отвѣта.

Садясь въ карету, Сара велѣла ѣхать на Патріаршіе пруды. Тамъ указала она угольный домъ и подъѣздъ. Здѣсь жилъ Ранѣевъ. Онъ только что всталъ, и облаченный въ шелковый, коричневаго цвѣта архалукъ, пилъ чай.

— Вѣра Михайловна! сказалъ онъ съ удивленіемъ увидя Сару:—какими это судьбами?

— Просто вздумалось навѣстить васъ, Владиміръ Петровичъ.

— Стало-быть Марья Ивановна возвратилась? она здѣсь?

И Ранѣевъ бросился къ дверямъ, чтобы встрѣтить Марью Ивановну, которая, по родству, изрѣдка его навѣщала.

— Не трудитесь, я одна; Марья Ивановна еще не возвращалась.

— А вы теперь исполняете ея обязанности. Очень благодаренъ, что навѣстили меня. Не хотите ли чаю?

— Благодарю васъ, я пью по утру, а теперь уже полдень.

— Ну, какъ же идетъ ваше хозяйство? что Иванъ Артемьевичъ?

— Я его не видала еще сегодня. Мнѣ не здоровилось, и вдругъ пришла мысль ѣхать къ вамъ, тѣмъ болѣе что вы всегда принимали во мнѣ такое участіе.

— По влеченію сердца, прибавилъ шутя Ранѣевъ.

— Вотъ видите ли, къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ?

— За совѣтомъ? спросилъ Ранѣевъ.

— Да. Вы согласитесь, что моей воли никто не можетъ связывать?

— Это къ чему же такой вопросъ? Конечно, кто же захочетъ связывать вашу волю?

— Помните, вы говорили, что у меня есть талантъ для сцены?

— Да; что жь такое?

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите его во мнѣ?

— Рѣшительно.

— Такъ я хочу вступить на театръ.

Ранѣевъ посмотрѣлъ на Сару.

— Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы? сказалъ онъ, продолжая всматриваться въ нее.

— Я взволнована только желаніемъ оставить скорѣе домъ Лиговскихъ.

— Это какъ же понимать?

— Какъ хотите, такъ и понимайте, но желаніе мое непремѣнно.

Ранѣевъ задумался, что-то соображалъ и, казалось, догадался о причинѣ.

— Н-да! проговорилъ онъ, и какъ будто отклоняя разговоръ о намѣреніи Сары, спросилъ:—Что за причина, что Марья Ивановна такъ неожиданно уѣхала съ дочерьми... и такъ долго не возвращается?

— Право я этого не знаю и не хочу знать.

— Н-да! произнесъ Ранѣевъ, сложивъ и потирая, молча, руки.

— Вы можете мнѣ способствовать вступить на театръ? спросила опять Сара.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Ранѣевъ, качая отрицательно головою.

— Отчего нѣтъ? если вы признали, что я создана для сцены?

— Вы созданы для сцены, но въ то же время и не можете быть на сценѣ.

— Это какая-то загадка.

— Ее можно разгадать вашимъ независимымъ характеромъ.

— Вы не знаете моего нрава. Женитесь на мнѣ, тогда узнаете.

— Какъ же это сдѣлать для опыта? спросилъ Ранѣевъ.

— Какой опытъ! я знаю, что я за вами была бы счастлива; а при счастіи расположеніе къ независимости исчезаетъ.

Ранѣевъ снова посмотрѣлъ пристально на Сару, которая разгорѣлась пылкимъ румянцемъ; глаза ея блистали очаровательно.

— Вы мнѣ предлагаете столько счастія, что я бы сошелъ съ ума, и потому отказываюсь отъ него.

Румянецъ какъ будто стерся вдругъ съ лица Сары.

— Довольно, прощайте, сказала она съ усмѣшкой,—я хотѣла вамъ доказать свою способность къ сценѣ и представила бѣдную дѣвушку, которая съ отчаянія сама не знаетъ что̀ говоритъ. Прощайте, Владиміръ Петровичъ!

— Да! вы были бы удивительная актриса, сказалъ Ранѣевъ, подавая ей руку.

Сара выбѣжала, сѣла въ карету и велѣла ѣхать домой.

У Ранѣева былъ пытливый умъ, не столько въ научномъ, сколько въ житейскомъ смыслѣ. Онъ терпѣть не могъ недоумѣній, и во всѣхъ обстоятельствахъ сколько-нибудь интересныхъ и загадочныхъ, до кого бы они ни касались, онъ доискивался и добивался до скрытыхъ „концовъ въ воду". Его занималъ вообще бытъ людской, и онъ изучалъ его во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго круга до нищенскаго угла, и для этого почти ежедневно бывалъ то на гастрономическихъ обѣдахъ, безъ всякой угоды своему желудку, то на балахъ, вечерахъ, въ концертахъ, въ театрѣ, нисколько не для собственнаго удовольствія, а для того, чтобы наблюдательнымъ окомъ видѣть, какъ работаютъ надъ людьми страсти, и что̀ изъ всего этого выходитъ. Часть времени его посвящалась и экскурсіямъ для изслѣдованія нравовъ и событій въ нижнихъ слояхъ и подонкахъ общества, на рынкахъ, на улицахъ и переулкахъ, въ домикахъ и домишкахъ, въ лачугахъ и подвалахъ съ наемными помѣщеніями на палатяхъ, на нарахъ и подъ нарами, словомъ, повсюду, гдѣ на одномъ и томъ же огнѣ кипѣли одни и тѣ же страсти, только въ разной посудѣ и съ разными приправами.

Посѣщеніе Сары поразило Ранѣева; слова Сары навели какой-то туманъ на всѣ его соображенія относительно ея.

— Это не просто капризъ, причуды, она не фантазерка, проговорилъ онъ самъ себѣ.—Это надо изслѣдовать.

И вотъ, кончивъ въ размышленіяхъ и соображеніяхъ свой туалетъ, онъ отправился пѣшкомъ изъ дому, и потихоньку добрелъ до дома Лиговскихъ.

Не доходя до подъѣзда, на тумбѣ, сидѣла женщина, сжавшись, въ накинутомъ на голову платкѣ.

Ранѣевъ остановился, посмотрѣлъ не нее.

— Ты что здѣсь дѣлаешь?

— А вамъ-то что? Видите, сижу, ну и ступайте себѣ, отвѣчала она, окинувъ его черными, впалыми своими глазами и закутавъ еще болѣе лицо въ платокъ.

— А гдѣ органщикъ, съ которымъ ты ходила?

Женщина стала внимательно всматриваться въ лицо Ранѣеву.

— Знакомый вѣрно баринъ? мало ли было у меня въ свое время знакомыхъ!

— А что, похоронила мать?

— Слава Богу, еще живехонька.

— А бѣдною невѣстой долго была?

— Охъ, вы насмѣшники! Ужь насмѣхались бы да не надъ бѣдностью!

— А дочь выдала замужъ?

— Нѣтъ еще; сижу да стерегу жениха. Не хотите ли жениться на ней? вотъ она здѣсь, сказала женщина, указывая на домъ Лиговскихъ.—Богатая невѣста, ей-ей богатая. Присватайтесь; если не пойдетъ волей, за косу стащу къ вѣнцу.

— Пошла прочь, пьяная дрянь! прикрикнулъ Ранѣевъ.

— Не ты одинъ гонишь меня отсюда, и дочь гонитъ, да не уйду!

Ранѣевъ приподнялъ палку. Дина вскочила и отбѣжала отъ него; а онъ вошелъ въ домъ, не обращая вниманія на осиплый крикъ, которымъ она его провожала.

Иванъ Артемьевичъ, всегда довольный, когда являлся лишній гость, уговорилъ Ранѣева остаться обѣдать. Онъ остался съ намѣреніемъ взглянуть на Сару, послѣ загадочнаго ея посѣщенія. Но Сара не выходила къ столу; а между тѣмъ разказы о какой-то сумашедшей, которая ворвалась въ домъ, называетъ себя ея матерью, и страшнымъ образомъ напугала ее, привели Ранѣева въ новое недоумѣніе.

— Это та самая! подумалъ онъ.

Для всѣхъ происшествіе это казалось забавно, сумашествіе нищей смѣшно, и только сожалѣли слегка объ испугѣ Вѣры Михайловны. Но Ранѣева затронули разказы; какъ

слѣдователь, онъ допытывался подробностей, и, вставъ изъ-за стола, тотчасъ же взялся за шляпу. Намѣреваясь открыть дѣло, какъ говорится, по горячимъ слѣдамъ, онъ обошелъ дозоромъ около дома, посмотрѣлъ на тумбу, гдѣ сидѣла Дина, прошелся взадъ и впередъ по улицѣ; но предполагаемой безумной нищей уже не было.

Такъ какъ подозрѣваемая скрылась, открыть допросами ея слѣды по ночи было уже невозможно, а потому Ранѣевъ отложилъ изслѣдованіе до утра, и отправился въ клубъ.

Между тѣмъ, мы знаемъ, что Сара не выходила къ обѣду. Но ввечеру она спросила, кто въ гостиной?

— Только еще Варвара Сергѣевна съ его превосходительствомъ, да князь Иванъ Юрьичъ изволили пріѣхать.

— Я буду сама разливать чай, сказала Сара и вышла въ гостиную.

Князь бросился съ разспросами о случившейся съ ней непріятности.

— Да, непріятности, князь; я послѣ разкажу вамъ всѣ эти непріятности.

Передъ чаемъ и во время чаю, князь занялъ одного лишняго гостя игрой въ тентере, проигралъ ему столько, что тотъ, удовольствовавшись успѣхомъ вечера, и не находя для себя новой партій, отправился домой, а князь не видя въ гостиной Сары, прошелся по комнатамъ, увѣренный, что уже не увидитъ ея въ этотъ вечеръ; но къ удовольствію своему, нашелъ ее въ китайской комнатѣ, съ книгою въ рукахъ.

Когда князь вошелъ, она положила книгу.

— Садитесь, князь, подлѣ меня. Мнѣ хочется съ вами говорить. Только эту одну отраду я и имѣю посреди тоски и скуки.

— На эти слова, Вѣра Михайловна, мой отвѣтъ въ душѣ, сказалъ князь съ чувствомъ, садясь подлѣ Сары.

— Это не просто слова, князь, и я докажу это полною моею довѣренностью къ вамъ. Вы здѣсь единственный человѣкъ, принимающій участіе во мнѣ и въ судьбѣ моей... одинъ, котораго я уважаю и люблю...

И Сара, при этихъ словахъ, положила свою руку на руку князя. Онъ, внѣ себя, схватилъ ее и прижалъ къ своимъ губамъ.

– Вы одни, князь, понимали, какъ тяжело мое положеніе, и одинъ разъ намекали, что отъ меня зависило бы выйдти изъ него, еслибъ я только рѣшилась...

Сара не договорила.

— Да, Вѣра Михайловна, произнесъ князь, прерывающимся голосомъ,—и теперь повторяю, что лѣта мои не могутъ осчастливить васъ любовью; но отъ васъ зависитъ принять мое имя, и располагать и мною, и моимъ состояніемъ.

— Но вы мнѣ сказали это тогда, когда я была, къ несчастію, связана словомъ и не могла уже располагать собою.

Изумленный этими словами, князь сдержалъ порывъ чувствъ своихъ.

— Выслушайте, продолжала Сара,—вы можетъ-быть замѣтили искательство Лонскаго.

— Не могъ не замѣтить, отвѣчалъ князь сознательно,—но признаюсь вамъ, я былъ доволенъ этимъ искательствомъ, если только оно относилось не къ простому препровожденію времени молодаго человѣка.

— Я не шла на встрѣчу; напротивъ, я уклонялась отъ него.

— Для чего же? онъ достойный, прекрасный человѣкъ, и вы, я увѣренъ, были бы счастливы за нимъ.

Сара сдержала вздохъ.

— Можетъ быть... но вѣдь могутъ же не нравиться и прекрасные люди... Самодовольствіе и увѣренность въ своихъ достоинствахъ, прихотливая привычка счастливить какое-нибудь бѣдное сердце своею любовью, мнѣ ненавистны. Признаюсь вамъ, Лонскій мнѣ не по душѣ... и безъ принужденія я бы не рѣшилась идти за него.

— Васъ принуждали?

— Мое положеніе меня принуждало. Меня желали скорѣе сбыть съ рукъ, и намѣрены были устроить мое счастіе замужествомъ съ Четкинымъ...

— Неужели? воскликнулъ князь.

— Разумѣется, я предпочла неожиданное предложеніе

Лонскаго чрезъ тетку, которой я имѣла счастіе понравиться. Меня призвали, и я дала согласіе, не зная ни страсти къ нему Лидіи, ни цѣлей ея матери и Авдотьи Петровны. Надо было видѣть, князь, какъ съ этой минуты, все въ домѣ измѣнилось въ отношеніи ко мнѣ... Надо было видѣть сцены съ Лидіей. Марья Ивановна тотчасъ же уѣхала съ дочерьми, и безъ сомнѣнія не съ тѣмъ чтобы возвратиться покуда я въ домѣ... Что жь мнѣ было дѣлать послѣ этого, князь?.. Надо было заботиться самой о себѣ, имѣть деньги по крайней мѣрѣ на башмаки, и я рѣшилась воспользоваться добрымъ вашимъ предложеніемъ... Но когда стали коварно распускать про меня слухи, чтобъ очернить меня и все разстроить...

— Вѣра Михайловна, клянусь что я ничего не слыхалъ про васъ, кромѣ восторженныхъ похвалъ!

— Князь, кто жь осмѣлится сказать вамъ про меня что-нибудь не доброе, зная ваше расположеніе ко мнѣ?.. Но если Авдотья Петровна рѣшилась упрекать меня, что я завладѣла мужемъ Марьи Ивановны и всѣмъ домомъ?..

— Неужели? Это ужасно! воскликнулъ князь.

— А продѣлки съ пьяною нищей, которую подсылаютъ чтобъ осрамить меня... и кричать на весь домъ, что я ея дочь?

— Какое варварство!

— А между тѣмъ, князь, Марья Ивановна знаетъ, кто мой отецъ. Знаю и я можетъ-быть, и вы узнаете современемъ; но напрасно бы я стала искать своихъ правъ; да и кто жь будетъ моимъ ходатаемъ?

— Вѣра Михайловна, и вы у меня это спрашиваете?

— Но, князь, ходатайство было бы и безполезно. У меня нѣтъ въ рукахъ никакихъ доказательствъ ни на имя, ни на права... Теперь для меня настала рѣшительная минута. Я не хочу быть ни причиной непріятностей для Марьи Ивановны, ни причиной страданій Лидіи. Я уже написала къ теткѣ Лонскаго, что отказываюсь отъ предложенія его; а вмѣстѣ съ тѣмъ не хочу оставаться и здѣсь въ домѣ... я уйду отсюда куда глаза глядятъ!

— Вѣра Михайловна! сказалъ добродушно взволнован-

ный князь, взявъ Сару за руку: — столько великодушія, столько жертвъ! Но неужели и отъ моего участія въ васъ вы отказываетесь?

Сара поняла весь смыслъ этихъ словъ и чувство, съ которымъ они были сказаны.

— Нѣтъ, отъ вашего участія во мнѣ я не въ силахъ отказаться... я такъ привыкла васъ любить... я ваша, отъ васъ теперь зависитъ рѣшить мою судьбу... только вырвите меня отсюда!

Сара подала князю руку; онъ схватилъ ее и пламенно сжалъ въ своихъ рукахъ.

— Я взволнована... походимте, сказала Сара. — Ахъ! нѣтъ... погодите... дайте мнѣ придти въ себя!

Сара пожала руку князю и вышла изъ китайской комнаты во внутренніе покои, обошла кругомъ въ гостиную и сѣла у стола играющихъ.

— Вашу ручку на счастье, сказалъ обратясь къ ней превосходительный Петръ Андреевичъ. — Такъ васъ очень напугала нищая? Не понимаю, какъ можно пускать на дворъ этихъ потаскушекъ!.. Вы съ чего же ходили, Иванъ Артемьичъ?

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную и князь Иванъ Юрьевичъ.

— Ба, ба, ба! а мы думали, что ты, князь, уѣхалъ, или вздремнулъ гдѣ-нибудь въ уголку?

— Вотъ это такъ; въ самомъ дѣлѣ, я сѣлъ и задумался о своей поѣздкѣ.

— Куда?

— Въ Одессу на праздники; а потомъ за границу.

— Помилуй, князь! проговорилъ Иванъ Артемьевичъ.— Къ чему это, что̀ за надобность?

— Извѣстная надобность, сказалъ Петръ Андреевичъ:— въ Одессѣ новая итальянская труппа. Безъ музъ и грацій его сіятельство жить не можетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете за границу, князь? спросила Сара, вставая съ мѣста.

— Думаю, Вѣра Михайловна, отвѣчалъ онъ, отходя вмѣстѣ съ ней отъ стола.

— Ахъ, князь, скорѣй отсюда! тихо произнесла Сара.

— Мы поѣдемъ ко мнѣ въ деревню.

— Куда хотите, но скорѣе!

— Отъ васъ зависитъ, хоть завтра.

— Завтра, завтра!.. Ждите меня въ четыре часа у подъѣзда къ бульвару.

И съ этимъ словомъ Сара торопливо вышла изъ комнаты.

XIX.

Послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, старый Наумычъ управляющій подмосковною князей Луцкихъ, дождался наконецъ молодаго барина.

Болѣе двадцати лѣтъ домъ стоялъ никѣмъ не обитаемый. Но часто Наумычъ входилъ въ него, освѣжалъ воздухомъ и стиралъ со всего насѣдавшую пыль. Передъ пріѣздомъ князя, онъ заново оштукатурилъ домъ, перекрасилъ, вычистилъ, уставилъ окна цвѣтами изъ оранжереи, разостлалъ ковры, снялъ чахлы съ картинъ, размѣстилъ всѣ убранныя вещи и вещицы по тѣмъ же мѣстамъ, на которыхъ онѣ стояли въ памятные ему счастливые дни.

Когда Луцкій пріѣхалъ и вошелъ въ родительскій домъ, все прошедшее живо представилось ему, онъ остановился и обнялъ сопровождавшаго его старика Наумыча.

Молча, отерли они слезы на своихъ глазахъ.

— Батюшка, князь Михайло Васильевичъ, пожалуйте кушать чайку съ дороги, сказалъ Наумычъ, вводя Луцкаго въ комнату, гдѣ на столѣ готовъ уже былъ чайный приборъ и кипѣлъ самоваръ. — Хозяюшки нѣтъ, продолжалъ онъ грустно вздохнувъ: — сами ли изволите наливать, или прикажете моей старухѣ?

Князь обнялъ и стоявшую въ дверяхъ старушку, жену Наумыча, попросилъ ее похозяйничать, усадилъ подлѣ себя ее, Наумыча и дряхлаго Софроныча, который пріѣхалъ съ нимъ и тащился по комнатамъ, всматриваясь во все слѣпыми глазами.

— Вотъ, сударь ты мой, пріѣхали на старое свое пепе-

лице! бормоталъ онъ:—привелъ же Богъ и мнѣ попасть на свою родину. Вѣдь и ты, князь Михайло Васильевичъ, чай родился въ этомъ домѣ?

— Не помню, Софронычъ.

— А я помню. Вотъ оно что̀. Годковъ сорокъ слишкомъ тому назадъ. Да! годковъ сорокъ; а меня ужь тогда дѣдушкой звали. Вотъ и считай.

— Такъ моя Вѣрочка здорова, Наумычъ? спросилъ Луцкій.

— Недавно былъ Митя изъ дому. Жаловался онъ, правда, что послѣднее время стали барышню рознить отъ своихъ дочерей: по зависти, говоритъ; потому что она поумнѣе да и получше всѣхъ; ну, да я подумалъ себѣ, какъ же писать объ этомъ вашему сіятельству.

— Завтра поутру распорядись Наумычъ, нанять для меня карету.

— А для чего жь нанимать, ваше сіятельство: лошади есть, а откидная карета совсѣмъ новенькая стоитъ.

— Такъ ты поѣдешь со мной, я совсѣмъ забылъ Москву.

Послѣ чаю, Луцкій написалъ къ Марьѣ Ивановнѣ письмо и приказалъ отправить поутру съ верховымъ въ домъ Лиговскихъ. Но нетерпѣніе скорѣе видѣть дочь томило его, и на другой день, дожидаясь отвѣта, онъ задумчиво смотрѣлъ въ окно на экипажъ, стоявшій уже у подъѣзда. Четверня статныхъ вороныхъ коней фыркала и взрывала землю. Карета съ откинутымъ верхомъ и на лежачихъ рессорахъ только что изъ мастерской.

— Наумычъ, откуда эти славныя лошади? спросилъ онъ наконецъ старика.

— Съ вашей конюшни, ваше сіятельство. Заводъ ведется по сію пору и идетъ порядкомъ.

— Какой заводъ? у насъ былъ дрянной заводъ, а это тысячные кони!

— Охотникъ я до лошадей, такъ позанялся, отвѣчалъ Наумычъ:—дѣло и пошло, благодаря Бога.

— Такъ этихъ коней, Наумычъ, я у тебя покупаю.

— Ваше да вамъ же продавать, ваше сіятельство? Да я что̀ жь такое? Удобрять да умножать довѣренное мнѣ не-

што не на моемъ было отвѣтѣ и передъ Богомъ и передъ вами?

— Чѣмъ же мнѣ платить тебѣ за твою службу? сказалъ Луцкій, обнявъ старика.

— Вотъ это лучше денегъ.

— Поѣдемъ же, я не дождусь отвѣта.

Наумычъ, подсадивъ князя въ карету, хотѣлъ самъ садиться на козлы.

— Со мной, со мной, другъ Наумычъ!

— Не мое мѣсто, ваше сіятельство, сказалъ Наумычъ, но долженъ былъ исполнить желаніе князя.

— А откуда ты взялъ карету?

— Карета также вашего сіятельства. Вымѣнялъ на желѣзо съ старыхъ экипажей.

— Заботливъ ты, добрый Наумычъ.

— Куда же прикажете ѣхать? Чай къ Иверской, съ дороги? да слѣдовало бы и поднять ее, матушку, въ домъ.

— Непремѣнно, Наумычъ.

Помолясь въ часовнѣ Иверской Божіей Матери, Луцкій приказалъ ѣхать къ Лиговскимъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ дому, сердце его сильно забилось отъ нетерпѣнія скорѣе обнять дочь свою. Образъ ея матери воскресалъ предъ нимъ.

Карета остановилась у подъѣзда. Наумычъ выскочилъ изъ нея и по приказанію Луцкаго побѣжалъ вызвать къ нему Митю.

Въ эту самую минуту сѣнныя двери дома мгновенно отворились и затворились, раздалось: „вонъ, чертовка!“ и вытолкнутая женщина въ капорѣ и ватномъ капотѣ, оступившись, грохнулась на лѣстницу и скатилась по ступенямъ на площадку.

— Батюшки! вскричала она:—помогите! убили злодѣи, убили!.. Проклятая дочь! мать свою вытолкала какъ собаку на улицу!..

Луцкій выскочилъ изъ кареты, подбѣжалъ къ женщинѣ и поднялъ ее. Она съ воплями схватилась за голову.

— Что̀ съ тобой, моя милая? кто ты? спросилъ ее Луцкій.

— Кто я? кто? мать вотъ этой бездушной дѣвчонки что̀ здѣсь въ домѣ на воспитаніи... Барыней стала, зазна-

лась, милостыни матери не подаетъ! вытолкать велѣла меня!.. Голова моя, бѣдная голова, разбили ее въ дребезги!

И она снова схватилась за голову.

— У кого на воспитаніи твоя дочь? спросилъ Луцкій.

— Здѣсь въ домѣ у господъ...

Слова Дины прерваны были появленіемъ карлика Мити. Онъ, какъ полоумный, выбѣжалъ изъ воротъ, бросился къ Луцкому, онѣмѣлъ отъ радости, и какъ ребенокъ, протянулъ къ нему руки. Луцкій поднялъ его и поцѣловалъ.

— Скажи, Митя, что̀ это̀ значитъ? Кто эта женщина? Какая у ней здѣсь дочь на воспитаніи?

— Ваше сіятельство, проговорилъ карликъ, взглянувъ на Дину.—Эта полоумная все ищетъ какой-то дочери... напугала вчера барышню Вѣру Михайловну; а сегодня опять было ворвалась въ домъ.

— Я? я полоумная? вскрикнула Дина:—какая Вѣра Михайловна? Сара-то? Моя дочь Сара—Вѣра Михайловна? воспитанница-то здѣшняя? Нѣтъ, эта змѣя, вотъ изъ-подъ этого сердца! . вотъ чье проклятое сѣмя взяли господа Лиговскіе. Спросите меня... я вамъ укажу честную женщину, которая обманомъ беретъ за меня пенсію!..

— Это страшно! проговорилъ Луцкій, содрогаясь отъ Дины.—Дома Марья Ивановна? доложи скорѣе обо мнѣ.

— Ваше сіятельство, Марьи Ивановны нѣтъ дома, отвѣчалъ Митя,—онѣ съ дочерьми уѣхали въ деревню къ сестрицѣ...

— О, Боже мой! когда жь я увижу ее! проговорилъ Луцкій.

— Да барышня здѣсь... началъ было Митя.

— Барышня! перервала его Дина:—спросите у Викторины про свою барышню; я жива не хочу быть, если не стащу эту барышню за косу въ рѣку, да не утоплю!

— У какой Викторины? спросилъ Луцкій.

— У акушерки, отъ которой дочь моя взята господами Лиговскими на воспитаніе.

— Наумычъ! слышишь?.. Что̀ это значитъ?

— Не понимаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Наумычъ, пожимая плечами.

Митя весь дрожалъ.

— Боже мой, говорите, что жь это все значитъ? повторилъ дрожащимъ голосомъ Луцкій.—Наумычъ, поѣдемъ!.. и ты со мной!..

— Куда жь это? спросила Дина съ испугомъ.

— Къ Викторинѣ, о которой ты говоришь.

— Къ Викторинѣ? Пожалуй, поѣдемте къ ней; она сама вамъ скажетъ; она сама отдавала Сару къ господамъ Лиговскимъ, сама перемѣнила ей имя, да назвала Вѣрой Михайловной, чтобъ я не узнала ея... Отдала за полную сироту, а у этой сироты мать и бабка съ голоду умираютъ!

— Наумычъ, куда ѣхать?

— Я знаю, знаю куда, ступайте прямо, сказала Дина,— она на прежней квартирѣ, живетъ себѣ въ роскоши, получаетъ пенсію за Сару, да держитъ у себя еще какую-то воспитанницу, и тоже сбудетъ выгодно съ рукъ.

У Луцкаго сердце облилось кровью.

— Ступай скорѣе, крикнулъ онъ кучеру.

Карета наконецъ повернула въ переулокъ, и по указанію Дины, остановилась у воротъ, у которыхъ стояла телѣжка на рессорахъ.

— Насилу узналъ домъ, сказалъ Наумычъ,—сюда на лѣстницу ваше сіятельство.

Луцкій торопливо взбѣжалъ по ступенямъ, отворилъ въ сѣняхъ указанную дверь, и вошелъ прямо въ комнату. Наумычъ и Дина остановились въ передней.

Старушка Викторина сидѣла на диванѣ, а подлѣ оконъ, на стульяхъ, сидѣлъ довольно молодой мущина въ пальто, и рядомъ съ нимъ женщина въ мантильѣ, но повязанная по-русски платкомъ.

— Мнѣ нужно госпожу Викторину, сказалъ Луцкій тревожнымъ голосомъ.

— Я, сударь, Викторина, что вамъ угодно?

— Мнѣ нужно съ вами говорить, продолжалъ Луцкій, бросивъ суровый взглядъ на гостей хозяйки.

Они невольно приподнялись съ мѣстъ.

— Такъ ужь, Викторина Ивановна, позвольте пріѣхать завтра, или ввечеру, сказала женщина въ повязкѣ.

— Сколько я поняла изъ вашихъ словъ, милая, вы напрасно безпокоитесь; здѣсь никакихъ товаровъ для васъ нѣтъ, отвѣчала Викторина.

— Очень сожалительно! отвѣчала женщина, выходя въ переднюю.—А!! сударыня моя! Дуня кофейница! проговорила она, увидя Дину:—вотъ что? надувать! сама пошла въ свахи? Погоди жь ты, моя любезная!

— И не думала, Степанида Михеевна! Мнѣ дѣло здѣсь о своей дочери, а не о чужихъ, отвѣчала Дина.

— Послушате, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Викторинѣ, вызвавъ Дину изъ передней,—эта женщина говоритъ, что воспитанница Лиговскихъ—ея родная дочь; правда ли это?

Старушка смутилась, узнавъ Дину.

— Извольте сказать, Викторина Ивановна, я ли мать Сарѣ?

— Да... это правда, Дина, Сара ваша дочь... отвѣчала неспокойнымъ голосомъ Викторина.

— Воспитывается у Лиговскихъ подъ именемъ Вѣры? спросилъ торопливо Луцкій.

— Я не знаю... начала было Викторина.

— Какъ не знаете, подхватила Дина,—какъ не знаете? Да не по согласію ли матушки моей, вы отдали ее туда? Не сами ли перекрестили ее изъ Сары, изъ некрещенаго имени?

— Я не помню... это такъ давно было.. но что̀ жь изъ этого?

— Такъ гдѣ жь моя дочь, Вѣра? спросилъ дрожащимъ голосомъ Луцкій, бросивъ грозный взглядъ на Викторину.— Наумычъ поди сюда!..

Викторина вскрикнула, вся затряслась и обмерла.

Изъ спальни дверь пріотворилась, съ испугомъ выглянула молоденькая дѣвушка. Наружность ея мгновенно поразила Луцкаго. Взглянувъ на Викторину, блѣдную и безъ чувствъ, она бросилась къ ней.

— Бабушка, бабушка! что̀ съ вами?.. что̀ вы за люди? что̀ вы сдѣлали съ ней! повторяла она обнявъ Викторину, и смотря съ ужасомъ на стоявшаго передъ ней Луцкаго.

— Боже великій! воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками:— это она! живая мать ея! Вѣра! Вѣра!

Но дѣвушка не слыхала словъ его; она припала на грудь Викторины, цѣловала ея лицо и звала ее.

— Вѣра! это такой же ангелъ, какъ моя Марія! Вѣра Вѣра! повторялъ Луцкій, сложивъ руки, какъ передъ образомъ.

Наумычъ бросился за водой. Старая Матрена также прибѣжала.

— Милочка, Вѣрочка, что̀ сдѣлалось съ Викториной Ивановной? завопила она.

Викторина пришла въ себя; но вся дрожала. Она обняла Вѣрочку, и боязливо взглянула на Луцкаго.

— Бабушка, васъ испугали!.. проговорила Вѣрочка, цѣлуя ея руку.

— Простите, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Викторинѣ,— простите чувства отца; но возвратите мнѣ дочь мою.

Старушка Викторина прослезилась.

— Боже мой, чего вы хотите отъ бабушки? проговорила Вѣрочка, устремивъ умоляющій взоръ на Луцкаго.

— Другъ мой, Вѣрочка, это отецъ твой! сказала старушка.

— Вѣра! обними отца твоего, съ нѣжнымъ чувствомъ произнесъ Луцкій, приближаясь къ Вѣрочкѣ съ распростертыми объятіями.

Съ неудоумѣніемъ взглянула она на него боязливымъ взоромъ чудныхъ глазъ своихъ.

— Вѣрочка, повторила Викторина:—это отецъ твой! другъ мой, это для тебя новое чувство.

На глазахъ дѣвушки выступили слезы; смущенная, она бросилась къ отцу; онъ обнялъ ее, и цѣловалъ ея голову.

— И вы возьмете ее отъ меня?.. Я люблю ее какъ родная мать, я безъ нея умру! проговорила Викторина, залившись слезами.

— Нѣтъ, вы будете всегда при ней, сказалъ Луцкій.

— Ахъ, я ее люблю, любила, берегла ее!.. Когда я должна была передать ее на воспитаніе къ Лиговскимъ, она была больна при смерти... Я вынянчила, выходила ее, не

могла разстаться съ этимъ ангеломъ!.. и рѣшилась... какъ хотите, такъ и судите меня... Вѣрочка, проси за меня, за любовь мою къ тебѣ, прощенье у отца твоего!..

— Забудемте объ этомъ, сказалъ Луцкій,—въ случайности та же рука Провидѣнія, и я вамъ обязанъ за сохраненіе дочери моей.

— Барышня, ваше сіятельство, пожалуйте ручку старику.—Помните, я вамъ привозилъ куколокъ?

Вѣрочка удивилась словамъ Наумыча; она посмотрѣла нѣжно на отца, припала къ нему, посмотрѣла ласково на старика, подала ему руку и поцѣловала его въ голову.

— Викторина Ивановна, отозвалась вдругъ, стоявшая у дверей Дина, — теперь пенсію за Сару, вы извольте отдать мнѣ.

— Милая моя Дина, я никакой не получаю пенсіи за Сару; но я дамъ тебѣ все что̀ могу.

— Позвольте, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Динѣ,—вы, какъ мать дѣвушки, которая воспитывалась у Лиговскихъ подъ именемъ моей дочери, будете получать отъ меня пенсію. Но вы до времени предоставьте уже свою дочь ея судьбѣ. Она, безъ сомнѣнія, невиновата въ томъ, что воспитываясь какъ сирота, не признала въ васъ мать свою.

— Она? въ этой роскоши? и не узнаетъ? сказала Дина, махнувъ рукой. — Она вся въ отца, который меня бросилъ!

— Вотъ вамъ на первый случай, сказалъ Луцкій, давая нѣсколько бумажекъ Динѣ.

— Теперь, Вѣра, продолжалъ онъ, обращаясь къ дочери, —поѣдемъ ко мнѣ, къ отцу твоему.

— А бабушка? боязливо спросила Вѣрочка, бросивъ на него умоляющій взоръ.

— Боже мой! живая добродушная Марія! проговорилъ Луцкій.—Другъ мой, бабушка поѣдетъ съ нами, и сегодня же переѣдетъ въ нашъ домъ. Наумычъ, твое дѣло будетъ распорядиться этимъ.

— А я-то, а я куда? сказала старая Матрена, умиленно смотрѣвшая на Луцкаго и Вѣрочку. — Вѣра Михайловна, княжна ты моя! вѣдь я такъ всегда тебя и звала, какъ

будто знала, чуяла твое счастіе. Я тебя нянчила, не оставь же меня!

И старая Матрена хотѣла поцѣловать руку у Вѣрочки; но она отдернула руку и обняла ее.

— Могу я взять и ее къ себѣ?

— Непремѣнно!

Въ нѣсколько минутъ и Вѣрочка, и ея воспитательница, старушка Викторина, снарядились въ путь.

— Скорѣй домой! крикнулъ Луцкій, посадивъ Вѣрочку и Викторину въ карету, и садясь противъ нихъ.

Вѣрочка перекрестилась, и быстро помчались кони въ подмосковную князя.

XX.

По страсти и привычкѣ добираться до всѣхъ началъ, до всѣхъ причинъ и до всѣхъ вообще тайнъ, Ранѣевъ не переставалъ думать о происшествіи съ нищей, называющею себя матерью воспитанницы Лиговскихъ; онъ не могъ оставить безъ изслѣдованія этотъ поступокъ Дины, которая въ его глазахъ нисколько не походила на безумную.

„Вѣра Михайловна сирота, думалъ онъ, взята Марьей Ивановной на воспитаніе отъ какой-то бѣдной матери; отчего жь не могла явиться на сцену бѣдная мать?.. Но какимъ же образомъ Дина, уличная пѣвица, до сихъ поръ молчавшая, вдругъ вздумала такъ настойчиво принимать на себя названіе матери? Странно! этого нельзя оставить такъ; тутъ можетъ быть и умыселъ, отъ котораго надо предохранить бѣдную Вѣру Михайловну... Это можетъ хоть кого свести съ ума!“

Соображая все это обстоятельно, Ранѣевъ на другой же день собирался идти на поискъ Дины; но неожиданный пріѣздъ цѣлый компаніи и приглашеніе ѣхать на дачу, разстроили его намѣреніе. На слѣдующій день онъ былъ свободенъ отъ свѣтскихъ оковъ; около полудня, обдумывая съ чего начать поискъ, онъ взялъ шляпу, и въ двери.

Раскланиваясь безостановочно со встрѣчными знакомыми, Ранѣевъ останавливался только бесѣдовать со встрѣчными нищими и калѣками, допрашивая ихъ о нѣмчихѣ Динѣ. Не получивъ свѣдѣній на бульварѣ, онъ отправился въ ряды, какъ на обширное поприще бродягъ. Въ ножовой линіи, съ

перваго же шагу, онъ встрѣтилъ необходимаго проводника къ цѣли.

— А, голубчикъ, поди-ка, поди сюда, сказалъ онъ мальчику-калѣкѣ съ вывернутыми назадъ ногами.

— Батюшка, баринъ! прокричалъ мальчикъ, ковыляя въ слѣдъ за нимъ изъ рядовъ на площадь; но когда баринъ крикнулъ извощика, маленькій плутъ акробатъ, перепугавшись, выпрямилъ было уже ноги, чтобы бѣжать.

— Постой, молодецъ, сказалъ Ранѣевъ, взявъ его за воротъ и сажая съ собою на дрожки.

— Батюшка, баринъ! да за что̀ жь?..

— Вези къ своей матери!

— Къ какой матери? Я сирота...

— Къ пѣвицѣ съ которою ты шлялся подъ окнами.

— Къ нѣмчихѣ-то? Да какая жь она мнѣ мать? Вольно ей называть меня сыномъ.

— Все равно, ты знаешь, гдѣ она живетъ; получишь полтинникъ.

Съ помощію акробата, Ранѣевъ добрался до фаланстеріи и чрезъ пучины хламу и грязи до того угла, гдѣ на койкѣ лежала мать Дины.

— Здравствуй, старушка; ты я вижу въ большой нуждѣ.

— Голодная, голодная лежу, господинъ! простонала изнуренная старуха слабымъ голосомъ.

Ранѣевъ посмотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, далъ деньги сторожу и велѣлъ принести изъ трактира супу и хлѣба.

— Кофею, кофею, господинъ, умираю безъ кофею! проговорила старая Берта.

— Принести и порцію кофею.

— И булку!

— Принести и булку.

— Ахъ! добрый, добрый господинъ!

— У тебя есть дочь; она не дурно пѣла подъ органъ.

— А вы, господинъ, знаете ее?.. Да, Дина пѣла, какъ хорошо было жить, а теперь не то поетъ.

— Кажется, она была замужемъ?

— За мужемъ? Да, да, была... да несчастье! А какъ хошо мы жили... все-то у насъ было...

— У ней и дочка есть?

— Дочка?.. да... она, господинъ, на воспитаньи... тоже у господъ...

— У какихъ господъ?

— Вотъ и забыла фамилію-то... вотъ Викторина хорошо ихъ знаетъ; она къ нимъ сама и отдавала мою внучку... да такая безчестная, пенсію за нее вмѣсто насъ получаетъ, ни копѣйки намъ не даетъ!..

— Кто жь такая Викторина?

— Викторина? Акушерка, частная бабушка-акушерка... такая безчестная!.. Пенсію съ господъ беретъ за нее... а мы въ бѣдности!...

— Кто же такіе господа, у которыхъ живетъ твоя внучка.

— Господа-то?.. вотъ, никакъ не помню... Дина знаетъ, каждый день ходитъ... да ее гоняютъ прочь... богатые, а такіе не добрые... не признаютъ... говорятъ: мы круглую сироту взяли...

— А въ какой части Викторина?

— А что̀ подлѣ башни... не помню... за башней-то...

Дальнѣйшіе вопросы были безполезны. Старуха дрожала надъ принесенною чашкой кофею, и ничего уже не въ состояніи была говорить.

— Надо добывать Викторину! подумалъ Ранѣевъ, и выбравшись изъ нищенской трущобы, онъ дохнулъ чистымъ воздухомъ и отправился на дальнѣйшій поискъ.

— Какія же здѣсь башни? Сухарева башня, Меншикова башня, башня Кутафья...

На первый разъ онъ поѣхалъ къ Сухаревой башнѣ; пробрался въ канцелярію частнаго дома.

Тутъ писарь объявилъ ему, что такой бабушки нѣтъ; а была ли такая—того не знаетъ; а что если нужна бабушка, такъ новая бабушка, хорошая бабушка, принимаетъ дѣтей по акушерской части, и беретъ на воспитаніе.

— Я тебя спрашиваю про Викторину, а не про твою хорошую, новую бабушку! сказалъ съ сердцемъ Ранѣевъ.

— Такой здѣсь нѣтъ! дополнилъ равнодушно писарь,— можетъ-быть въ какой другой части и есть бабушка, а у насъ здѣсь внучка.

Испытавъ неудачу въ части по сю сторону Сухаревой башни, Ранѣевъ поѣхалъ въ часть по ту сторону Сухаревой башни.

Здѣсь дряхлый сторожъ указалъ ему и квартиру повивальной бабки Викторины, и лѣстницу, на которую надо было подниматься, и дверь, въ которую слѣдовало войдти.

Ранѣевъ, уже безъ указанія вошелъ въ комнату, гдѣ все было въ безпорядкѣ и пожилая, плотная баба укладывала разныя вещи въ ящики.

— Здѣсь повивальная бабка, Викторина?

— У васъ вѣрно родильница? спросила она вмѣсто отвѣта.—Викторина Ивановна не принимаетъ.

— Почему не принимаетъ?

— Потому что не принимаетъ, вотъ и все.

— А ты все-таки доложи, что мнѣ очень нужно ее видѣть.

— Нужно видѣть? Такъ ступайте въ подмосковную его сіятельства.

— Какого его сіятельства?

— А князя, батюшки Вѣры Михайловны. Викторина Ивановна съ ней поѣхала.

— Вѣра Михайловна? А кто такая Вѣра Михайловна?

— Кто-о? А воспитанница, что̀ слыла сироткой.

— Сирота, воспитанница Вѣра Михайловна?

— Ну да; вотъ оно что̀.

Изумленному Ранѣеву оставался еще вопросъ о фамиліи князя.

— Фамилія? На радости-то мнѣ и не въ домекъ; знаю, что князь, его сіятельство, съ меня и довольно; какъ поѣдете въ подмосковную, тамъ вамъ скажутъ.

— А подмосковная-то какъ?

— Какъ какъ? подмосковная да подмосковная; какъ еще вамъ?

Ранѣевъ махнулъ рукой и вышелъ, сѣлъ на дрожки и погонялъ извощика, торопясь къ Лиговскимъ и разсуждая о странныхъ случайностяхъ, о Сарѣ, объ отыскавшемся отцѣ ея, какомъ-то князѣ, и о притязаніяхъ Дины на права матери.

XXI.

Послѣ условія съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, ночь Сары была мучительна. Какъ будто боясь сна, она не тушила свѣчи, не ложилась въ постель. Уложила нѣкоторыя вещи въ шкатулку, написала письмо, взяла книгу; но ее пугалъ малѣйшій отдаленный звукъ, внезапный лай собаки, даже шорохъ собственнаго платья, и она, то прислушивалась, то оглядывалась, то всматривалась, не остановилась ли на часахъ минутная стрѣлка?

Рано по утру послала Сара за своею модисткой и поручила ей всѣ купленныя и изготовленныя вещи для приданаго взять къ себѣ и уложить для отправленія въ дорогу.

— На дняхъ явится къ вамъ за вещами человѣкъ, съ запиской отъ меня, сказала она ей.

Приказаніе ея было исполнено. Комната опустѣла и приняла свой обычный видъ.

— Все-то вы, барышня, примѣривали на себя, сказала грустно Даша:—кто жь это будетъ носить-то?

— Для кого было шито, отвѣчала ей Сара.

Тревожно ожидала она условнаго времени. Когда Иванъ Артемьевичъ отправился въ обычный свой часъ въ засѣданіе, навѣстить кого-нибудь, или просто *взять воздуху*, Сара задумчиво ходила по всѣмъ комнатамъ и, едва послышится стукъ экипажа на улицѣ, боязливо смотрѣла въ окно, не остановится ли онъ у подъѣзда, не возвратилась ли Марья Ивановна? Тревожное чувство усиливалось съ приближеніемъ назначеннаго часа.

Наконецъ, не спокойнымъ голосомъ приказала она подавать карету.

— Даша, вели сказать Ивану Артемьевичу, что я къ обѣду не выйду... Не ждать меня, я обѣдать не буду.

— Вы вѣрно, барышня, не здоровы? Какія вы блѣдныя! замѣтила Даша, провожая свою барышню.

Не отвѣчая ни слова, Сара сѣла въ карету. Въ концѣ улицы, она подала знакъ остановиться, подозвала человѣка и велѣла ему воротиться домой и отнести лежавшее въ ея комнатѣ на столѣ письмо къ Авдотьѣ Петровнѣ.

Къ извѣстному часу обѣда Иванъ Артемьевичъ возвратился домой. Вскорѣ съѣхался и запасный штатъ виста.

— Чтò жь, не пора ли обѣдать? спросилъ Иванъ Артемьевичъ, позвонивъ.—Подавайте на столъ.

— Обѣдъ на нынѣшній день не заказанъ, отвѣчалъ человѣкъ?

— Какъ? какъ не заказанъ?

— Не заказанъ, ваше превосходительство.

— Какъ не заказанъ? Это чтò такое? Попроси сюда Вѣру Михайловну!.. Вотъ забавно! Мы оставлены безъ обѣда!

Весь штатъ виста также съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ивана Артемьевича, который стоялъ вопросительнымъ знакомъ посреди комнаты, дожидаясь Сары, за которою пошелъ человѣкъ.

Въ этомъ положеніи засталъ его прибывшій съ поисковъ Ранѣевъ.

— Владиміръ Петровичъ, представьте себѣ: мы безъ обѣда по милости Вѣры Михайловны.

— Гдѣ жь Вѣра Михайловна? спросилъ Ранѣевъ.

— Я послалъ за ней.

— Куда?

— Какъ куда? извѣстное дѣло.

— Но я ничего не знаю.

— Прекрасно! какъ будто она живетъ не здѣсь въ домѣ!.. Ну! крикнулъ Иванъ Артемьевичъ возвратившемуся человѣку, чтò жь Вѣра Михайловна?

— Онѣ изволили поѣхать и сказали, что не будутъ кушать.

— Куда изволили поѣхать? Не будутъ кушать! крикнулъ

опять Иванъ Артемьевичъ:—я думаю, что не будутъ кушать, когда обѣдъ не заказанъ!.. Чортъ знаетъ! жена уѣхала, оставила весь домъ на руки дѣвочкѣ!..Это удивительная вещь!

— Въ самомъ дѣлѣ удивительная вещь! сказалъ Ранѣевъ. — А когда поѣхала Вѣра Михайловна? спросилъ онъ у человѣка.

— Да вотъ только что изволили уѣхать... не такъ здоровы, такъ прогуляться вѣрно.

— Нѣтъ ужь, тутъ ничего не поймешь! сказалъ Ранѣнѣевъ:—прощайте, Иванъ Артемьевичъ.

— Куда жь вы?

— Что̀ жь, прикажете вмѣсто обѣда сидѣть и сокрушаться объ обѣдѣ?

— Такъ поѣдемте куда-нибудь вмѣстѣ.

— Вмѣсто куда-нибудь, я поѣду въ клубъ.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ!

Прошелъ часъ, другой, совершенно уже смерклось. Даша нѣсколько разъ выбѣгала въ переднюю спросить, не пріѣхала ли барышня, Вѣра Михайловна.

— Да что̀ жь она спряталась что ли гдѣ, что ты спрашиваешь, отвѣчалъ ей дежурный офиціянтъ.

— Что̀ жь это значить, что ея до сихъ поръ нѣтъ?

— А кто жь ее знаетъ?

Въ то же время въ дѣвичьей хватились карлика. И его нѣтъ, противъ обыкновенія.

Во всемъ домѣ поднялась тревога шепотомъ. То сбѣгутся всѣ въ передней, то въ дѣвичьей, то въ людской; идутъ толки, запросы и недоумѣнія.

— Ты, Семенъ, съ барышней былъ, куда жь она поѣхала?

— Я, Семенъ, съ барышней былъ; а барышня говоритъ: ступай прямо. Ну и поѣхали прямо; а середи дороги барышня кричитъ: Семенъ! — Чего изволите? -- Ступай возьми письмо на столѣ, да отнеси къ Авдотьѣ Петровнѣ. Семенъ къ Авдотьѣ Петровнѣ, отнесъ да и вернулся.

— Карета стало-быть не пріѣзжала домой?

— Стало быть.

— Стало-быть Вѣра Михайловна поѣхала куда-нибудь на вечеръ?

— А куда жь она ѣздитъ одна на вечеръ?

— Не ѣздила при Марьѣ Ивановнѣ; а теперь безъ нея, кто ей указъ? вздумала и поѣхала.

— Чу, баринъ!

— А что, докладывать ему, что Вѣра Михайловна еще не возвращалась, али нѣтъ?

— Къ чему жь докладывать? Только безпокоить будешь. Вѣдь не пропадетъ.

— Два часа пробило!

— Ну, что жь? нешто господа время считаютъ?

— И Мити по сю пору нѣтъ; онъ-то гдѣ?

— Не завалился ли гдѣ-нибудь какъ сѣрой котъ? Его вѣдь и не замѣтишь.

— Вездѣ искали.

— Стало-быть съ барышней поѣхалъ?

— Эва! сказалъ выѣздной Семенъ

Толки продолжались до разсвѣта. Никто изъ людей и спать не ложился въ ожиданіи Сары.

Съ разсвѣтомъ карета пріѣхала и остановилась у конюшни. Извощикъ преспокойно слѣзъ съ козелъ.

— Гдѣ вы пробыли до сихъ поръ? спросили въ одинъ голосъ выбѣжавшіе изъ людской.

— Гдѣ пробыли? на бульварѣ пробыли.

— Какъ на бульварѣ?

— На бульварѣ, повторилъ извощикъ. Пріѣхали на бульваръ, барыня вышла да и пошла; а мнѣ говоритъ ступай на другой конецъ! У Никитскихъ ворогъ я ее и ждалъ; да вотъ до сей поры ждалъ.

— Ты, вѣрно, проспалъ барышню-то?

— Къ чему жь мнѣ проспать-то ее? кликнула бы, я бы и подалъ.

Иванъ Артемьевичъ еще покоился крѣпкимъ утреннимъ сномъ, когда пріѣхала озабоченная чѣмъ-то Авдотья Петровна.

— Вѣра Михайловна еще спитъ? спросила она торопливо.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— У себя въ комнатѣ?

— Никакъ нѣтъ съ.

— Да гдѣ жъ она?

— Онѣ уѣхали-съ.

— Когда?

— Вчера еще передъ обѣдомъ уѣхали-съ.

— Прощай! проговорила Авдотья Петровна.—Иванъ Артемьевичъ спитъ себѣ?

— Изволитъ еще почивать.

— Будите!

И взволнованная Авдотья Петровна усѣлась въ гостиной.

— Что прикажите, Авдотья Петровна? проговорилъ Иванъ Артемьевичь, выходя наконецъ изъ спальни.

— Нечего мнѣ приказывать-то тебѣ, мой батюшка; а вотъ скажи, гдѣ Вѣрушка-то?

— Да, странное дѣло! Вы, говорятъ, за ней пріѣхали; а ея дома нѣтъ... да и вчера тоже уѣхала и обѣда не заказала! срамъ! Я позвалъ кое-кого... Жены по сю пору нѣтъ, бросила домъ на руки дѣвочкѣ... не ходить же мнѣ за ней нянькой!

— Такъ ты еще и не знаешь, неповинная голова, что Вѣрушка со вчерашняго дня исчезла изъ дому?

— Какъ исчезла, Авдотья Петровна?...

— Да такъ, гдѣ она?

— Да почему жь я знаю?.. Эй! кто тутъ есть?.. Надо спросить людей...

— Не трудись, мой батюшка, я получила отъ нея очень почтительную записочку, въ которой она проситъ меня поблагодарить васъ за воспитаніе и за попеченіе о ней, въ которомъ она уже болѣе не нуждается.

— Какъ? куда жь она поѣхала?

— Это ея тайна.

— Тайна? скажите пожалуста! такая скромница... да съ кѣмъ же это она ушла?.. не съ Митей же, котораго также со вчерашняго дня нѣтъ дома.

— Неужели? и Митя пропалъ? Это однакоже странная вещь!.. сказала Авдотья Петровна, задумавшись.—ну, прощай, батюшка, я сегодня же пошлю нарочнаго къ Машѣ.

— Да, да, пожалуста, Авдотья Петровна; право безъ нея у меня весь домъ разбѣжится.

XXII.

Лонскій получилъ роковое письмое отъ тетки въ минуту огненныхъ мечтаній о близкомъ счастіи владѣть горделивою Сарой. Когда онъ читалъ гнѣвныя строки, упрекавшія его въ скрываемыхъ будто бы имъ сношеніяхъ съ своею невѣстой и въ безумныхъ долгахъ, которые онъ дѣлаетъ на великолѣпное ей приданое, чувства его мутились, сердце опало, затронутое самолюбіе напомнило весь холодъ и безотвѣтность Сары на всѣ его жертвенныя поклоненія.

Въ порывѣ раздраженныхъ и оскорбленныхъ чувствъ, Лонскій схватилъ дрожащею рркой перо, и написалъ, въ короткомъ отвѣтѣ теткѣ, презрительный отказъ Сарѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ рѣшился подавить въ себѣ всѣ страстныя воспоминанія о ней, но они врывались въ душу.

„А если все это клевета?" подумалъ онъ.

Эта мысль стала преслѣдовать его; онъ мучился обвиняя себя въ довѣріи къ безсмысленному письму тетки. Немедленно взялъ онъ отпускъ въ Москву, и въ продолженіи пути страдалъ уже не за себя, а за Сару. Но изъ первыхъ словъ обрадованной пріѣздомъ его матери, онъ понялъ, что Сара уже для него не существуетъ

— Не знаю, кто изъ насъ виноватъ, и кто былъ слѣпъ, ты или я, сказала ему Любовь Өедоровна: — но, слава Богу, что ты съ своимъ сердцемъ, а я съ своимъ приданымъ, оказались лишними. Невѣста твоя исчезла; а поступка ея, послѣ согласія выйдти за тебя замужъ, я не понимаю... можетъ-быть тебѣ это болѣе извѣстно.

— Тетушка, нужно ли мнѣ еще разъ повторять, что я съ ней ни нѣжныхъ, ни тайныхъ сношеній не имѣлъ, отвѣчалъ затронутый ея равнодушіемъ и словами Лонскій.

— Такъ тутъ есть какая-нибудь особенная тайна. Разказываютъ про нее разныя исторіи, даже волшебныя сказки; но мнѣ теперь до нихъ дѣла нѣтъ... мать удовлетворитъ твое любопытство со всѣми подробностями.

— Подобныя исторіи и меня нисколько не занимаютъ... я въ одномъ только убѣдилась, что сердце матери не обманчивый вѣщунъ.

— Этихъ вѣщуновъ, милая, я также не понимаю, замѣтила Любовь Өедоровна.

Равнодушіе тетки ко всему, кромѣ своихъ собственныхъ причудъ, и постоянная ѣдкость и колкость языка ея были невыносимы для Лонскаго. Въ участіи матери онъ думалъ найдти для себя успокоеніе; но для раздраженныхъ чувствъ и ея утѣшенія были тягостны. Ей хотѣлось скорѣе излѣчить больную его душу.

— Можетъ-быть, ты теперь подумаешь о моихъ желаніяхъ, Алеша? сказала она ему чрезъ нѣсколько дней, нѣжнымъ тихимъ голосомъ, слегка испытывая его сердце.

— Не знаю, матушка; по крайней мѣрѣ, во мнѣ никакихъ желаній уже нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Лонская грустно вздохнула и закрыла лицо руками.

— Боже мой, проговорила она,—неужели для меня нѣтъ ни малѣйшей надежды на радость въ жизни?

Невольный ропотъ матери затронулъ глубоко Лонскаго.

— Чего хотите вы отъ меня? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Матушка, зачѣмъ же эти слезы?

— Другъ мой, мнѣ легче когда я смотрю на тебя и плачу.

— Повторяю вамъ, чего же вы хотите отъ меня?

— Скажи мнѣ, должно ли любить равнодушныхъ къ намъ и пренебрегать любящихъ насъ?

— Это вопросъ для здороваго сердца, а не для разбитаго... о камень! задумчиво отвѣчалъ Лонскій матери.

На первый разъ этимъ заключился разговоръ, которымъ

добродушная Лонская нетерпѣливо желала склонить сердце сына къ Лидіи.

Между тѣмъ, пріѣздъ Лонскаго въ Москву не надолго оставался тайной, хотя онъ никуда еще не показывался, отговариваясь болѣзнью. Надежды Марьи Ивановны въ отношеніи его возобновились; она слышала отъ Авдотьи Петровны, что онъ самъ отказался отъ Сары, и была почти увѣрена, что и намѣреніе его жениться на ней зависѣло болѣе отъ непреклонной воли и внушеній причудливой тетки нежели отъ собственнаго увлеченія. Марья Ивановна объявила свои предположенія Авдотьѣ Петровнѣ.

— Если Лонскій пріѣхалъ, то это добрый знакъ. Разумѣется, послѣ сватоства на твоей воспитанницѣ, ему неловко явиться въ домѣ, хотя онъ самъ отказался отъ Вѣры...

— Ахъ, не называйте ее этимъ именемъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ! Ее зовутъ Сарой.

— Да вѣдь это твоя тайна съ княземъ Луцкимъ; но не въ томъ дѣло. Къ счастію, только тебѣ да мнѣ извѣстно и то, что Лонскій сватался на этой Сарѣ. Я поѣду къ теткѣ его. Любовь Ѳедоровна тотчасъ же выскажется на счетъ новыхъ своихъ намѣреній относительно племянника.

Авдотья Петровна не откладывала визита къ Любови Ѳедоровнѣ.

Послѣ разговора о здоровьѣ и прекрасной погодѣ, которая стоитъ въ продолженіи всей Святой, Любовь Ѳедоровна сама спросила о Сарѣ.

— Есть какія-нибудь извѣстія, куда она скрылась?.. Разумѣется, я не вѣрю, что у ней нашлись родные, и что она къ нимъ поѣхала.

— Но что̀ же моей племянницѣ отвѣчать, чтобъ избавиться допросовъ о ней? Говорятъ, что она уѣхала за границу съ княземъ Иваномъ; но ужь съ его стороны, кажется, можно было бы понять въ семьдесятъ лѣтъ, что такой своенравной природѣ, какъ воспитанница Маши, нужны были только его деньги и полная свобода.

— Но какой низкій поступокъ относительно Алеши! Для чего же она соглашалась выйдти за него?

— Ну, еще бы! Нѣтъ сомнѣнія, что молодость и достоинства вашего племянника имѣли вліяніе на сердце дѣвушки. Еслибъ онъ былъ здѣсь, на лицо, то конечно побѣда осталась бы за сердцемъ.

— Ну! двуличія я терпѣть не могу; слава Богу, что Алеша избавился отъ нея! Она сбила бы его съ пути, и пошла бы моя денежка къ чорту.

— Я думаю онъ объ этой потерѣ мало и горюетъ, тѣмъ болѣе что это сватовство никому неизвѣстно, кромѣ насъ.

— Еслибы горевалъ, то вѣрно не пріѣхалъ бы съ своимъ горемъ ко мнѣ.

— А онъ здѣсь?

— Разумѣется, еще бы не пріѣхалъ на праздники!..

— Вы пожалуста скажите ему, что ни я, ни Маша нисколько не въ претензіи на него за отказъ Вѣрушкѣ. По причинѣ ли этого отказа, или нѣтъ, она пріискала себѣ покровителя; но во всякомъ случаѣ Маша радехонька, что избавилась отъ ея невыносимыхъ причудъ и капризовъ. Теперь только созналась она, что это было за зелье.

— Для чего же она меня не предупредила?

— Какъ же бы она это сдѣлала, имѣя дочерей невѣстъ, а можетъ-быть и имѣя надежды... Какъ бы вы приняли это предупрежденіе; да и какъ рѣшиться лишать счастія дѣвушку?

— Правда; надѣюсь однакоже, что это обстоятельство не разстроило насъ съ Марьей Ивановной.

— Она была бы давно у васъ, еслибъ была увѣрена, что поступокъ ея воспитанницы не измѣнилъ вашихъ добрыхъ отношеній къ ней.

— Нисколько, Авдотья Петровна: на счетъ же Алеши скажу вамъ, что я дала себѣ слово въ его сердечныя дѣла не мѣшаться. У него есть мать, да еще съ материнскимъ сердцемъ вѣщуномъ.

— Я и сама то же сказала Машѣ, которая сбила меня съ толку своимъ вѣщуномъ, проговорила въ тонѣ Любови Ѳедоровны хитрая Авдотья Петровна.

— Я терпѣть не могу этихъ вѣщуновъ! Впередъ ничего не отгадаешь.

— Я и сама той же вѣры, Любовь Өедоровна, заключила Авдотья Петровна, вставая съ мѣста.

Чрезъ нѣсколько дней и Марья Ивановна, съ трепетнымъ сердцемъ, пріѣхала къ Любови Өедоровнѣ; но, встрѣченная радостнымъ и радушнымъ взглядомъ матери Лонскаго, она успокоилась. Надежда ея воскресла. То же самое чувство испытала и мать Лонскаго; но сомнѣніе въ сынѣ еще тревожило ее.

— Алеша, сказала она ему послѣ свиданія съ Марьей Ивановной,—у насъ была Лиговская...

— Матушка! высказывая ваши желанія, вы мнѣ приказываетс; но вы знаете, что я вамъ покоренъ... отвѣтилъ онъ на слова матери.

— О, нѣтъ избави Богъ! Я не хочу тебѣ приказывать. Я хочу твоей доброй воли. Я сказала о Лиговской только потому, что мнѣ кажется...

— Что̀ вамъ кажется, матушка? Договорите.

— Что ея пріѣздъ къ намъ... Ахъ, Боже мой! Алеша, вѣдь она мать Лидіи, которой ты оказывалъ вниманіе, подавалъ надежды, которая повѣрила имъ... которая не знаетъ что ты предпочелъ ей другую!..

Эти слова поразили Лонскаго, онъ вскочилъ, бросился къ матери, припалъ къ плечу ея.

— Матушка, довольно! Я виноватъ и передъ Лидіей и передъ вами! Я заглажу вину мою, я исполню ваше желаніе!

Тронутая до глубины сердца, Лонская замолчала; но слезы ея капали на голову сына.

Казалось, сознавъ свое безуміе, онъ мгновенно исцѣлился отъ пожиравшей его страсти. На другой день онъ уже былъ вмѣстѣ съ матерью у Лиговскихъ. Взглянувъ на Лидію, онъ вспыхнулъ.

Никогда взоръ Лидіи не былъ такъ свѣтелъ, и никогда еще не видалъ Лонскій такого безоблачнаго голубаго неба...

Онъ, казалось, поддался этому очарованію.

XXIII.

Когда Марья Ивановна возвратилась въ Москву, въ домѣ Лиговскихъ все пошло обычнымъ порядкомъ. Сары какъ будто въ немъ никогда и не бывало. Марья Ивановна отклоняла всѣ напоминанія и намеки о ней. Она была увѣрена, что Сара уѣхала съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ за границу, рада была этому, и какъ-то невольно оправдывала ея поступокъ и ея рѣшимость предпочесть княжество, богатство и свободу замужству съ вѣтренымъ Лонскимъ. Лидія при Сарѣ была какъ будто связана, какъ будто боялась ея; безъ Сары, она стала свободнѣе, веселѣе и развязнѣе. Когда же Лонскій явился снова въ домѣ, Лидія вполнѣ ожила, и не томилась уже тѣмъ пугливымъ, мучительнымъ чувствомъ, которое она испытывала при Сарѣ.

Надежды Марьи Ивановны относительно Лидіи возобновились, она была спокойна: Сара не могла уже ихъ нарушить, и Потапъ Савичъ, заставъ Лонскаго бесѣдующимъ съ Лидіей, по праву домашняго комика спросилъ ее, указывая на нихъ:—можно надѣяться? Вмѣсто отвѣта, Марья Ивановна усмѣхнулась. Этого было для него достаточно, чтобъ убѣдиться, что дѣло кончено, и поторопиться развезти пріятную новость по Москвѣ.

Проѣзжая мимо одного великолѣпнаго дома, Потапъ Савичъ, замѣтивъ у подъѣзда карету, крикнулъ:—стой!

Вѣрно Софья Петровна пріѣхала изъ Петербурга! проговорилъ онъ самъ себѣ.—Барыня здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчалъ кучеръ.

Потапъ Савичъ соскочилъ съ дрожекъ, и вошелъ въ об-

ширныя сѣни—никого нѣтъ; поднялся на лѣстницу, подставилъ себя человѣку бывшему тутъ, чтобъ снялъ съ него шинель, и двинулся въ залу.

Въ слѣдующей комнатѣ заслышалъ онъ женскій звучный голосъ, и зашаркалъ прямо въ двери.

Тутъ, дама въ бархатномъ бурнусѣ и въ соломенной шляпкѣ, украшенной страусовыми перьями, разсматривала планъ дома, который придерживалъ молодой человѣкъ, видимо художникъ.

— Въ этой комнатѣ вы мнѣ сдѣлайте карнизы розе съ позолотой, и обои, вмѣсто раскрашенныхъ стѣнъ въ глупомъ помпейскомъ вкусѣ.... и чтобы все было готово чрезъ двѣ недѣли.

— Время зависитъ отъ цѣны, сказалъ художникъ.

— Я не о цѣнѣ говорю, отвѣчала дама.

Художникъ поклонился. Дама пошла въ противоположныя двери.

— Софья Петровна позволитъ мнѣ поздравить ее съ пріѣздомъ, сказалъ Потапъ Савичъ, шаркая вслѣдъ за дамой.

Она оглянулась.

— Вѣра Михайловна! вскрикнулъ Потапъ Савичъ, разбросивъ руки отъ удивленія:—васъ ли я вижу?

— Потапъ Савичъ... сказала Сара, смутясь отъ нежданной встрѣчи.

— Онѣмѣлъ, онѣмѣлъ, совсѣмъ онѣмѣлъ, языкъ отнялся, не вѣрю глазамъ—обманываютъ! Думаю видѣть хозяйку дома... метаморфозъ, превращеніе.

— Отчего же я не могу быть хозяйкой этого дома?

— Позвольте опомниться... въ нѣсколько дней цѣлое свѣтопреставленіе!... Вы—ужь хозяйка дома, князь Луцкій—возстаніе изъ мертвыхъ.... но какая у него дочь!... очарованіе изъ очарованій, и также, какъ вы, Вѣра Михайловна...

Живой румянецъ мгновенно потухъ на щекахъ Сары.

— Въ самомъ дѣлѣ, сколько новостей! проговорила она съ принужденною усмѣшкой, усиливаясь сказать что-нибудь.

— Это еще не все... Лонскій—помните, такой писаный?—явился снова въ Москвѣ, сію минуту только видѣлъ его

у Марьи Ивановны, и, кажется, есть надежда, что страстная любовь его наконецъ увѣнчается...

— Вы меня заговорили, а меня ждутъ, сказала вдругъ Сара, и порывисто отворотясь отъ Потапа Савича, пробѣжала черезъ залу, и исчезла изъ глазъ Потапа Савича. Поднявъ оброненный ею платокъ, онъ торопливо зашаркалъ вслѣдъ за нею; но карета далеко уже умчалась отъ подъѣзда.

„Это что̀ жь за видѣніе? спросилъ самъ себя Потапъ Савичъ, стоя на крыльцѣ: Марья Ивановна говоритъ, что она уѣхала изъ Москвы, съ какимъ-то отыскавшимся роднымъ; Варвара Сергѣевна говоритъ за тайну, что она уѣхала съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ за границу; всѣ прочіе говорятъ это вслухъ... кого жь я видѣлъ?“

Повторяя этотъ вопросъ, Потапъ Савичъ сѣлъ на дрожки, имѣя уже въ запасѣ двѣ полновѣсныя новости для сообщенія кому слѣдуетъ.

Между тѣмъ Сара, проѣхавъ довольно значительное разстояніе, вдругъ спохватилась и вскрикнула: „я объ немъ и забыла!“ и приказала ѣхать назадъ къ дому.

На лицѣ ея въ первый разъ выразилось что-то зловѣщее, глаза какъ будто искали какой-то жертвы. Она выскочила изъ кареты, вошла въ домъ, пробѣжала длинный рядъ меблированныхъ, но пустыхъ комнатъ, и отворила дверь въ кабинетъ. Здѣсь, князь Иванъ Юрьевичъ, утомясь отъ обхода для осмотра дома, сидѣлъ въ широкихъ креслахъ-розвальняхъ, погруженный въ какую-то дремоту думы.

— Князь, мы ѣдемъ за границу! сказала ему отрывисто Сара:—я не хочу оставаться въ Москвѣ!.. Поѣдемте...

— Это было ваше желаніе; но вотъ видите ли, chère, какъ въ васъ благоразуміе беретъ всегда верхъ... хорошо, что можно еще отказаться отъ дома и пропадетъ только задатокъ.

— Поѣдемте, повторила Сара.

Князь взялъ ее подъ руки, они вышли изъ дому, и сѣли въ карету, приказавъ ѣхать домой.

Ввечеру Потапъ Савичъ явился къ Лиговскимъ; расшаркавшись и проговоривъ всѣ титулы почтенныхъ особъ за-

сѣдавшихъ въ гостиной, онъ обратился снова къ хозяйкѣ и торжественно возгласилъ:

— Имѣлъ удовольствіе нежданно, негаданно встрѣтиться сегодня и побесѣдовать съ прекрасною вашею воспитанницей, Вѣрой Михайловной!

— Гдѣ, батюшка? во снѣ? спросила Авдотья Петровна, взглянувъ на Марью Ивановну, которая поблѣднѣла отъ этой новости.—Ты кажется тронутъ ею и грезишь.

— Бываютъ видѣнія, сновидѣнія, грезы и бредъ; но я еще не въ бѣлой горячкѣ. Въ бывшемъ домѣ Строниной, я видѣлъ новую хозяйку—Вѣру Михайловну.

И Потапъ Савичъ длиннымъ комическимъ монологомъ разказалъ встрѣчу съ Сарой, и подалъ въ доказательство оброненный ею платокъ съ отмѣткой.

Марья Ивановна взглянула съ отвращеніемъ, и не взяла его изъ рукъ Потапа Савича.

— Ты, батюшка, рехнулся представлять такія комедіи! сказала Авдотья Петровна съ сердцемъ.

— Просто comedia divina, продолжалъ Потапъ Савичъ, держа платокъ, какъ профессоръ магіи, и показывая его всѣмъ присутствующимъ. — Въ домѣ Строниной является видѣніе, духъ Вѣры Михайловны, и исчезая, роняетъ вотъ эту матеріяльную вещь... Впрочемъ, можетъ-быть линобатистъ относится къ духовнымъ матеріямъ?

— Эта забавная комедія однакоже довольно серіозна, сказалъ Ранѣевъ, бесѣдовавшій съ Марьей Ивановной и именно насчетъ Сары.—Чего добраго, она, можетъ-быть, и здѣсь. Сейчасъ же отправлюсь на слѣдствіе.

— Ахъ, оставьте пожалуста! сказала Марья Ивановна.

— Нѣтъ, позвольте, не могу!

Ранѣевъ взялъ шляпу и немедленно же отправился въ извѣстный ему домъ Строниной. Долго звонилъ онъ у подъѣзда, но никто не отозвался. Пошелъ къ воротамъ. У воротъ сидѣлъ на ночномъ караулѣ дворникъ.

— Это домъ Строниной?

— Нѣтъ, купленъ, отвѣчалъ дворникъ.

— Кто жь купилъ?

— Ульяна Трифоновна.

— Кто такая?

— Купчиха.

— Никакого выхода! вскричалъ Ранѣевъ.

— Какъ нѣтъ выхода? сказалъ дворникъ:—и входъ и выходъ есть съ улицы.

Ранѣевъ возвратился къ Лиговскимъ.

— Домъ Строниной дѣйствительно купленъ, сказалъ онъ, входя въ гостиную.

— Изволите видѣть! крикнулъ Потапъ Савичъ.

— Новая хозяйка его купчиха Ульяна Трифоновна.

Всѣ захохотали. Марья Ивановна успокоилась.

Потапъ Савичъ разбросилъ отъ изумленія руки и сталъ какъ вкопаный.

— Чудеса! проговорилъ онъ:—такъ являются только послѣ смерти!

XXIV.

Марья Ивановна и мать Лонскаго, въ дружественныхъ изліяніяхъ, намекали уже слегка другъ другу о возможности породниться.

Въ Лонскомъ проявлялись уже мгновенія новаго увлеченія; но передъ рѣшительною минутой онъ возвратился домой съ чувствами, которыя снова завели борьбу на жизнь и смерть; человѣкъ его, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ ему.

— Отъ кого это?

— Приходилъ какой-то человѣкъ и просилъ отдать вамъ съ глазу на глазъ.

Лонскій взглянулъ на адресъ женской руки, развернулъ письмо, пробѣжалъ нѣсколько словъ и поблѣднѣлъ; потомъ онъ положилъ письмо передъ собой, сжалъ руки, и, не сводя съ него глазъ, безмолвно, неподвижно сидѣлъ надъ нимъ, какъ убитый, и казалось перечитывалъ написанное:

„Между нами все кончено. Эти нѣсколько строкъ я пишу вамъ невольно. Всѣ коварныя клеветы взведенныя на меня кажутся мнѣ страшны только въ отношеніи къ вамъ. Теперь, извлеченная изъ бездны, въ которую ненавидѣвшіе меня бросили бѣдную сироту, я могу вамъ сознаться во всемъ. Я виновата передъ вами, я избѣгала васъ вопреки движеніямъ своего сердца, думая исполнять этимъ обязанность мою передъ семействомъ, въ которомъ воспитывалась. Я виновата передъ ними, что была безсильна въ борьбѣ сама съ собою, и согласилась на ваше предложеніе. Мнѣ этого не простили; но месть и коварство были

уже слишкомъ безчеловѣчны. Судите меня, я вамъ открою и послѣднюю мою тайну, кто мой истинный благодѣтель, который съ младенчества полюбилъ меня какъ родную дочь, который взялъ меня изъ дому Л. подъ свой покровъ, который наконецъ предлагаетъ мнѣ все свое достояніе... это князь Иванъ Юрьевичъ. Когда вы получите это письмо, я буду уже за границей. Еще сознаніе: я васъ любила и люблю страстно... Прощайте! я все сказала что̀ давно желала сказать вамъ. W."

Какъ будто вдругъ очнувшись отъ усыпленія, Лонскій вскочилъ съ мѣста, крикнулъ своего человѣка, приказал подать карету, немедленно же уложиться въ дорогу,—и—никому ни слова!

Отдавъ приказаніе, онъ написалъ на почтовомъ листѣ:

„Матушка! мнѣ здѣсь не возможно болѣе оставаться, я ѣду, мнѣ надо ѣхать. Я не могу этому доброму существу Л. платить за любовь любовью — я неблагодаренъ, что̀ жь дѣлать? но если я на ней женюсь, я погублю и ее и себя, я буду преступникъ."

Записка на имя матери пролежала на столѣ до вечера.

Когда хватились Лонскаго въ домѣ, онъ уже былъ далеко.

Письмо отчаянной матери въ Петербургъ не застало его тамъ; онъ уже былъ за границей.

Прошло лѣто и осень. Къ зимѣ князь Иванъ Юрьевичъ возвратился въ Москву. Замѣтно охилѣлъ онъ въ это короткое время.

— А княгиня? спросилъ его кто-то, при Ранѣевѣ.

— Какая? спросилъ сурово и князь.

— Но вѣдь вы, князь, женились, какъ говорятъ.

— Когда?

Ранѣевъ посмотрѣлъ на князя и пожалъ плечами; но не отъ недоумѣнія, какъ обычно; онъ выдержалъ свой характеръ и все выслѣдилъ. Блѣдными призраками пронеслись въ воображеніи его нѣсколько еще недавно цвѣтущихъ существъ, которыя увяли отъ роковаго взгляда Сары; но онъ вздохнулъ и о ней.

